

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. П. Лимаренко

ОЦИОЛОГИЯ
ДЕНЕГ

МИНСК
БГУ
2014

УДК 316.334.2:336.74
ББК 60.561.2
Л58

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Рецензенты:

доктор социологических наук *А. Н. Данилов*;
кандидат философских наук *В. Л. Абушенко*

Лимаренко, А. П.

Л58 Социология денег / А. П. Лимаренко. — Минск : БГУ, 2014. —
208 с.
ISBN 978-985-518-986-3.

Рассматриваются исторические и методологические проблемы социологии денег в контексте современной стадии развития капиталистического общества — финансового капитализма. Анализируются процесс предметного самоопределения социологии денег как отраслевой социологической дисциплины, основные социологические концепции денег и направления социологических исследований денег и денежных отношений.

**УДК 316.334.2:336.74
ББК 60.561.2**

ISBN 978-985-518-986-3

© Лимаренко А. П., 2014
© БГУ, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Никто не ставит под сомнение экономическую необходимость денег и денежных отношений. Представить современное общество без денег невозможно. Однако социальное влияние их всегда выходило далеко за пределы чисто «экономической территории». Деньги и денежные интересы неизбежно проникали и проникают во все значимые сферы общественных отношений: от международной политики до повседневных практик. Денежные отношения оказывают существенное влияние на культуру, общественную мораль, системы ценностей, мотивации трудовой деятельности и повседневного поведения и даже на мировоззрение, представления людей о смысле жизни. Мы живем в обществе, которое обозначаем загадочным для большинства людей словом «капитализм». Между тем деньги не только выполняют стандартные экономические функции меры: стоимости, средства обращения и др., но и являются наиболее совершенной и ликвидной формой капитала. Усложнение глобального разделения труда и обмена, рост капиталоемкости общественного производства возводят деньги на вершину пирамиды социальных институтов. Этот исторический процесс обозначают различными терминами: «финансовый капитализм», «финансиализация», «монетизация», «финансокрация», власть «больших денег» и др. Деньги, изначально призванные удовлетворять чисто утилитарные функции меры стоимости и средства обращения, приобретают новую сущность, новое измерение. Финансовый капитал становится не только основой основ базовых капиталистических отношений в современных обществах, но и превращается в важнейший нормативный регулятор социальных отношений в самых различных сферах человеческого бытия. В литературе часто упоминается гипотеза Жака Аттали о трех типах социального порядка, «о трех способах организации насилия» – порядке Сакрального, порядке Силы и порядке Денег, которым последовательно соответствуют три социальные формы осуществления власти: священник, царь и торговец-финансист. Речь идет о растущем доминировании денежных институтов. По мнению Жака Аттали, «денежный порядок» в отличие от двух предшествующих уничтожает множественные социальные формы, конкурирующие между собой, «стремится к организации единой универсальной формы мирового масштаба». Это мнение разделяют многие критики финансового

капитализма, считающие, что растущее господство денежного капитала в конечном счете ведет к установлению универсального социального порядка под управлением мирового правительства, то есть к мондиализму.

Как и всякая теоретическая модель, гипотеза Жака Аттали упрощает социальную реальность. Деньги не могут полностью вытеснить такие важнейшие социальные регуляторы, обеспечивающие воспроизводство общественного порядка, как мораль, право, традиция. Но и закрывать глаза на претензии «больших денег» монополюбно господствовать в системе властных отношений и целеполагания, на агрессивное вторжение денег и денежных отношений в социокультурное пространство нельзя, а следовательно, нельзя ограничиваться только экономическим анализом роли денег в социальной истории общества. Так сложилось, что представители многих гуманитарных наук явно недооценивали значимость исследования денег как социального феномена.

«Как могло случиться, что это явление современного мира, столь очевидное и столь могущественное, так мало исследовано, в то время как мы тратим столько энергии, чтобы заработать деньги, и ежедневно имеем с ними дело?» — задается вопросом С. Московичи¹. Действительно странно. Ведь «хозяева денег» не скрывают своих намерений. Как откровенно выразился бывший госсекретарь США Г. Киссинджер в разгар нефтяного кризиса 1970-х гг.: «Если вы контролируете нефть, вы управляете целыми странами; если вы контролируете продовольствие, вы управляете людьми. Если вы контролируете деньги, вы управляете всем миром».

Но деньги, денежные институты являются не только важным фактором макросоциологии общественной жизни. Деньги присутствуют всюду, почти во всех повседневных практиках, оказывают существенное влияние на взаимоотношения людей в семье, в межличностных взаимодействиях. Хотя мудрый Сократ и убеждал своих слушателей, что на деньги можно купить еду, но не аппетит, постель, но не сон, лекарство, но не здоровье, развлечение, но не радость, учителей, но не ум. Здравый смысл подсказывает, что все не так просто, что бедность и нищета также часто несовместимы с поисками счастья. Во многих ситуациях деньги разделяют людей, но гораздо чаще они являются необходимым условием сотрудничества и кооперации. Удивительно, но если просмотреть публикации по социологии семьи, то невольно складывается впечатление, что денежные отношения в семье это нечто вторичное, менее существенное, чем, скажем, гендерное неравенство, хотя гендерное неравенство в семье, как и в других сферах общественных отношений, является прямым следствием денежного неравенства.

Конечно, классики социологии хорошо понимали значимость денег и денежных институтов в общественной жизни, как и классики политической экономики, вовсе не ограничивались только экономическим анали-

¹ *Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 364.*

зом денег и денежных отношений. Тем не менее книга Г. Зиммеля «Философия денег» (1900) долгое время оставалась единственным специальным исследованием, посвященным собственно социологическому анализу феномена денег, при том, что тема денег всегда была одной из господствующих в общественном сознании, в классической литературе, публицистике, кинематографе. Явный дефицит интереса к социальной проблематике денег стал преодолеваться в 60-е гг. прошлого столетия, хотя инициаторами этого нового интереса поначалу были специалисты в области истории экономики, социальной и культурной антропологии, социальной психологии. После публикации известных исследований К. Поланьи, С. Московичи, Дж. Коулмена, Э. Гидденса, М. Агилетта, В. Зелизер и других авторов постепенно формируется предметная область новой дисциплины – социология денег. Существенный вклад в разработку проблематики социологии денег внесли российские ученые. Прежде всего следует отметить систематическую разработку этой темы в публикациях профессора В. В. Радаева, профессора Н. Н. Зарубиной, профессора В. Ю. Катасонова, в историко-социологических исследованиях профессора Л. Г. Ионина. В настоящее время дисциплина «Социология денег» включается в учебные программы университетов. Она как специальная дисциплина находится в стадии становления, формирования собственного проблемного поля и теоретического осмысления денег как социального феномена. В современных обществах денежные отношения наполняются новым социальным содержанием, новыми смыслами и символическим значением, выходящим далеко за пределы обменных операций. Возрастает, соответственно, и актуальность социологических исследований денег, денежных систем и финансовых институтов. Тем более это касается обществ, в которых, по выражению С. Московичи, «количество банков превышает количество библиотек и музеев». Важно также учитывать, что многое в социальной истории денежных и финансовых институтов повторяется и прогнозируется. Так, например, еще 150 лет назад британский экономист Уолтер Бэджет на удивление точно предсказывал неизбежность нынешних валютных проблем в Западной Европе. Денежные системы не могут быть нейтральными по отношению к социальным процессам. В частности, никакая риторика не может скрыть простого факта: проект «Соединенные Штаты Европы», по существу, сводится к проекту «Соединенные Банки Европы».

Настоящая монография является одним из возможных вариантов систематизации основной проблематики социологии денег как специальной социологической дисциплины. Содержание книги ориентировано на программу обучения студентов отделения социологии, но может также представлять интерес для студентов, обучающихся по другим гуманитарным специальностям и для всех интересующихся социальными проблемами денег и денежных отношений.

1 СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДЕНЕГ

1.1. РАЗВИТИЕ ДЕНЕЖНЫХ И ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ

Деньги и денежное обращение – часть общего социального процесса. Поэтому история денег – это всегда не только экономическая, но и социальная история. Денежные системы не существуют в каком-то идеальном, навсегда заданном социальном пространстве. «Работа денег», их возможные качественные проявления, экономическая и социальная эффективность денежных систем напрямую зависят от расстановки классовых сил в конкретные исторические эпохи, от классовых интересов, тесно связана с властными отношениями и борьбой за господство над базовыми ресурсами общества. Деньги всегда присутствовали на шахматной доске истории, время от времени занимая позиции различных фигур. Соответственно, менялось и отношение к деньгам со стороны различных социальных групп. В средневековой Европе «денежные дела» часто отдавались на откуп маргинальным социальным группам, в современном обществе «хозяева денег» занимают высшие позиции в социальной иерархии.

Социальную историю денег можно представить как череду событий, состоящих из различных альянсов, конфликтов и компромиссов, открытых войн между властвующими и финансовыми элитами. Деньги в своем основном социальном качестве являются капиталом и, соответственно, подчиняются объективной логике капитала. Деньги в качестве капитала живут оборотом, процентом на капитал, как принято говорить: «Деньги не спят». И этой логике не смогла сопротивляться даже такая могущественная в Средние века организация, как Католическая церковь, в конце концов вынужденная признать, что кредитор несет издержки, связанные как с риском, так и с упущенными деловыми возможностями.

Деньги не являются изобретением наподобие колеса, они не привнесены в социальную систему извне, а являются естественным следствием развития общественного разделения труда и обмена (здесь следует напомнить, что понятие «общественное разделение труда» — одна из основных категорий теоретической социологии). Деньги объективны в том смысле, что вписаны в социальную систему как на общественном, так и на индивидуально-психологическом уровне. Избавиться от денег в обществах, основанных на разделении труда и обмене, невозможно в принципе. Логически можно представить «постэкономическое» общество, в котором отсутствует дефицит жизненно важных ресурсов, отсутствует потребность в измерении вклада участников в общее дело, что-то вроде коммунизма. В таком обществе действительно возможны иные неденежные формы производственных отношений между людьми и социальными группами. Можно даже представить фантастические технологии, которые избавят общество от «проклятия денег». Но в обозримом будущем все это выглядит не более чем утопия. Все известные нам достаточно развитые общества основаны на денежных отношениях. Вопрос лишь в том, кто, как и в чьих интересах контролирует деньги и финансы.

Проблемное поле социальной истории денег охватывает такие важные с точки зрения социологической теории вопросы, как влияние денег на трансформацию отношений собственности и социальную стратификацию, формирование классовых и внутриклассовых отношений, историческую эволюцию социальных систем, например «участие» денег и денежных интересов в важнейших исторических событиях. Важно также иметь в виду, что исторический анализ необходим для понимания социальной природы денег. Являются ли постоянно повторяющиеся в истории финансовые и, как следствие, экономические и социальные катастрофы следствием системных противоречий в обществах, основанных на денежных отношениях? Или они вызваны, по выражению Н. Коперника, «порчей денег» под влиянием частных корыстных интересов, изначальной порочностью человеческой природы, неэффективной финансовой политикой (неизбежными человеческими ошибками ввиду чрезвычайной сложности управления финансами), недостаточным общественным контролем или, наконец, несовершенством практикуемых денежных и финансовых систем.

В центре внимания социальной истории денег — реальная история соперничества государственных и частных финансов и «вечного» поиска эффективной денежной и финансовой политики. В экономической теории сложились два основных подхода к решению проблемы денежной политики: монетаризм и кейнсианство. Обе школы опубликовали классические труды, ставшие своего рода священными текстами для своих сторонников. Монетаристы вслед за Милтоном Фридманом рассматривают

денежную политику как универсальный инструмент воздействия на экономику, но, главное, категорически выступают против необоснованного вмешательства государства в экономику. Монетаристы являются последовательными сторонниками принципа *laissez faire* (свободного рынка). Денежная политика должна следовать за свободным движением рыночных сил. При этом, по убеждению монетаристов, кейнсианцы недооценивают возможности использования монетарной политики с целью стимулирования экономической активности. Кейнсианцы, до сих пор напуганные последствиями Великой депрессии, справедливо указывают на то, что в периоды кризиса рост денежной массы приводит лишь к «замораживанию» денежных средств в финансовых активах и падению скорости денежного обращения. Поэтому в периоды экономической рецессии или кризиса кейнсианцы предлагают проводить активную политику государственного вмешательства в экономику, направленную на бюджетное стимулирование спроса, в том числе путем контроля над основными финансовыми институтами. В конечном счете это не просто экономические дискурсы, а вполне сформировавшиеся концепции социальной политики. Фундаментальные экономические работы Дж. М. Кейнса, Ф. Хайека, М. Фридмана, как и «Капитал» К. Маркса, социологичны, поскольку речь идет о базисных социальных отношениях: собственности и производства, распределения прибыли, занятости, социальной эффективности применения той или иной денежной и финансовой политики. Теоретически это, по-видимому, бесконечный спор. Возможно, ответы даст практика, но история денег и в этом случае не внушает оптимизма. Все известные денежные системы и соответствующая финансовая политика переживали периоды успеха и тяжелых поражений. И хотя поиски идеальных денег упорно продолжаются, надежды на решение этой проблемы маловероятны. Более того, может оказаться, что «идеальная» денежная система тоже окажется цикличной и неидеальной. Для социальной истории денег важно иметь в виду, что академическая наука по идеологическим соображениям обычно избегает самых острых эпизодов в истории денег, их вовлеченности во многие социальные катастрофы, революции, войны, морально не приемлемое социальное неравенство и эксплуатацию. Но социолога интересуют именно эти страницы истории, как и вопросы обратного влияния социальных, классовых интересов и ценностей на денежные и финансовые институты.

Исторически деньги появляются уже в древних племенных сообществах вместе с развитием отношений собственности и обмена. Торговля сама по себе предполагает право отчуждения товара, то есть право коллективного или частного владения. В процессах обмена выявляется меновая стоимость товаров, их способность обмениваться в определенных пропорциях

и количествах. Различные экономические школы по-разному определяют природу стоимости товаров. Стоимость, например, может определяться общественно необходимыми затратами труда, балансом спроса и предложения, полезностью товара, издержками производства и другими факторами. Но в любом случае меновая стоимость — это всегда социальное отношение, всегда социальное взаимодействие, в ходе которого сопоставляются трудовые затраты, полезность товаров, выгоды или убыточность отчуждения — приобретения товара. Деньги и есть универсальный измеритель этих отношений и одновременно абстрактная форма инобытия товара, стадия его перевоплощения в процессе обмена.

Первоначально обмен осуществлялся на основе сопоставления (сравнения) конкретных товаров, в последующем отдельные группы товаров могли выступать эквивалентом данного товара, и наконец, какой-либо из товаров выбирался в качестве всеобщего эквивалента, то есть денег (денежная форма стоимости). В качестве всеобщего эквивалента использовались товары, пользующиеся наибольшим спросом, то есть обладающие максимальной ликвидностью (например, зерно, скот, металл, драгоценные камни, соль и др.). Кстати, по-латыни скот называется «ресус», а деньги — «ресупиа», точно так же русское слово «товар» в тюркском языке означает «скот». Во всех древнейших из известных нам государств торговля осуществлялась на основе таких товарных денег. Даже с появлением монетной чеканки товарные деньги продолжали применяться в течение тысячелетий. Но подлинной революцией в социальной истории денег стал переход к использованию в качестве всеобщего эквивалента редких металлов — золота и серебра. Если вспомнить, что тяжелые химические элементы образуются при взрыве сверхновых звезд, то золото и серебро поистине дар небес. Эти элементы достаточно редки и достаточно распространены по территории Земли, их поиск и добыча требуют приложения значительных трудовых усилий, к тому же золото и серебро обладают всеми необходимыми для выполнения функций денег естественными свойствами (однородность, делимость и др.).

Чеканка монет из редких металлов оказала не меньшее влияние на развитие цивилизации, чем, например, переход к оседлому земледелию, скотоводству или освоение новых источников энергии. Впервые возникло то, что называют «настоящие деньги». Денежные отношения, как, впрочем, и многие другие виды социальных отношений, основаны на доверии. Если легитимность товарных денег была ограничена местными денежными практиками, то доверие к деньгам из драгоценных металлов гарантировалось их естественными, природными свойствами. Это обстоятельство принципиально меняло характер социальных отношений по поводу обмена товарами и услугами. По сути, появились мировые деньги, и соответственно,

возникли новые социальные связи, неизмеримо расширилось пространство возможного социального взаимодействия, что-то вроде исторически первой формы глобализации. Была существенно ослаблена монополия на деньги со стороны общин и государства. Биметаллическая денежная система с попеременным преобладанием чеканки монет то из золота, то из серебра сохранилась вплоть до XX в.

Совершенствование и развитие денежного обращения и денежных систем способствовали углублению разделения труда, росту товарных рынков, развитию государственного управления практически одновременно в основных центрах цивилизации: Древний Китай, Египет, Вавилонское царство, Древняя Греция, Рим и др. О том, что спрос рождает предложение, было известно за долго до капитализма. Рост торговли и рынков сбыта активно стимулировали развитие экономики и производительных сил. Так, высокоточные измерения весов придумали именно производители золота. Вместе с развитием государства и хозяйства развивались новые практики управления деньгами, формировалась система государственных и частных финансов (финансов хозяйствующих субъектов).

С этого момента собственно и начинается социальная история денег. Контроль над деньгами и финансами становится новым полем исторического соперничества между «золотом и булатом», между государственными, общинными и частными деньгами. Нынешние поколения являются прямыми свидетелями, может быть, и не последней, но, по крайней мере, самой драматичной части этого исторического соперничества, свидетелями конечно не абсолютного, но уже крайне опасного роста власти анонимного и полуанонимного частного финансового капитала. Политические лидеры ведущих стран безропотно прогибаются перед «хозяевами денег», без конца повторяя, что «ответственная» политика должна соответствовать ожиданиям финансовых рынков, то есть ожиданиям владельцев и операторов частных денег. Фактически власть финансовых рынков достигла такого масштаба, что правительства больше ценят доверие рынков, чем доверие собственных граждан.

Уже в античные времена постепенное накопление золота в частных руках, превышающее потребности в деньгах как средстве обращения, естественно, приводило к накоплению денежного капитала. Конечно, и раньше различные активы передавались во временное пользование другим лицам для получения определенной выгоды, но только золото стало самым надежным средством накопления богатства, универсальным активом, который так легко было пустить в оборот, использовать в качестве капитала. Самый ценный ресурс в любом обществе и в жизни любого человека – время. Из-за нехватки времени для необходимых реформ, например срочного повышения обороноспособности, гибли государства и цивилизации. Тор-

говля временем, естественно, оказалась самым выгодным предприятием. Ростовщичество стало первой формой кредита, а кредит и есть торговля временем. Кредит изменил ритмику общественной жизни, позволил гораздо эффективнее задействовать доступные ресурсы, в том числе и ресурс времени. Одни авторы не без основания считают кредит величайшим изобретением человечества, другие — величайшим проклятием. Конечно, с появлением ростовщичества в общественную жизнь внедрилась финансовая, в общественном мнении самая несправедливая, форма эксплуатации. Одна из популярных библейских историй гласит о том, как и почему Иисус изгнал менял из храма. Ловкие мошенники воспользовались тем, что храмовый сбор оплачивался только специальными монетами (половина шекеля), на которых не было изображения римского императора, и потому они были угодны Богу. Монополизировав этот рынок, менялы подняли обменный курс, принуждая правоверных евреев к откровенно не выгодному обмену других монет на храмовые шекели, что и вызвало справедливое возмущение населения. Тем не менее без предоставления денег в кредит под проценты развитие цивилизации было бы невозможным.

В историческом противостоянии «злата и булата» всегда была третья сторона, так сказать молчаливое большинство, которое обычно становилось жертвой междоусобиц власть имущих и владельцев частных финансов. Поэтому народный протест в государствах с достаточно развитыми денежными и финансовыми системами изначально был направлен как против произвола власти, так и против «жадных» ростовщиков. Эта третья сила сформировала собственную идеологию, выдвигала собственных активистов. Сопrotивление финансовой эксплуатации не прекращалось со времен Христа. Именно под давлением общественного мнения духовенство мировых религий так критично относилось к ростовщичеству, понимаемому как злоупотребление кредитом под процент. В пророчествах Иехезкеля (18:11=13) ростовщичество названо «тягчайшим преступлением, таким как воровство, прелюбодеяние, убийство и т. п., заслуживающим смертной казни» (Электронная еврейская энциклопедия). В Коране утверждается: «Те, которые берут лихву, восстанут (в судный день), как восстанет тот, кого шайтан своим прикосновением обратил в безумца. Это им в наказание за то, что они говорили: «Воистину торговля — то же, что и лихва». Но торговлю Аллах дозволил, лихву запретил. Если к кому-либо (из ростовщиков) придет увещевание от Аллаха и если он поступит согласно этому увещеванию, то ему простятся прошлые его грехи» (Коран, Сура 2:275). Взимание процентов было осуждено 17 римскими папами и 28 Соборами, в том числе 6 Вселенскими соборами (Правила Вселенских соборов). Ростовщичество каралось отлучением от Церкви, лишением причастия, христианского погребения и т. д. По этой причине в Средние века в Европе фи-

нансовыми операциями занимались в основном иностранцы и иноверцы, по большей части еврейские общины, так как на них не распространялись церковные ограничения.

Если учесть, что даже в наше время финансовые спекулянты и некомпетентное государственное управление загнали в долговую кабалу самые развитые страны, то понятно, что неограниченное ростовщичество представляло серьезную опасность для общества и в древние времена. Это понимали многие правители Греции и Рима. Римские императоры неоднократно пытались ограничить деятельность менял с помощью законов о ростовщичестве и ограничения залога земель. Остается вопросом: является ли исторически негативное отношение Церкви к ссудному проценту частью эффективного социального менеджмента для соответствующего исторического времени или тормозом социального прогресса?

В современном мире более или менее свободное информационное пространство переполнено «народной» пропагандой против банкстеров и ссудного процента. Можно заметить и то, что под влиянием общественного недовольства после кризиса 2007–2008 гг. растет фронда и в среде политического класса, направленная если и не против «финансового терроризма», то, по крайней мере, против откровенно грубого давления финансовых рынков. Об этом же говорят нарастающие политические инициативы против укрывательства от налогов с помощью офшорных юрисдикций, в которых сосредоточилось около трети мировых активов.

Конфликты между политической властью, частными финансами и общественными интересами имеют глубокие исторические корни и всегда оказывали значительное влияние на социальные процессы (распределение собственности и власти, социальную стратификацию, занятость, межгосударственные отношения, войны и др.). Эти конфликты провоцировали важные перемены, часто приводили к экономическим и социальным катастрофам. Историческая социология традиционно акцентирует внимание на исследовании взаимоотношений этнических, классовых, религиозных групп и не уделяет необходимого внимания анализу влияния на исторические процессы интересов социальных групп, связанных с государственными и частными деньгами, с денежными отношениями и интересами. Между тем эти специфические интересы присутствуют практически во всех исторически значимых социальных событиях и процессах. В этой «плутовской игре» и государство, и держатели частных денег проявляли удивительную изобретательность. В книге Александра Дель Мара «История денежных систем», изданной еще в 1886 г., детально описывается множество таких часто весьма причудливых денежных практик. Тастейн Пол приводит интересный пример из книги Александра Дель Мара о карфагенских кожаных деньгах (450 г. до н. э.): «Кожаные мешки в качестве денег использовались в древ-

нем городе Карфаген, и суть этой идеи состояла в следующем: вместо того чтобы чеканить все монеты из небольшого количества серебра, они изготовили приличное их количество из дешевого сплава и небольшой объем — из чистого серебра. Монеты — включая подделки — запечатывались в кожаный мешок, объявлялись серебром определенного номинала и считались ничего не стоящими, если мешок был вскрыт» [1].

Казалось бы, исторический курьез. Но история денег потому и поучительна, что многие сомнительные денежные практики сохраняются тысячелетиями. Чем, например, отличается торговля токсичными ипотечными обязательствами, упакованными в «кожаные мешки» высоких рейтингов, приписанных им вроде бы авторитетными, а на самом деле аффилированными с банками рейтинговыми агентствами. Ипотечный пузырь лопнул, «рейтинговый мешок» вскрылся, ценные бумаги превратились в мусор. Эта масштабная финансовая авантюра запустила цепочку финансовых и экономических кризисов, из которых мировая экономика не может выбраться с 2008 г.

Уже в древних государствах, основанных на натуральном хозяйстве, с развитием товарно-денежных отношений постепенно формировались финансы, представляющие интересы основных участников экономической деятельности: государства, общин и частных хозяйствующих субъектов. Соответственно, актуализировались проблемы взаимоотношений государственной, общинной и частной собственности. Развитие финансовых систем проходило в рамках цикла «натуральное хозяйство — денежное хозяйство», с постепенным часто непоследовательным усилением роли денежного обращения и соответственно нарастающими противоречиями между государственными и частными финансами. В тех случаях, когда в результате успешных торговых и ростовщических операций общинам и частным предпринимателям удавалось накопить значительные капиталы, они активно поддерживали создание политических союзов, способных обеспечить защиту торгового и ростовщического капитала. Обычно это были города-государства или союзы городов (Флоренция, Венеция, Ганзейский союз и др.). Политическое и экономическое могущество этих объединений во многом опиралось на экспансию в сферу естественно растущих финансовых рынков. Так, к середине XIV в. Флоренция стала ведущим финансовым центром Европы. Банковские дома Флоренции даже брали на откуп взимание налогов в Англии и Франции.

Важно также подчеркнуть удивительную социальную инновационность средневековых торговых союзов и политических объединений, в экономике которых частный торговый и денежный капитал занимал высокие позиции. Особенно впечатляют социальные инновации таких торгово-финансовых городов-государств, как Генуя, Флоренция и Венеция. В XIV в. Флоренция

стала ведущим центром итальянского Возрождения, в котором творили Данте, Петрарка, Боккаччо, Джотто, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Макиавелли и многие другие. К тому же Флорентийская республика постоянно экспериментировала в области политического самоуправления.

Самоорганизация частного и общинного денежного капитала проходила также и с использованием традиционных институтов. Католическая церковь, несмотря на официальное осуждение и реальное преследование ростовщиков, как любая организация, нуждающаяся в деньгах, также не могла остаться в стороне. Наиболее яркий пример — деятельность ордена тамплиеров. В XII—XIII вв. орден стал крупнейшим игроком на финансовом рынке Европы. Орден кредитовал многих европейских правителей, иногда устанавливал прямой контроль над государственными финансами, представители ордена занимали высшие должности в казначействах государств должников, что так похоже на современные практики делегирования банками своих представителей в институты государственной власти. Финансовые операции тамплиеров вроде бы противоречили официальной церковной доктрине: деньги не должны создавать деньги (*resunia resuniam parere non potest*). Тем не менее тамплиеры добились у папы разрешения на право заниматься финансовыми операциями, что позволило им действовать легально. Благодаря этому обстоятельству и тому, что тамплиеры являлись интернациональной организацией, им удалось создать самую надежную депозитную систему и лучшую для того времени систему денежных переводов. Можно сказать, что современную систему банковских переводов придумали именно тамплиеры. Дело дошло до того, что тамплиеры в свое время стали крупнейшими кредиторами и чуть ли не единственной организацией в Европе, способной осуществлять масштабные финансовые операции. Тамплиеры даже создали в центре Парижа своего рода международный финансовый центр (один из кварталов Парижа и сейчас называется Тампль).

Финансовыми операциями в той или иной мере занимались практически все монастыри, и особенно аббатства (католические монастыри, принадлежащие монашеским орденам). Более того, аббатства в раннее Средневековье были основными финансовыми центрами. Они располагали значительным свободным финансовым капиталом, международными связями, государственной и общественной поддержкой, представляли надежные гарантии для хранения ценностей. Поэтому аббатства охотно предоставляли ссуды частным лицам, общинам, аристократам и государственной казне. Аббатства были предтечами современных банков, хранили ценности, принимали вклады, выдавали кредиты под залог, осуществляли другие банковские операции. Хотя религиозность монахов в определенной мере сдерживала ростовщические аппетиты, монашеская жадность часто не уступала жадности светских ростовщиков. Поэтому подобная финан-

совая деятельность время от времени подвергалась осуждению со стороны церковного руководства. Конечно, аббатства были не самыми богатыми учреждениями своего времени. Намного богаче, но и беззащитнее были банкиры-ломбардцы, банкиры-евреи.

С античных времен все государства стремились установить контроль над оборотом золота и серебра путем грабительских войн, поиска месторождений, монополии на чеканку монет или прямой конфискации. Однако золото и серебро всегда проникало на территории государств по неконтролируемым каналам, скапливалось в частных руках торговцев и ростовщиков. Преследуя собственные интересы, государственные и частные финансы вынужденно лавировали, вступали во временные альянсы или открыто противостояли. В этом плане характерна история «еврейских денег» в Средние века. В зависимости от исторической конъюнктуры европейские монархи то поощряли, то преследовали еврейские общины, существовавшие почти исключительно за счет торговли, ростовщичества и предоставления квалифицированных услуг. В годы правления королей из династии Каролингов еврейским общинам были предоставлены значительные права. Карл Великий и Людовик Благочестивый тщательно следили за соблюдением еврейских привилегий. Но уже Филипп II Август (1180–1223) в 1181 г. конфисковал все принадлежавшие евреям денежные средства и освободил христиан от выплаты всех долгов евреям при условии внесения пятой части от суммы долга в королевскую казну. Однако, нуждаясь в деньгах, в 1198 г. король разрешил евреям вернуться во Францию. Филипп IV Красивый (1285–1314) потребовал от крупных феодалов признания королевских прав на всех евреев Франции. В начале правления он обеспечил защиту евреев от преследований инквизиции, а в 1306 г. король снова приказал выслать всех евреев из страны и конфисковать всю принадлежавшую им собственность. Людовик X (1314–1316) в 1315 г. снова разрешил евреям вернуться во Францию и взял обязательство не изгонять евреев в течение 12 лет. В 1359 г. регент Карл Нормандский (будущий Карл V Мудрый) вновь разрешил евреям вернуться во Францию после очередного изгнания и снова предоставил им очередные торговые льготы. Причем для финансовых репрессий часто использовалось недовольство населения жадностью еврейских ростовщиков и религиозная нетерпимость, а когда обстоятельства требовали возвращения еврейских капиталов, предпринимались меры по подавлению недовольства населения и Церкви. Конечно, еврейские деньги были наиболее легкой мишенью, но точно так же государства постоянно покушались на деньги монашеских орденов, например тамплиеров, ломбардийцев, флорентийских и венецианских банкиров, золото конкурирующих государств, официально поощряя флибустьерство, и даже на деньги общин и местных феодалов.

Торговля неотделима от финансов. Секрет успеха торговых союзов состоял в более эффективном управлении финансами. Это была исторически первая демонстрация преимуществ частных финансов над государственными финансами. Денежное хозяйство раннего Средневековья отличалось пестротой, монетной раздробленностью из-за ограниченности денежного обращения, преобладания натурального обмена и натуральных налогов. Но в новых торговых городах-государствах отрабатывались социальные технологии будущего. Здесь впервые частные деньги продемонстрировали свой политический, экономический и социокультурный потенциал. Но вместе с тем были впервые продемонстрированы и внутренние системные противоречия социальной организации, основанной на доминировании частных денег и спекулятивных финансовых операциях. Оказалось, что управление частными финансами также не застраховано от неэффективных инвестиций, разорительного использования капитала, коррупции, воровства, финансового авантюризма. Конечно, были и другие причины, но именно финансовые спекуляции и неэффективное управление финансами часто сопровождали крушение самых известных и успешных из этих инновационных социальных проектов. История знает множество таких поучительных примеров. В 700 г. до н. э. в Клазоменах, одном из 12 ионических городов, власти вроде бы разумно решили, что деньги должны быть всего лишь инструментом обмена, и выпустили железные монеты в качестве обязательного средства платежа. Граждане столь же разумно стали обменивать эти монеты на золото и вывозить его за пределы города. В итоге золотые монеты вернулись в обращение. «Ионийская система показывает систему обеспеченных денег, испорченную фальшивомонетничеством и вытесненную золотом, при этом золотомонетная система была разграблена соседним государством. С тех пор обе эти судьбы много раз постигали денежные системы» [2]. В 1494 г. в результате целого ряда финансовых авантюр, неудачных инвестиций, коррупции, некомпетентного управления банк Медичи обанкротился и экономике Флоренции был нанесен тяжелый удар. Потребовались многие годы на ее восстановление.

В Средние века банковский и ростовщический капитал нередко добивался значительных привилегий со стороны государства. Николас Шэксон, научный сотрудник Chatham House, в книге «Острова сокровищ» о мировых финансовых офшорах ссылается на историю создания лондонского Сити как внутреннего офшора: «Он является древним, наполювину инородным субъектом, помещенным внутри британского национального государства, который дожил до наших дней». В течение столетий британские короли и правительства получали кредиты от банков и финансовых компаний Сити, а в ответ практически выводили финансовые операции Сити из-под юрисдикции государства [3]. Как утверждал бывший глава Корпо-

рации лондонского Сити Том Симмонс, такой характер отношений имеет историческое обоснование: «Корпорация появилась раньше государства — документальных свидетельств ее основания нет. Отсутствует устав, который определяет корпорацию как некий орган». «Эта Корпорация существовала еще до нормандского завоевания и образования политических институтов, на которых основывается современная Британия. После того как нормандский герцог Вильгельм Завоеватель в 1067 г. подчинил себе Англию, он пообещал лондонскому Сити сохранить имевшиеся на тот момент экономические привилегии, в то время как во всей остальной стране он полностью переорганизовал систему управления, как политического, так и налогового» [3].

Но в целом торговый, банковский и ростовщический капитал Средневековья был еще недостаточно силен, чтобы решительно сопротивляться претензиям государства. В этом плане конфискации государством частных денег в XX в. принципиально отличались от подобных мероприятий в прошлом. Если не учитывать экстраординарные конфискации в постреволюционной России и нацистской Германии, то все они в основном были направлены на изъятие денег у нефинансового бизнеса и обывателей. Во время Первой мировой войны германское правительство под патриотическим лозунгом «Сталь вместо золота» и, как это ни странно, при широкой поддержке населения обменяло частное золото на бумажные марки, сгоревшие после войны в пламени гиперинфляции. Во время Великой депрессии в соответствии со специальным декретом Президента США Ф. Рузвельта частное золото фактически принудительно обменивалось на валюту, которая уже через год была девальвирована. В 1930-е гг. в США разорились тысячи мелких банков, в то время как основные крупные банки Уолл-стрит не только не пострадали, но и нарастили свои капиталы.

В качестве финансового капитала деньги являются самым привлекательным ресурсом, открывающим путь не только к богатству, но и к политическому влиянию и социальному господству. Неудивительно, что вокруг этого ресурса развернулись масштабные исторические баталии. На основе финансового капитала формировались новые социальные слои, группы и организации, стремившиеся занять свое место под солнцем. Однако локальные победы частных денег в Средние века или их попытки реализовать свои устремления через традиционные институты, изначально ориентированные на иные социальные функции, не могли удовлетворить амбиции набирающих силу социальных групп, представляющих интересы общинных и частных капиталов. В XVII в. начинается новый этап на пути продвижения финансового капитала к действительно значимым социальным позициям. Основными целями этого исторического процесса стала борьба за контроль над денежной эмиссией, снятие всяких ограничений с использования ссудного капитала и практики кредитно-денежной эмиссии на основе частично-

го резервирования. Это была также борьба за высокие позиции в государственных институтах и в управлении национальными банками.

Основным институтом самоорганизации частных финансов уже в древние времена являлись кредитные учреждения (Вавилон, Карфаген, Финикия и др.). В античной Греции кредитные учреждения стали важным элементом экономики, что, кстати, очень не нравилось Аристотелю. Он относил крупные торговые сделки для перепродажи и ростовщичество не к экономике, а к хрематистике и считал, что подобная деятельность противна природе человека. Предоставляли депозитные услуги и ссуды под процент храмовые жрецы и даже свободные граждане, занимавшиеся обменом денег. В Древнем Риме, родине современного европейского права, уже вводится систематическая правовая регламентация деятельности финансовых учреждений, особенно бухгалтерского учета, что было вызвано стремительным ростом кредитных отношений и фискальных институтов. В раннее Средневековье в связи с падением товарности экономики профессиональных банков практически не было. Финансовая деятельность совмещалась с торговлей, ювелирным делом. Постепенный рост товарности хозяйства начиная с XI–XII вв. стимулировал рост кредитных операций, однако банковская деятельность оставалась уделом ограниченного круга социальных групп и организаций, постоянно подвергаясь угрозам репрессий со стороны политической власти. Клану Медичи, например, удалось создать настоящую денежную империю, но эта система существовала только благодаря покровительству власти, в данном случае римской курии.

Хотя общественное и экономическое влияние частных денег в Средние века было ограничено контролем со стороны государственных и религиозных институтов, тем не менее ростовщики и ювелиры (их обычно называли менялами) оказывали существенное влияние на экономику и финансы европейских стран. Они, например, могли критично повлиять на количество денег в обращении, спровоцировать общественное недовольство или протест. Принимая на хранение золото и драгоценности, менялы выдавали расписки, которые стали использоваться в качестве бумажных денег как более удобные в обращении, чем золотые и серебряные монеты. Логическим следствием стала выдача расписок, не обеспеченных хранящимся в сейфах золотом, поскольку клиенты редко обращались все сразу за своими вкладами. В конце концов, эти необеспеченные деньги-расписки стали выдавать в кредит под проценты. Так появились новые долговые, или кредитные, деньги, совершившие настоящую социальную и экономическую революцию. В современной экономике 95 % находящихся в обращении денег — это кредитные деньги, выпущенные в процессе кредитно-денежной эмиссии.

Постепенно новые банкиры выработали способы страхования вкладов и самострахования от массовых набегов на банки в периоды финан-

совой паники, а в последующем государство установило нормы резервов, которые банки были обязаны хранить на эти случаи (нормы банковского резервирования). Банковские операции с частичным обеспечением, выдача в кредит во много раз больше денег, чем имелось на депозитах, стали настоящей манной небесной для частного финансового капитала, но промышленная революция требовала этих кредитных денег, требовала кредита. Банковские операции с частичным покрытием, наряду с контролем над деятельностью центральных банков, обеспечили удивительный рост экономического, социального и политического влияния частных денег в XIX в., и особенно в XX в.

Частные финансы в Средние века обычно не претендовали на политическое лидерство. Политический вес феодальных баронов в большей степени определялся другими активами (земельные угодья, недвижимость, натуральные и денежные налоги, родство). Владельцы частных финансов, происходившие часто из низших слоев общества, добивались лишь того, что сейчас называется свободой предпринимательства. Но именно на фундаменте частных денег, накапливавшихся в ремесленной среде, торговле и банкинге, выросал новый господствующий класс — буржуазия. Именно растущая мощь частных денег определила содержание основных этапов развития европейской цивилизации: земельный капитал, торговый, промышленный, финансовый. Вместе с ростом частных финансов в экономике росли претензии частных денег на участие в государственных и общественных делах и дележе совокупной прибыли национальных экономик.

Современная история частных денег начинается в XVII в. в протестантских странах, узаконивших, наконец, ссудный процент и доход на денежный капитал. Именно в начале XVII в. в Европе появились настоящие частные банки, не ограничивающиеся хранением «сокровищ», переводными и обменными операциями. Большие общественные банки получили распространение только в начале XVII в. Новая экономика требовала не просто аккумуляции денежных сбережений, требовались «работающие деньги», необходимы были финансовые институты, способные запустить мотор новой экономики. Такими инновационными институтами стали акционерные банки, открытые для всех вкладчиков без статусных ограничений. Крупный торговый и ростовщический капитал европейских городов, постоянно страдавший от государственных банкротств и политической конъюнктуры, стал инициатором модернизации кредитного хозяйства. С начала XVII в. в северных странах Европы начали возникать городские банки, созданные по образцу генуэзских и венецианских общественных банков. В Германии первым из таких банков стал Гамбургский банк, учрежденный в 1619 г.

В Новое время финансовая деятельность регулировалась на основе сословных привилегий. В 1668 г. в Швеции был создан первый в мире го-

сударственный центральный банк. Он так и назывался Сословный банк Шведского королевства. Шведский парламент предоставил банку эксклюзивное право на денежную эмиссию и вывел его из прямого подчинения монарху. Такое ограничение финансовых и монетарных полномочий королевской власти стало возможным благодаря росту социальных позиций и экономического влияния третьего сословия. После отмены сословного представительства Сословный банк был переименован в Королевский банк (Riksbank). Он действует до сих пор и остается старейшим центральным банком в мире.

Примерно так же развивались события и в других протестантских странах. В течение XVII в. молодая буржуазия накопила значительные капиталы. В Англии этому способствовали не только рост промышленности, торговли и денежного оборота, но и разорительная финансовая политика правительства. Несмотря на то что гражданская война подрывала хозяйство, частный капитал существенно нажился на военных поставках, кредитах правительству и всем конфликтующим сторонам. Британская казна опустела, государственные облигации не покупались. Дальнейшее повышение налогов угрожало бунтом, а кредитная задолженность правительства становилась неподъемной. Повторить средневековые экспроприации тоже не выходило. Молодая буржуазия к этому времени уже была способна решительно защищать свои классовые интересы. В этой запутанной ситуации частные деньги перешли в решительное наступление. В 1693 г. был образован Комитет палаты общин, занявшийся поиском денег для правительства. В результате в 1694 г. специальным актом парламента был основан первый в истории Центральный банк (Bank of England) под управлением частных акционеров. Одной из целей создания Банка Англии, кстати, было финансирование войны с Францией. Первоначальный капитал банка принадлежал владельцам крупнейших банкирских домов. Акционерами Банка Англии поспешили стать некоторые члены Парламента и даже король Вильям. Вообще в желающих поучаствовать в делах новой «денежной фабрики» недостатка не было. С момента основания Банк Англии получил право совершать операции с драгоценными металлами, осуществлять выпуск и учет векселей, предоставлять ссуды. Естественно, что акционеры сразу же потребовали от правительства признания новых банкнот в качестве законного платежного средства. После некоторых препирательств Парламент дал санкцию на эмиссию ценных бумаг, а в 1697 г. принял закон, запрещающий учреждение в Англии крупных конкурирующих частных банков. Согласно этому же закону подделка банкнот Банка Англии каралась смертной казнью. Постепенно Банк Англии превратился в основной, а затем и единственный эмиссионный центр страны, получил возможность выдачи процентных кредитов, значительно превышающих резервы.

Таким образом, во имя частных интересов был легализован выпуск необеспеченной резервами национальной валюты. Открывшаяся возможность кредитно-денежной эмиссии необеспеченных денег стала настоящим золотым дном для нарождающейся мировой финансовой элиты. По существу, произошла денационализация денег. И лишь в 1946 г. лейбористское правительство провело национализацию Банка Англии, причем частные акционеры получили компенсацию на очень выгодных условиях.

Создание Банка Англии стало не только важным этапом в экономической истории, но и знаковым социальным событием, свидетельствующим о новой расстановке классовых сил. Государства и раньше допускали местную чеканку монет, но обычно сохраняли возможность ограничить или запретить подобную практику. С созданием Банка Англии государство согласилось на равное партнерство. Это был исторический альянс земельной аристократии, торгово-промышленного и финансового капитала. Именно этот классовый союз стал фундаментом стремительного роста могущества Британской империи, но одновременно создание Центрального банка со столь значительным участием частного капитала положило начало очень рискованной с точки зрения общественных интересов экспансии частных денег в сферу государственных финансов и государственного управления. Каждая сторона этого альянса получала свои выгоды. Британская империя (это название Англия получила в 1707 г. после присоединения Шотландии) получила мощную поддержку частного финансового капитала, необходимые ресурсы для осуществления гегемонистской политики. За 190 лет, прошедших между учреждением Банка Англии и поражением Наполеона, она пребывала в состоянии войны 56 лет.

Частный капитал, в свою очередь, смог опереться на растущую военную и экономическую мощь государства, то есть получил то, чего так часто не хватало частным деньгам в средневековых государствах. Частные деньги не просто пользовались услугами государства, Банк Англии стал проводником британской колониальной политики. С помощью Ост-Индской компании была осуществлена британская колонизация Индии и ряда стран Востока. В Британии практически сложилась полуолигархическая социальная и политическая система. Акционерами Банка Англии и Ост-Индской компании часто были одни и те же лица и организации. Но важнее всего то, что частные лица и негосударственные организации были допущены к «созданию» денег в национальном масштабе.

С созданием Банка Англии была запущена машина глобальной экспансии частного финансового капитала и до сих пор не ясно, чем завершится этот исторический процесс. Вот, к примеру, как работает эта машина в наше время в рамках какой-либо отдельной национальной экономики: «хозяева» резервных валют накачивают систему эмиссионными деньгами. Деньги

устремляются на фондовые рынки, акции стремительно растут, искусственно надувается финансовый пузырь, так как никаких реальных изменений в деятельности предприятий не произошло. Далее следует паника на фондовых рынках, инвесторы срочно избавляются от акций и уходят в резервные валюты, стоимость активов падает, спекулянты возвращаются, и начинается скупка акций компаний по дешевке. Это настоящая алхимия, когда на деньги, созданные финансовыми манипуляторами из воздуха, устанавливается контроль над реальными богатствами и экономикой целых государств.

Развитие капитализма и развитие денежного обращения шли параллельно, поскольку неотделимы друг от друга. Не случайно именно XVII в. — время становления современной банковской системы и финансовой элиты. В этой игре финансовых престолов одной из самых ярких страниц является история семейного клана Ротшильдов, создавших могущественную финансовую империю, так или иначе замешанную в большинстве важнейших событий экономической и социальной истории XIX—XX вв. Основателем семейного клана был Майер Амшель Бауэр, принявший фамилию Ротшильд по названию меняльной конторы своего отца. В последующем эта фамилия стала символом богатства, роскоши и власти. Ротшильды смогли сполна воспользоваться растущими социальными позициями частного капитала. Их предприятие было застраховано от традиционных потерь в результате еврейских погромов и тем более конфискации. Это были уже не «придворные евреи», выдававшие время от времени рискованные кредиты европейским монархам и аристократам. Семья раскинула широкую финансовую и шпионскую сеть по всей Европе, как и другие европейские банкиры, финансировала все воюющие стороны, активно использовала инсайдерскую информацию в своем бизнесе. Особенно обогатился клан Ротшильдов на наполеоновских войнах. Со времени наполеоновских войн одновременное финансирование воюющих сторон стало обычной практикой для частных банков. Деньги и война всегда были рядом и питали друг друга. После смерти Майера Амшеля Ротшильда в 1812 г. его совокупный капитал вдвое превышал активы Французского банка. Во время Первой мировой войны немецкие Ротшильды кредитовали Германию, британская ветвь семейства — Англию, а французская — Францию. Вторую половину XIX в. часто называли веком Ротшильдов. Приобретя колоссальное могущество, Ротшильды, как и другие банкирские дома, по вполне понятным причинам всегда предпочитали и предпочитают держаться в тени. Ведь эта реальная власть никем и никогда не избиралась. История семьи Ротшильдов хоть и выделяется, но вполне типична для второй половины XVIII и XIX в.

Интересы новых финансовых баронов все больше переплетались с интересами промышленного и торгового капитала, становились важным фактором внутренней и международной политики. В этом плане весьма пока-

зательна та роль, которую сыграли финансовые интересы и в целом деньги в истории Американской революции. Создание в 1694 г. частного акционерного центрального банка (Банка Англии) открыло правительству доступ к частным деньгам, и правительство по максимуму использовало эти новые возможности для финансирования дорогостоящих войн. В итоге правительственный долг в очередной раз вырос до опасных размеров, и правительство было вынуждено срочно искать источники новых поступлений в казну. Под давлением акционеров Банка Англии было принято решение об увеличении налогообложения американских колоний, и это в ситуации, когда в колониях остро не хватало золотых и серебряных монет для поддержания торговли. Пытаясь запустить экономику, колонисты начали выпуск собственных бумажных денег. Эксперимент оказался на редкость удачным, поскольку эмиссия новых денег строго контролировалась, тщательно поддерживался баланс денежной и товарной массы, что обеспечивало стабильность «колониальных расписок» — так назывались новые бумажные деньги. Экономика колоний встала на ноги, торговля процветала. Но «колониальные расписки» были всего лишь местной бумажной валютой, выпускавшейся в общественных интересах и не обеспеченной золотом. Банк Англии не мог принимать такие деньги в качестве платежей по колониальным налогам. Парламент Британии в 1764 г. принял Закон о валюте, который запрещал американским колониям эмиссию собственных денег и требовал платить все налоги только серебряными или золотыми монетами. Колонии насильно принуждались к соблюдению золотого стандарта. Денежная масса резко сократилась, золото и серебро вместе с налогами уплывали в сейфы Банка Англии. И без того слабая, можно сказать экспериментальная, денежная система колоний была полностью разрушена, что естественно обернулось экономической катастрофой. В своей автобиографии Б. Франклин по этому поводу писал: «Всего за один год экономические условия ухудшились настолько, что эра процветания закончилась. Наступила такая депрессия, что улицы городов заполнились безработными». По мнению Б. Франклина, «колонисты бы с готовностью вытерпели небольшое повышение налогов на чай и другие вещи, если бы Банк Англии не отбирал у колоний все деньги. Это провоцировало рост безработицы и народного недовольства. Неспособность колонистов забрать обратно право на выпуск своих денег из рук Георга III и международных банкиров стало первопричиной Американской освободительной войны».

Одним из первых актов американской революции было решение об учреждении центрального банка. Нуждаясь в деньгах, Континентальный конгресс в 1781 г. учредил по образцу Банка Англии Североамериканский банк, которому также разрешили производить банковские операции с частичным покрытием. Причем значительную часть денег в уставной капи-

тал частные лица внесли золотом, получив кредиты от своих европейских «братьев». Североамериканский банк приобрел монополию на выпуск национальной валюты. Акционеры банка поспешили воспользоваться такой благоприятной возможностью для собственного обогащения, спровоцировав затяжную инфляцию. Поэтому в 1785 г. банковская лицензия не была продлена. Эксперимент оказался неудачным. Однако частный капитал быстро добился реванша. Уже через шесть лет Конгресс учредил новый частный центральный банк под названием «Первый банк Соединенных Штатов». Лицензия гарантировала банку монопольный статус общенационального банка в течение 20 лет. В 1811 г. Палата представителей и Сенат отклонили законопроект о продлении лицензии банка. Право на эмиссию ценных бумаг давала власть. Поэтому владельцы многочисленных новых частных региональных банков не желали уступать этот ресурс сильному центральному банку. Тяжба между государством и частными банкирами возобновилась с новой силой. Пресса и ряд законодателей открыто называли банкиров стервятниками и вампирами. Конгрессмен П. Портер заявил, что если лицензия частного национального банка будет возобновлена, то Конгресс США «пригреет на своей груди одобренную Конституцией змею, которая рано или поздно укусит эту страну в сердце и лишит ее завоеванных свобод». Есть свидетельства, что в ответ международные банкиры, в частности Натан Ротшильд, пригрозили развязыванием войны. После жарких дискуссий проект был отклонен. В 1816 г. американский конгресс вновь принял законопроект об очередном частном центральном банке (Второй банк США). 20 % акций передавалось правительству США. Большую часть остального капитала ловкие акционеры оплатили из прибылей того же банка, полученных с помощью кредитной эмиссии. Естественно, что имена основных акционеров, в том числе иностранных, не раскрывались, но историки подозревают, что Ротшильды в это время захватили контроль уже не только над Банком Англии, но и над новым частным Банком США.

В 1832 г. под влиянием финансового лобби Конгресс США предпринял попытку досрочного продления лицензии Второго банка, однако упрямый президент США Э. Джексон отклонил законопроект, наложив на него вето. Содержащее вето послание Конгрессу вошло в историю: «Отдать банку на откуп нашу валюту, распоряжение бюджетом страны и держать тысячи наших граждан в зависимости от него... гораздо более масштабный вызов и грозная опасность, чем противостояние военной мощи противника». Конгресс не смог преодолеть вето президента. Главным лозунгом компании Джексона по переизбранию на второй срок стал лозунг: «Джексон и никакого центрального банка!» Но настоящая война за центральный банк только начиналась. Э. Джексон распорядился о переводе правительственных средств со счетов Второго банка США в другие кредитные орга-

низации. Но оба из назначенных им секретарей казначейства отказались выполнять это распоряжение и были уволены. Председатель Второго банка США Николас Бидл пригрозил вызвать депрессию в случае непродления лицензии банку: «Ничто, кроме всенародного бедствия, не произведет впечатления на Конгресс... Единственная наша гарантия безопасности — четко следовать политике жесткого сдерживания (денежной массы)... и я не сомневаюсь, что это приведет к возобновлению хождения национальной валюты и продлению лицензии банка». Впервые национальный банк открыто шантажировал собственное государство и исполнил свои угрозы, целенаправленно вызвав глубокую экономическую депрессию. Последовали рост безработицы, потребительских цен, банкротств и организованная редакторами газет массированная пропагандистская кампания против президента США. Напуганный Конгресс созвал сессию, получившую название «панической». Однако президент Э. Джексон и на этот раз одержал победу. Уже через несколько недель, 30 января 1835 г., на президента Джексона было совершено покушение. По окончании действия лицензии Второй банк США был закрыт. Частным банкирам понадобилось 77 лет, чтобы восстановить контроль над государственными финансами США. Президент Э. Джексон на вопрос о том, что он считает самым важным в своей жизни, гордо отвечал: «Я убил банк».

Британская империя в любом случае не смогла бы сохранить свои колонии в Америке. Но расточительность правительства Британии и жадность европейских банкиров спровоцировали Американскую революцию. Развивайся события иначе, возможно, на территории нынешних США возникло бы несколько независимых государств и последующая мировая история приобрела бы другие очертания. Не желая того, международные банкиры способствовали политической и экономической консолидации в Северной Америке и в последующем были вынуждены интриговать против нарождающегося нового финансового и экономического конкурента, окольными путями внедряться в американские финансовые институты и даже приложить определенные усилия для развязывания Гражданской войны в США. Основные причины Гражданской войны в США были, конечно, внутренними, связанными с проблемами становления государственности, но одновременно это была борьба старых европейских банковских кланов за новое финансовое пространство.

Вопреки распространённому мнению, освобождение рабов вовсе не было главной целью президента А. Линкольна, который понимал, что форсированная отмена рабства может подорвать экономику южных штатов. Поэтому в начале войны он рассматривал эту цель как более отдаленную: «У меня нет намерений прямо или косвенно вмешиваться в институт рабства в штатах, где оно существует. Уверю вас, у меня нет ни законного пра-

ва, ни желания это делать... Моя первоочередная забота – это спасти союз. А это никак не связано с вопросом сохранения или не сохранения рабства. Если я смогу спасти союз, не освободив ни одного раба, я это сделаю». Но что же угрожало союзу? Отвечая на протекционистскую политику северных штатов, европейские страны резко ограничили импорт хлопка из американского юга. Это привело к обострению отношений между северными и южными штатами. Перед промышленной и финансовой элитой Старой Европы появились новые перспективы. Британский военно-морской флот был приведен в боевую готовность на случай, если понадобится быстрая интервенция в США. Война требовала денег. А Линкольн обратился к международным банкирам за кредитом и фактически получил отказ.

Но выход был найден – знаменитые «зеленые спинки» А. Линкольна. Правительство США начало эмиссию этих не обремененных долгом перед частными банками ассигнаций с принудительным курсом (беспроцентных векселей с оплатой по предъявлению) и быстро стабилизировало ситуацию. Газета London Times, выражая позицию европейских банкиров, в связи с этим писала: «Если эта порочная финансовая политика, возникшая в Северной Америке, будет доведена до логического конца, то правительство США обеспечит страну деньгами без платы за их использование. Оно выплатит свой внешний долг и не будет больше иметь долгов. У него будут необходимые средства для поддержания торговли, и страна станет невиданно богатой. Умы и богатства всех стран потекут в Северную Америку. Эту страну нужно разрушить или она уничтожит все монархии в мире».

Выпуск «зеленых спинок» эффективно поддержал денежное обращение, и А. Линкольн согласился на реформу банковской системы. Новые национальные банки получили монопольное право на эмиссию банкнот под гарантии казначейства. Правительственные обязательства (государственные облигации) стали обеспечением новых банкнот. Банковская реформа обеспечила победу Севера в Гражданской войне, но и создала новые проблемы. А. Линкольн очень опасался этого права негосударственных банков на эмиссию денег. В письме другу от 21 ноября 1864 г. он писал: «Власть денег охотится за нашим народом во время мира и плетет против него заговоры, когда идет война. Она более деспотична, чем монархия, более нагла, чем автократия, и более эгоистична, чем бюрократия». Возможно, он планировал установить более жесткий государственный контроль над денежной и банковской системами после окончания Гражданской войны. Бывший секретарь Казначейства в правительстве А. Линкольна Соломон Чейз также сожалел, что под давлением обстоятельств помогал принятию Закона о национальных банках: «То, что мое ведомство способствовало принятию Закона о национальных банках, было величайшей финансовой ошибкой в моей жизни. Этот закон создал монополию, затрагивающую все

сферы жизни этой страны». В связи с гибелью А. Линкольна канцлер Германии Отто фон Бисмарк писал: «Смерть Линкольна – это катастрофа для всего христианского мира. Во всех США не было человека, равного ему... Я опасюсь, что известные своим лукавством и хитроумными трюками иностранные банкиры возьмут под свой полный контроль огромные богатства Америки и направят их на систематическое разращение современной цивилизации. Они не преминут погрузить весь христианский мир в пучину войн и хаоса только для того, чтобы вся Земля стала их наследием».

Существуют свидетельства о том, что заговор против А. Линкольна организовали международные банкиры. Особенно они возражали против отказа денежной системы США от золотого стандарта, поскольку почти все золото было сконцентрировано в центральных банках стран Западной Европы. Европейские банкиры уже через год после гибели А. Линкольна пролоббировали через Конгресс США Закон о сокращении бумажной денежной массы в экономике страны. Прежде всего из обращения изымались «зеленые спинки». Т. Торен и Р. Уорнер в книге «Войско в бумажнике» так оценивают социальные последствия этого решения: «Тяжелых времен, последовавших после американской Гражданской войны, могло бы и не быть, если бы продолжалась политика эмиссии «зеленых спинок», как ее задумывал президент Линкольн. Вместо этого началась череда финансовых кризисов, которые мы сейчас называем спадами» [4].

Кризис государственных финансов всегда использовался частным финансовым капиталом для усиления своего влияния. А иногда такие кризисы просто сознательно провоцировались. Создание в 1913 г. Федеральной резервной системы, частного акционерного центрального банка США без преувеличения стало эпохальным событием в истории XX в., экономические, социальные и политические последствия которого весьма противоречивы и по-разному оцениваются одинаково авторитетными экспертами. Есть убедительные аргументы, позволяющие обвинять частных акционеров Федерального резерва во многих грехах. Само создание Федерального резерва проходило при сомнительных обстоятельствах.

Банковской реформе в США также предшествовал ряд финансовых кризисов на фоне общего спада экономики в ведущих государствах мира. Осенью 1907 г. разразился финансовый кризис, побивший все прежние рекорды. Произошло обвальное падение курсов акций, процентные ставки по кредиту взмыли вверх, толпы вкладчиков осаждали банки, нарушилась система текущих расчетов. Все это сопровождалось кризисом денежного обращения. Экстренные меры, предпринятые Министерством финансов США, не смогли погасить панику, угрожавшую самому существованию государства. Правительство, сопротивляясь растущему влиянию монополий, тем не менее было вынуждено обратиться к «Дж. П. Морган энд компани».

В то время Дж. П. Морган был самым влиятельным банкиром в США и последовательным сторонником реанимации центрального банка. До сих пор неясно, как Дж. П. Морган сумел стабилизировать ситуацию. Официальное объяснение: Дом Морганов располагал значительными резервами ликвидности и по максимуму использовал свой личный авторитет, принуждая участников финансового рынка к действиям по единому плану. Но есть и другие версии тех событий: Дж. П. Морган использовал то, что сейчас называется политикой «количественного смягчения», то есть эмиссию ничем не обеспеченных денег, порочную финансовую практику, в итоге породившую Великую депрессию. К тому же в результате этих операций денежная власть в США сосредоточилась в руках нескольких крупных банков. Учебники по экономике объясняют создание Федерального резерва как непосредственный результат кризиса 1907 г. На самом деле это был лишь повод. Финансовая реформа в США стала объективным следствием эволюции экономической и социальной системы, хотя «защитники народа» воспринимали происшедшие события как следствие сознательно спровоцированной финансовыми магнатами череды экономических подъемов и кризисов.

В любом случае финансовый кризис 1907 г. актуализировал вопрос о центральном банке. Развернувшиеся баталии — самая яркая страница в истории мировых финансов, убедительно свидетельствующая о фундаментальном влиянии денежных интересов на социальные отношения, на социальные и политические процессы в обществе. В игру включились все значимые социальные силы: граждане в лице своих политических представителей, профсоюзы, региональные элиты, промышленники, торговый бизнес и частный финансовый капитал. В итоге был достигнут «великий компромисс» — создана Федеральная резервная система США, действующая до сих пор. Финансовые магнаты упорно добивались создания такой системы с 1863 г., политики под давлением избирателей и различных частных интересов бизнеса столь же упорно сопротивлялись. Но трактовать банковскую реформу в США как проявление злой воли к власти узкой группы финансовых магнатов неверно. Экономическое развитие объективно требовало реформирования денежной и финансовой системы. В данном случае действует общий социальный закон функциональной дифференциации: функция порождает орган (институт). Не важно, какие клановые группы участвуют в игре, не важны субъективные мотивы, важна потребность социальной системы, логика ее развития. Идеальных денежных и финансовых систем, несмотря на редкие эксклюзивные и вроде бы успешные практики, в историческом опыте не обнаружено и, по-видимому, не существует в принципе, поскольку такая система всегда есть компромисс конфликтных интересов различных социальных сил, сложив-

шихся в конкретных условиях данной эпохи. Здесь самое место мудрому суждению Г. Ф. Гегеля: «Все действительное разумно, все разумное действительно». Но форма и тем более результат этих баталий позволяют оппонентам говорить о «великом заговоре», хотя тоже можно утверждать о любом революционном историческом событии. Тем не менее форма важна, и следует упомянуть, как разворачивались конкретные события, поскольку банковская и финансовая реформа в США по своей социальной и исторической значимости, социальным последствиям превосходит все другие события начала XX в., включая Первую мировую войну и революцию в России. Социальный опыт, полученный в результате советского эксперимента, будет востребован в будущем, а подведение итогов финансовой революции в США проходит сейчас, на наших глазах, и результат неочевиден.

Принятию Закона о Федеральной резервной системе предшествовал ряд драматических событий. Коалиция самых различных сил яростно сопротивлялась централизации финансовой системы США. Сразу после своей инаугурации в 1881 г. президент США Дж. А. Гарфилд публично обвинил банковское лобби: «Тот, кто контролирует денежную массу любой страны, является полным властелином ее промышленности и торговли... А когда вы поймете, как просто вся экономическая система так или иначе контролируется несколькими влиятельными людьми, вам не понадобится объяснять, где причины депрессий и инфляций». Всего через несколько недель после этого заявления 2 июля 1881 г. президент Дж. А. Гарфилд был убит. Возможно, новая финансовая аристократия воспринимала борьбу за финансовую реформу как борьбу с политиками-варварами, не способными осознать требования времени, борьбу, в которой как это не раз случалось в истории цель оправдывает средства. В 1891 г. Американская Банковская Ассоциация, контролируя денежное обращение с помощью навязанного золотого стандарта, открыто призвала своих членов к бойкоту власти: «После 1 сентября 1894 года мы ни под каким предлогом не будем возобновлять кредиты. Мы потребуем наши деньги назад... Мы лишим заемщиков права выкупа залога и станем его владельцами. Мы сможем заставить 2/3 фермеров к юго-западу и тысячи фермеров к востоку от Миссисипи продать свои фермы по указанной нами цене... Тогда они станут арендаторами, как это обстоит в Англии...» (меморандум АБА от 1891 года, воспроизведенный в Протоколах Конгресса США 29 апреля 1913 года).

Политики, представляющие интересы реального сектора экономики, сопротивлялись, пытались оздоровить денежную систему за счет использования в обращении серебра, в котором не было недостатка. В 1896 г. вопрос об отношении к серебряным деньгам стал основной темой президентских выборов. У. Брайан, сенатор от штата Небраска, выступил на Национальном съезде Демократической партии в 1896 г. с речью, ставшей известной

под заголовком «Терновый венец и золотой крест». О накале политического противостояния свидетельствует то, что эта речь до сих пор считается одним из лучших образцов ораторского искусства. В заключении своего программного выступления У. Брайан заявил оппонентам из банковского лобби: «Вам не одеть на чело труда терновый венец, вы не распнете человечество на золотом кресте». Предвыборная кампания 1896 г. стала одной из самых ожесточенных президентских гонок в истории США. Однако победу с небольшим отрывом одержал ставленник финансового лобби Уильям Маккинли.

В силу мощного социального и политического сопротивления реформа финансовой системы в США проводилась как секретная операция. Участникам таинственной встречи лидеров финансовой элиты на острове Джекилл рекомендовали пользоваться только именами, чтобы слуги не могли узнать их по фамилиям. О масштабах монополизации к тому времени финансовых рынков свидетельствует то, что в этом чрезвычайно важном совещании принимали участие представители буквально нескольких, к тому же связанных между собой семейными узами, банковских домов (Ротшильды, Уорберги, Шиффы, Морганы, Рокфеллеры и Олдриджи). Позже один из участников совещания Фрэнк Бандурлип в газете *Saturday Evening Post* от 9 февраля 1935 г. так прокомментировал обстановку исторической встречи финансовых лидеров: «Как всякий заговорщик, я действовал скрытно и даже тайно. Мы понимали, что огласки просто не должно быть. Или все наши затраченные усилия и время пропадут даром. Если бы то, что наша группа собиралась для выработки проекта закона о банках, стало достоянием общественности, у законопроекта бы просто не осталось шансов пройти через Конгресс». Одной из основных целей этого совещания было установление монополии частного центрального банка на денежную и кредитную политику, по мнению участников этого исторического «заговора», объективно не обходимую для преодоления финансового хаоса. Как заявлял по этому поводу Дж. Д. Рокфеллер: «Конкуренция — это грех». Некоторые участники секретной встречи даже настаивали на том, чтобы в названии будущего монопольного финансового центра не присутствовало слово «банк», что собственно и произошло.

В конце концов, в результате цепочки политических интриг, предательств, шантажа, подкупа и организованной на деньги финансовых магнатов массивной пропаганды банковская финансовая реформа в США была проведена в жизнь и завершила подобные реформы, проведенные ранее в европейских странах. Что же собственно произошло? В чем исторический и социальный смысл принятия Закона о Федеральной резервной системе США? В историческом плане вся эта эпопея означала вступление общества в новую стадию развития — стадию финансового капитализма.

Оппоненты, как бы ни привлекательно звучали их лозунги, не предлагали реального выхода из тупика, порожденного противоречиями между динамично развивающейся новой экономикой и архаичной финансовой системой. Доля частного финансового капитала в совокупном капитале экономики выросла настолько, что общество объективно стало перед альтернативой: либо национализация «больших денег», как это произошло в России, либо «великий компромисс», прежде всего между основными группами господствующего класса.

История не знает сослагательного наклонения. Мы не можем сейчас рассуждать о том, как развивались бы события, если бы общество в начале XX в. установило жесткий общественный контроль над движением частных финансов. Но мы знаем, что выпущенный на свободу финансовый капитал, а в этом и был основной исторический смысл завершившегося в начале XX в. длительного процесса реформирования денежной и финансовой системы в западных странах, способствовал невиданному ранее росту производительности и росту общественного богатства. Но вместе с тем трагические страницы социальной истории XX в. также связаны с безжалостной и эгоистической природой финансового капитала, добившегося опасного уровня независимости от общественного контроля. В итоге этой полуподпольной, полукриминальной финансовой революции в начале XX в. возникла новая социальная реальность, решительно перестроившая под себя всю социальную систему от института семьи до институтов культуры.

В Законе о Федеральной резервной системе вроде бы формально был достигнут баланс общественных и частных интересов в области денежной и финансовой политики, но реально могущественные банковские кланы получили опасные для общества возможности неформального влияния. Закон, учитывая интересы нефинансового бизнеса и в определенной степени всего общества, устанавливал целую систему контроля со стороны федерального правительства над деятельностью нового центрального банка, однако при этом Федеральная резервная система становилась частным акционерным предприятием, независимым от исполнительной власти и способным эффективно лоббировать интересы своих акционеров через Конгресс США. Кроме того, был создан институт с колоссальными и почти неограниченными монопольными возможностями влияния на мировую экономику.

Это понимали многие участники тех событий. Вот что заявлял по этому поводу известный конгрессмен Ч. Линдберг: «Чтобы поднять цены, все, что требуется от Федерального резерва — это снизить учетную ставку. Вследствие чего происходит прилив в экономику кредитных средств и бум на фондовом рынке. Затем, когда... бизнесмены привыкают к данным условиям, Федеральный резерв может оборвать их кажущееся процветание

внезапным повышением учетных ставок... С помощью политики учетных ставок он может раскачивать рынок взад-вперед или вызывать резкие изменения в экономике резким повышением разницы ставок. В любом случае Федеральный резерв будет обладать внутренней информацией о грядущих изменениях финансовой политики и заблаговременно знать о будущих изменениях как в сторону улучшения, так и ухудшения финансовой конъюнктуры. Эта странная, но наиболее опасная синекура, когда-либо дававшаяся на откуп особому привилегированному классу людей каким-либо из правительств в истории человечества, это частная организация, управляющаяся с единственной целью получения максимальной прибыли от денег, принадлежащих другим. Они знают заранее, когда выгоднее вызвать финансовый кризис. Им также известно, когда его нужно остановить. Как инфляция, так и дефляция хороши, когда контролируешь финансы».

К критике Закона о Федеральном резерве присоединились многие влиятельные в США коммерсанты и промышленники. Томас Эдисон, например, по этому поводу писал: «Если наше государство может эмитировать облигаций на 1 доллар, то оно может выпустить и аналогичную банкноту. Фактор, делающий привлекательным облигацию, делает привлекательным и банкноту. Разница между облигацией и банкнотой в том, что облигация позволяет финансовым брокерам зарабатывать вдвое больше стоимости облигации и еще 20 % процентов сверху, тогда как при использовании валюты доход приносят только прямые вложения в полезное дело. Было бы абсурдным утверждать, что наша страна может выпустить на 30 млн облигаций и не в состоянии выпустить 30 млн банкнот. Оба финансовых инструмента являются платежными обязательствами, однако один выгоден ростовщикам, а второй помогает людям». Создание ФРС положило начало формированию мировой банковской системы, консолидированного интернационального банковского сообщества, объединенного вокруг нескольких банковских кланов. Причем показатель клановости высшего состава акционеров и руководства ФРС, рассчитанный по данным публичных досье (членство в закрытых клубах, семейственность, родство, национальность и др.), составил 47 %. Даже в номенклатурном СССР во времена С.Н.Хрущева и в современной России этот показатель не превышал 35 % [5, с. 177]. Клановость и групповая сплоченность мировой финансовой элиты позволяет многим аналитикам не без основания заявлять о существовании некоего мирового правительства, выстраивать различные теории заговора. Однако все не так просто. Финансовые кланы всегда существовали с промышленными, торговыми, военными, политическими группировками, тоже консолидированными и влиятельными. Финансовые олигархи никогда не могли бы навязать свою политику без учета интересов этих групп или коррумпировать социальные группы, не уступающие

им в потенциале политического влияния. Вместе с тем финансовая элита, добившись столь высоких возможностей прямого влияния на власть, на денежную и финансовую политику, приняла на себя и ответственность. Уже в годы Великой депрессии весь гнев общественного мнения обрушился именно на финансовых акул Уолл-стрита. Собственно только в 1930-е гг. по-настоящему был осознан исторический масштаб такого события, как создание ФРС.

Во время кризиса в 1933 г. конгрессмен Л. Мак-Фэдден заявил по поводу особой роли ФРС в политической системе США: «Когда был принят Закон о Федеральной резервной системе, наш народ не осознавал, что в США устанавливается мировая банковская система, сверхгосударство, управляемое международными банкирами и промышленниками, действующими заодно, чтобы подчинить мир своей собственной воле. Федеральная резервная система прилагает все усилия, чтобы скрыть свои возможности, но правда такова: Федеральная резервная система захватила правительство. Она управляет всем, что происходит в нашей стране, и контролирует все наши зарубежные связи. Она произвольно создает и уничтожает правительства». Многие из сказанного конгрессменом Л. Мак-Фэдденом в 1933 г. вполне справедливо и сейчас. Многие, но не все. Подобная критика не учитывала и не учитывает печальный опыт многочисленных экономических и социальных кризисов, вызванных неконтролируемой банкнотной эмиссией, оставляет в стороне тот факт, что правительства могут быть столь же безответственны или корыстны, как и частные банкиры. Одним из основных мотивов создания ФРС как раз и была попытка ограничения финансовых appetites политической власти. Закон о Федеральной резервной системе, конечно, был противоречив, сверх меры концентрировал финансовую власть в руках узкой заинтересованной группы лиц, да к тому же формально анонимной, но в принципе он сохранял и сохраняет сейчас необходимые инструменты политического контроля над деятельностью центрального банка. Но, как показало время, Закон о Федеральной резервной системе оказался особенно уязвим перед давлением политической коррупции.

В 1913 г., несмотря на активную критику, общественное мнение под влиянием пропаганды и многих неудачных экспериментов в денежной политике все же поддержало принятие Закона о Федеральном резерве. Газеты писали: «Теперь депрессии можно будет научно предотвращать!» В принципе денежная и финансовая система США действительно стала более управляема. Оппонирующие политики тех лет воспринимали происходящее как игру частных интересов, а не как объективный процесс, начало которому было положено много ранее в Европе. Перед началом Первой мировой войны Россия оставалась единственной крупной европейской державой, не

учредившей частный центральный банк. Возможно, именно поэтому ряд европейских банкиров финансировали революционное движение в России. Время подтвердило многие опасения противников создания ФРС уже через 20 лет. Новый финансовый институт, который, как убеждали его создатели, окончательно освободит общество от финансовых катастроф, не только не смог предотвратить Великую депрессию, но и несет прямую ответственность за экономическую и социальную трагедию 1930-х гг.

Если рассматривать социальную историю денег и финансовых институтов как историю постоянного укрепления власти финансового капитала, то кратко ее можно представить словами профессора В. Ю. Катасонова: «В процессе нашего исследования мы попытаемся проследить цепочку этих духовных, политических и финансовых трансформаций, происходящих в рамках “перманентной” “денежной революции”. Важные вехи этой революции: легализация ростовщической деятельности; возведение в ранг нормы практики “частичного резервирования” (разновидность банального фальшивомонетничества); создание банков (коммерческих и центральных) как ключевых институтов “денежной цивилизации”; организация фондовых и валютных бирж, осуществляющих узаконенный грабег народа не менее эффективно, чем банки; введение (а затем упразднение) так называемого “золотого стандарта”; “изобретение” различных “финансовых инструментов” (многие из которых похожи на крапленые карты или фальшивые бриллианты); переход к обеспечению денег с помощью такого “эффективного” средства, как авианосцы и бомбардировщики; создание банковских офшоров и постепенное превращение всей финансовой системы в “теневую экономику” и многое-многое другое» [6, с. 10].

Библиографические ссылки

1. *Тастейн П.* Эпизоды из истории денег // URL : <http://goldenfront.ru/articles/view/epizody-iz-istorii-deneg-chast-pervaya-spartanskie-zheleznye-monety-karlagenskie-kozhanye-dengi-i-vi>. Дата обращения: 14.09.2013.

2. *Тастейн П.* Эпизоды из истории денег // URL : <http://goldenfront.ru/articles/view/epizody-iz-istorii-deneg-chast-pervaya-spartanskie-zheleznye-monety-karlagenskie-kozhanye-dengi-i-vi>. Дата обращения: 14.09.2013.

3. *Кокшаров А., Завадский М., Сумленный С.* Офшоры. Деньгам некуда бежать // Эксперт. № 16 (848) / 22 апреля 2013 // URL : expert/2013/16/dengam-nekuda-bezhat/ Дата обращения: 22.04.2013.

4. *Карасев Д.* История банковского дела // URL : <http://www.economics.kiev.ua/?id=500&view=article> Дата обращения: 21.09.2013.

5. Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение. М. : Науч. эксперт, 2012.

6. *Катасонов В. Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М., 2013.

1.2. ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕНЕЖНОЙ И ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ

Создание ФРС способствовало стабилизации финансовых рынков и экономическому росту в США в 1920-е гг. Однако в целом мировая денежная и финансовая система в 1920-е гг. была крайне нестабильна. Во время Первой мировой войны международная валютная система, основанная на золотом стандарте, была фактически разрушена. Война требовала денег, то есть ничем неограниченной денежной эмиссии. Многие страны оказались в ловушке гиперинфляции. Первая попытка навести хоть какой-то порядок в денежных системах была предпринята в 1922 г. на Генуэзской международной экономической конференции. В итоге 30 стран достигли соглашения об учреждении Генуэзской валютной системы, основанной на золотодевизном стандарте. Но для многих стран-участниц выполнение условий соглашения было непосильным. Сложилась ситуация, когда экономический рост, подпитываемый технологическими инновациями и кредитной эмиссией, не мог опереться на устойчивую денежную и финансовую систему. В основе этого роста лежала накачка экономики кредитными деньгами. На фондовых рынках процветал спекулятивный ажиотаж. В течение 1920-х гг. надувался огромный финансовый пузырь. Пытаясь сдержать ажиотажный рост на финансовых рынках, Федеральный резерв в августе 1929 г. начал сокращать объем денег в обращении. 24 октября 1929 г. фондовый рынок рухнул. Этот день вошел в американскую историю как «черный четверг». Производство в США падало с катастрофической скоростью. В момент наивысшего падения, летом 1932 г., выпуск автомобилей, выплавка чугуна и стали составляли только 14 % от докризисного уровня 1929 г. Национальный доход сократился вдвое. Страну охватила волна банкротств, предприятия закрывались и разорялись, особенно пострадало сельское хозяйство. Масштабы социальной трагедии тех лет представлены во многих художественных произведениях. Всем современникам можно порекомендовать роман Джона Стейнбека «Гроздь гнева» или замечательный фильм режиссера Сидни Поллака «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли».

Кризис в США больно ударил и по экономике основных торговых партнеров Америки, особенно по экономике Германии и Японии. Летом 1931 г. в Германии разразился сокрушительный банковский, финансовый, а затем и экономический кризис, на волне которого к власти пришли нацисты. В конце 1931 г. Германия объявила себя банкротом. Далее последовали дефолты и в других странах. Международный долговой рынок рухнул.

Такой масштабной финансовой катастрофы в мирное время экономической история не знала. Страны одна за другой отказывались от золотого обеспечения своих валют.

Принято считать, что решающую роль в стабилизации экономики, а затем и постепенном выходе из кризиса сыграл «новый курс» президента Ф. Д. Рузвельта. Однако Ф. Д. Рузвельт просто продолжал традиционную для демократов политику, направленную на усиление роли государства в экономике страны. Кризис 1930-х гг. стал хорошим поводом для усиления этой политики. В о - п е р в ы х, Рузвельт пришел к власти, когда ситуация стала немного улучшаться благодаря ранее принятым мерам. В о - в т о р ы х, некоторые из инициатив Рузвельта действительно помогли (банковские каникулы и др.), в то время как другие лишь усугубили ситуацию и давали повод для серьезной критики. Вот что пишет по этому поводу американский экономист Роберт Хиггс: «В своем понимании депрессии Рузвельт и его экономические консультанты перепутали причину и следствие. Они не поняли, что цены упали из-за депрессии. Они полагали, что депрессия набирала ход из-за падения цен. Очевидным решением в этом случае для них стало повышение цен, и его они решили добиться путем создания искусственного дефицита. Так и появились бредовые меры, призванные вылечить депрессию с помощью сокращения объемов промышленного производства. Программа была настолько явно самоубийственной, что вряд ли кто-то вообще мог поверить в ее действенность... Еще более трагичным является многолетнее наследие Рузвельта. Стремлению масс и элиты к индивидуализму, свободным рынкам и ограничению правительства в 1930-е гг. был нанесен удар, от которого они полностью пока не оправались. Теория многоукладной экономики до сих пор является доминирующей идеологией, поддерживающей правительственную политику. Вместо прежних мечтаний о свободе мы проявляем все большую терпимость и даже положительный спрос на коллективистские программы, обещающие социальное обеспечение, защиту от суровой рыночной конкуренции и халяву» [1]. Но это мнение последовательного либерала. Не известно, как развивались бы события, если бы не Вторая мировая война. Многие эксперты считают, что только война и вытянула западную экономику из Великой депрессии.

Сторонники «теории заговора» до сих пор считают, что Великую депрессию преднамеренно спровоцировала в своих интересах горстка финансовых магнатов. По этой логике нынешнее руководство ФРС должно было бы действовать точно так же. Но политика ФРС после финансового кризиса 2007 г. прямо противоположна. В действительности все было не так очевидно. В о - п е р в ы х, управление рынками в таких масштабах и с помощью новых финансовых инструментов не имело исторических анало-

гов, действия финансовых регуляторов накануне Великой депрессии представляли собой глобальный социальный эксперимент. Регуляторы сами не ожидали такой реакции рынков. В о - в т о р ы х, кризис угрожал позициям всего господствующего класса, прежде всего интересам промышленных магнатов. Конечно, дело не обошлось без злоупотреблений, использования инсайдерской информации. Ряд известных финансовых воротил Уолл-стрита успели закрыть свои позиции по ценным бумагам до обвала рынка и перевести активы в наличные деньги и золото.

Кризис действительно был спровоцирован резким сокращением предложения ликвидности на нью-йоркском денежном рынке. Среди финансовых игроков были, конечно, и те, кто расчетливо сыграл на понижение. Но следует признать, что никто не ожидал той экономической и социальной катастрофы, которая последовала за крахом финансовых рынков. За время после Великой депрессии накопилось огромное количество научных исследований, посвященных анализу причин кризиса и политики властей США по борьбе с кризисом и его последствиями.

Экономисты до сих пор спорят о причинах Великой депрессии. Чаще всего упоминают нехватку денежных средств, поскольку в условиях биржевой паники банки уводили деньги с рынка в кэш, а дефицит денег в то время нельзя было восполнить эмиссией центрального банка по законодательным причинам (эмиссия новых денег законодательно ограничивалась требованием, хотя и частичного, обеспечения золотом, золотым запасом страны). Свою роль сыграло и падение военных заказов, приведшее к рецессии в военно-промышленном комплексе и смежных с ним секторах экономики. Среди других причин называют принципиальную цикличность капиталистической экономики, переинвестированность (перегрев) экономики и даже быстрый рост населения и продолжительности жизни. Дестабилизации кредитной системы способствовали также дешевые рискованные кредиты, которые предоставляли американские банки обедневшим после войны европейским странам. Но особенно опасным был рост протекционизма, вызванный финансовым крахом 1929 г.

Для социолога наибольший интерес во всех этих событиях представляет эффект воздействия денежного и финансового кризиса 1930-х гг. на социальные процессы и структуры. Непосредственные социальные последствия Великой депрессии были ужасны. Именно страх перед повторением этой социальной катастрофы принуждает нынешние монетарные власти ведущих западных стран применять нетрадиционные с точки зрения экономической теории методы борьбы с финансовым и экономическим кризисом после 2008 г. В 1930-е гг. в отличие от проводимой сейчас монетарной политики Федеральный резерв не наращивал, а сокращал денежную массу, тем самым усугубляя депрессию. С 1929 по 1933 г. денежная масса

в обращении сократилась на 33 %. Современные экономисты считают, что ФРС ошибался.

Лауреат Нобелевской премии М. Фридман в интервью Национальному общественному радио в январе 1996 г., в частности, заявил: «Федеральный резерв определенно вызвал Великую депрессию, сократив объем денег в обращении с 1929 по 1933 г. на 1/3... Однако деньги, утраченные во время депрессии большинством американцев, не просто потерялись. Они перетекли в руки тех, кто заранее знал о биржевом крахе и вложил свои деньги в золото перед самой депрессией». М. Фридман, однако, заинтересованное лицо. Он признанный глава Чикагской школы монетаристов. Грешные души «чикагских мальчиков», как называют учеников и последователей М. Фридмана, тоже повинны в целом ряде экономических катастроф в странах, последовавших финансовым советам этих «мальчиков». При интерпретации событий Великой депрессии важно иметь в виду, что в 1930-е гг. экономика западных стран вступила в область неизведанного, своего рода экономическую «terra incognita». Мир еще не знал такого масштаба инновационного экономического роста и такой сложности стихийно формирующихся финансовых рынков. Вряд ли политика руководства ФРС и Конгресса США была злонамеренной, хотя многие финансовые тузы обогатились на кризисе.

Реформы международных финансовых институтов, проведенные в начале XX в., были лишь первым этапом перенастройки всей социальной системы западных обществ. Эти реформы были временным компромиссом, разведкой в тылу формирующейся новой социальной и экономической реальности. Западная экономика предприняла первую, хотя и решительную, но недостаточно последовательную, попытку освобождения от оков денежной системы, основанной на золотом стандарте. К тому же укрепление и развитие новых денежных и финансовых практик было подорвано войной и социальными революциями. Сразу после стабилизации политической и экономической ситуации в западных странах в 1920-е гг. началось переформатирование базисных социальных отношений: отношений между трудом и капиталом, между внутриклассовыми социальными группами. Происходили существенные изменения в распределении собственности и доходов. Под давлением профсоюзов был введен 8-часовой рабочий день и целый ряд социальных и страховых гарантий для наемных работников. Произошли важные изменения на рынке труда, регулирование занятости на основе баланса спроса и предложения корректировалось разного рода социальными гарантиями. Прогрессивная реформа налогообложения способствовала росту доходов домохозяйств. 20-е годы прошлого века в США часто называли «ревушими 20-ми», имея в виду экономический бум. Локомотивами экономического роста в 1920-е гг. стали автомобильная промыш-

ленность, дорожное, жилищное и коммерческое строительство, сервисные услуги, производство бытовой техники, механизированное сельскохозяйственное производство. Экономический подъем сопровождался быстрым ростом частного денежного капитала и, соответственно, ростом спроса на финансовые услуги для растущих денежных сбережений. Этот растущий спрос на финансовые услуги вызвал значительный рост доли финансового сектора в экономике, освоение новых и усовершенствование старых финансовых инструментов.

На фоне растущего богатства, потрясающих и многочисленных инноваций и общей атмосферы социального оптимизма необычно выросли масштабы рынка финансовых услуг для категорий населения, ранее не участвовавших в биржевой деятельности. Эпидемия «легких денег» охватила миллионы граждан, домохозяйств, мелких и средних предпринимателей. Люди добровольно или под влиянием массивной рекламы скупали сомнительные акции, несли свои деньги биржевым брокерам в надежде на получение быстрой выгоды. Банковская система находилась в стадии бурного неуправляемого роста – банки часто обещали своим вкладчикам 4–5 % дохода в день. Этот энтузиазм подогревался многочисленными историями успеха, активно тиражировавшимися СМИ.

Важным следствием роста массы свободных, в том числе кредитных, частных денег стал неуправляемый рост финансовых рынков, спекулятивных операций и финансовых «пузырей». Великая депрессия стала объективным следствием интенсивных социальных перемен и несовершенства социальных институтов, не способных справиться с нарастающим валом новых и необычных социальных процессов. Быстро растущими финансовыми потоками становилось все сложнее управлять, биржевые операции выходили из-под контроля. Вообще затребованные временем социальные институты, как правило, создаются постфактум. К таким ситуациям применим известный афоризм Г. Ф. Гегеля: «Сова Минервы вылетает в сумерки». Монетарные и финансовые власти в США реагировали на происходящие события традиционными методами, спекулятивный ажиотаж пытались погасить путем сжатия денежной массы в обращении. К тому же власти на горьком опыте своих предшественников как чумы боялись инфляции. Сейчас большинство экономистов признают эту политику ошибочной. Но во-первых, денежная эмиссия в те времена была законодательно ограничена (в этом собственно и состоял основной смысл финансовой реформы начала XX в.), во-вторых, аварийная накачка системы денежной ликвидностью весьма спорный рецепт. Рост государственных расходов в соответствии с «новым курсом», например, привел только к росту госдолга. По этому поводу министр финансов при Франклине Рузвельте Генри Моргентау жаловался в мае 1939 г. демократам в конгрессе: «Мы пыта-

лись тратить деньги. Мы тратим больше, чем когда-либо ранее, и это не работает... После шести лет такого управления я говорю, что безработица осталась на том же уровне, что и вначале... А теперь еще и огромный долг!» Очень многие авторитетные экономисты сомневаются, что форсированная денежная эмиссия и накачка экономики необеспеченными деньгами, то есть политика, которую сейчас проводят ведущие центральные банки мира, может привести к успеху в борьбе со структурными по своей природе экономическими кризисами.

Как это часто бывало в истории, в «родовых муках» финансового и экономического кризиса рождалось новое современное общество. Была заложена новая модель экономического роста, основанная на массовом производстве товаров длительного пользования (жилых домов, автомобилей, бытовой техники и др.), развитии сферы услуг и массовом потреблении, ставшая эталоном экономической политики в послевоенные годы. Даже самые трагические истории Великой депрессии, например разорение миллионов фермерских хозяйств, открывали новые перспективы. Так, экспроприация банками фермерских хозяйств (раскулачивание на западный манер) открыла дорогу для крупного индустриального аграрного производства. США и сейчас являются мировым лидером в этой отрасли экономики. Другим важным следствием стало укрепление финансовых институтов на основе опыта финансового кризиса начала 1930-х гг., более рациональное использование энергии частных денег в интересах всех видов капитала и в общественных интересах в целом. Можно ли было избежать Великой депрессии? По-видимому, нет. Финансовые «пузыри» имели место и в прошлом (например, знаменитый тюльпановый кризис в Голландии). Но причины Великой депрессии в этот раз были не только спекулятивными, но и системными.

Это было время формирования новой экономической политики, названной позже «кейнсианством», время нового законодательного регулирования финансовых рынков и институтов. Ослабление этого регулирования в 1980-е гг. принято называть «революцией неоконов». Экономический рост в США в 1926–1929 гг. на фоне относительно стабильных потребительских цен вводил в заблуждение практически всех экспертов тех революционных лет. Действительные социальные революции иногда проходят незаметно для современников, а их последствия осознаются лишь потомками. Практически никто из аналитиков 1930-х гг., даже такие авторитеты, как И. Фишер и Дж. Кейнс, «не заметили» перегрева экономики, не сумели предсказать биржевый крах и последующее развитие событий. Впрочем, в 2007 г. история повторилась. В 1930-е гг. в горниле Великой депрессии рождалась наша современность. В СССР возможно строилось наше будущее, и суть этой будущей цивилизации лучше всего выражалась

столь популярным в советской социологии понятием «разумные потребности», хотя для либерального сознания любое рacionamento потребления, а следовательно, и рacionamento распределения денег кажется абсурдом. Вроде бы все участники событий 1930-х гг. прошлого века (власть и финансовое руководство) действовали в соответствии с экономической теорией. Но теория отставала от новой реальности. Поэтому те, кто считает, что Федеральный резерв спровоцировал Великую депрессию, не совсем правы. Великая депрессия была следствием типичного институционального запаздывания перед лицом быстро меняющейся экономической и социальной реальности. Советские же институциональные практики в области экономики и денежного обращения, напротив, стремились опередить события, волонтаристски конструируя будущее общество.

Великая депрессия оказала большое влияние на современную историю вплоть до наших дней. Дж. К. Гэлбрейт так оценил последствия этого исторического события: «День Великого краха фондового рынка и спустя пятьдесят лет хранится в социальной памяти. И тому есть причины. С того дня жизнь миллионов людей уже стала иной» [2]. Аналитики сравнивают Великую депрессию с такими поворотными и драматическими историческими событиями, как убийство Юлия Цезаря, высадка на берег Америки Колумба или битва при Ватерлоо, с которыми обычно связывают поворотные пункты истории человечества.

Великая депрессия многому научила и финансовых магнатов, и политиков, и обывателей. Как и в Первую мировую войну, экономика западных стран выходила из системного кризиса рыночного хозяйства за счет нерыночных методов мобилизационной экономики, а простейшей и наиболее доступной формой такой экономической мобилизации является война. Недавно, размышляя о путях выхода из нынешнего кризиса, лауреат Нобелевской премии по экономике, колумнист *The New York Times*, Пол Кругман даже предложил придумать что-то вроде экономического эквивалента войны, то есть применить мобилизационные, нерыночные методы для выхода из нынешнего глобального финансового и экономического кризиса. «Говорить о мирсистемном эффекте кризиса 1929 – 1933 гг. можно очень много. Но совершенно ясно, что это был глобальный кризис. Он резко изменил тенденции развития в мире, как экономические, так и политические, изменил всю систему международных расчетов и золотовалютную систему» [3, с. 201]. Следует также учитывать, что началось глобальное перекаривание политической карты мира.

Вторая мировая война ненадолго прервала поиски новой денежной и финансовой архитектуры мировой экономики. Но уже в 1944 г. в небольшом курортном городке в штате Нью-Хэмпшир (США) собралась международная финансовая конференция, в которой приняли участие предста-

вители 44 стран, включая СССР, в основном участники антигитлеровской коалиции. Речь шла о послевоенном мироустройстве, о создании не имевших ранее аналогов международных валютно-финансовых институтов, призванных регулировать обменные курсы валют и поддерживать стабильность международной финансовой системы. После длительных дискуссий был учрежден Международный валютный фонд, начавший свои операции уже в 1947 г. СССР отказался от участия в этой организации. Решающее влияние в Фонде получили США.

Участники конференции ставили целью создание принципиально новой модели международных валютных и финансовых отношений, которая бы гарантировала от повторения катастрофы 1930-х гг., от тяжелых социальных последствий неуправляемого краха золотого стандарта, конкурентной войны валют, кризиса международной кредитной системы, торговых ограничений и платежей: «Создатели нового валютного порядка стремились сохранить преимущества традиционного золотого стандарта, неплохо служившего мировому сообществу до 1914 г. ...избавившись, однако, от его недостатков. Никто не собирался восстанавливать золотой стандарт во всей его полноте — с обращением золотых монет и разменом всех иных видов денег на золото. Но другие преимущества — твердые соотношения между валютами, их свободная взаимная конвертируемость (обратимость), свобода движения товаров и капиталов — могли быть восстановлены... В свое время значение придавалось дисциплине золотого стандарта: если страна жила не по средствам, она теряла золото и вынуждена была... уменьшать государственные расходы, ограничивать банковский кредит, повышать конкурентоспособность товаров и привлекательность своего рынка для иностранных капиталов... Теперь подобную дисциплину предполагалось установить путем воздействия международного финансового сообщества» [4, с. 261–262].

С другой стороны, новая система должна была страховать от жесткости золотого стандарта, часто принуждавшего правительства и центральные банки к проведению дефляционной политики со всеми ее неизбежными и тяжелыми социальными последствиями: безработицей, падением заработных плат и экономического роста. У истоков создания послевоенной международной валютной и финансовой системы, получившей впоследствии название «Бреттон-Вудской», стояли Д. М. Кейнс и Г. Д. Уайт — виднейший экономист-теоретик и известный американский финансист-практик. Конференция приняла за основу проект Г. Д. Уайта, закреплявшего ведущую роль США в послевоенном экономическом и политическом устройстве. Новая система, по выражению Д. М. Кейнса, должна была отнять у золота «власть самодержца и оставить его на положении конституционного монарха». Золото сохранялось в системе в качестве валютного

якоря, измерителя международной стоимости денежных единиц. Участники валютного соглашения обязывались закрепить и поддерживать золотое содержание своей денежной единицы (валюты), в случае необходимости использовать золото лишь в качестве резервов для погашения дефицита платежного баланса. Использование золота в качестве денег на внутренних рынках сводилось к минимуму или вообще исключалось. В итоге вводился международный золотодолларовый стандарт. Непосредственно стоимость денежных единиц различных валют закреплялась по отношению к доллару с установленным золотым содержанием последнего. Доллар становился как бы посредником между валютами и золотом. С 1934 по 1971 г. это золотое содержание доллара оставалось неизменным: 35 долл. за унцию, что породило множество иллюзий о якобы естественной устойчивости новой валютной системы.

В пределах установленных паритетов основных валют допускались отклонения в пределах 10 % и более, но уже по согласованию с МВФ. Подобный валютный порядок выгодно отличал новую валютную систему от хаоса валютных отношений 1930-х гг., страховал от валютных и торговых войн и разрушительной конкурентной девальвации валют. Конечно, вся система строилась на определенном принуждении. Возникло множество споров по поводу обменных курсов валют. Западные страны, например, в течение долгого времени смотрели сквозь пальцы на искусственно заниженный курс японской иены, но когда в начале 1980-х гг. терпение лопнуло, они в ультимативной форме потребовали ревальвации йены, и экономическое чудо в Японии закончилось. Вся международная валютная система основывалась на потенциальной возможности обменять доллары на золото. Сконцентрировав большую часть мировых запасов золота, США долгое время успешно поддерживали веру международного финансового сообщества в такую возможность. Почти мистическая вера в доллар достигла в 1960-е гг. максимума: «Доллар так же хорош, как золото. Доллар лучше золота!» Понятно, ведь доходность долларовых вкладов намного опережала доходность от хранения физического золота.

Но по мере накопления долларовых резервов в центральных банках различных стран стали возникать проблемы, поскольку эмиссия доллара регулировалась потребностями рынка, а не золотым запасом. Долларовые резервы все чаще предъявлялись центральными банками различных стран к обмену на золото. В результате золотой запас США сократился с 22 тыс. т (70 % мировых резервов без учета СССР) в 1949 г. до 8,6 тыс. т (21%) в 1971 г. Правда, параллельно шло накопление резервов золота в МВФ. Собирая часть взносов со своих членов в золоте, Фонд стал одним из крупнейших держателей золотых резервов. Тем не менее Бреттон-Вудские соглашения постепенно себя исчерпывали.

В настоящее время деятельность МВФ подвергается суровой и часто справедливой критике, но в послевоенное время Бреттон-Вудская система сыграла исключительно важную роль в восстановлении мирового хозяйства. Можно без преувеличения считать основанную на Бреттон-Вудских соглашениях международную валютную и финансовую систему одним из важнейших событий в социальной истории XX в. Это был впечатляющий интеллектуальный прорыв в области институционального строительства. Новая валютная система способствовала значительному росту мировой торговли, углублению международного разделения труда, производительности и росту благосостояния всех социальных групп в западных обществах, в том числе росту численности среднего класса.

США, конечно, имели свою выгоду, на долгое время обеспечили себе экономическое и политическое лидерство, а денежная и финансовая дисциплина побежденных в мировой войне стран была во многом вынужденной. Но обвинения США в полном экономическом эгоизме несправедливы. Открыв свои внутренние рынки для продукции из разоренных войной европейских стран и Японии, США обеспечили их быстрый экономический рост.

Тем не менее крушение международной валютной системы, основанной на золотодолларовом стандарте, было неизбежным и не могло не иметь важных социальных и политических последствий. В 1960-е гг. президент Франции Шарль де Голль предпринял попытку возвращения золотого франка. Во Франции многие связывали лучшие годы своей истории именно с золотым денежным стандартом. Конечно, никто не собирался вводить золото в систему внутреннего денежного обращения, но французы хотели усиления роли франка в международной валютной системе. Де Голль выступил с решительной критикой сложившейся к тому времени валютной системы: «Мы считаем необходимым, чтобы международный обмен был установлен, как это было до великих несчастий мира, на бесспорной основе, не носящей печати какой-то определенной страны. На какой основе? По правде говоря, трудно представить себе, чтобы мог быть какой-то иной стандарт, кроме золота. Да, золото не меняет своей природы: оно может быть в слитках, брусках, монетах; оно не имеет национальности, оно издавна и всем миром принимается за неизменную ценность. Несомненно, что еще и сегодня стоимость любой валюты определяется на основе прямых и косвенных, реальных или предполагаемых связей с золотом. В международном обмене высший закон, золотое правило (здесь это уместно сказать), правило, которое следует восстановить, — это обязательство обеспечивать равновесие платежного баланса разных валютных зон путем действительных поступлений и затрат золота» [5]. Шарль де Голль действовал так же решительно, как и говорил. Весной 1965 г. в Нью-Йоркский порт прибыло французское судно с грузом купюр на 750 млн долл. ФРС

было вынуждено обменивать их на золото. В 1971 г. новая волна недоверия к доллару привела к новым изъятиям золота из хранилищ ФРС, и США были вынуждены отменить обмен доллара на золото для иностранных центральных банков и правительств. Золотодолларовый стандарт и Бреттон-Вудская валютная система прекратили свое существование, а доллар из мерила ценностей превратился в обычную валюту, обеспеченную только обязательствами Федерального резерва.

Развал Бреттон-Вудской валютной системы потребовал новых международных регламентаций в области денежной, валютной и финансовой политики. Было предложено множество иногда даже экзотичных проектов вплоть до возврата к золотому стандарту. Сторонники монетаризма (М. Фридман и др.), естественно, требовали полного саморегулирования валютных рынков и курсов. Неокейнсианцы (Р. Триффин, У. Мартин, А. Дей и др.) предлагали создание интернациональной валюты. Большинство экспертов понимало, что демонетизация золота неизбежна. США, понятно, хотели сохранить позиции доллара, Западная Европа стремилась хотя бы в небольшой степени ограничить гегемонию доллара. Дискуссии в академической и экспертной среде велись долго и ожесточенно. К ним присоединились многочисленные парламентские и правительственные комитеты. Инициативу взял в свои руки МВФ (хотя основные игроки были, конечно, за кулисами), подготовивший в 1974 г. проект реформы мировой валютной системы. На конференции МВФ в Кингстоне (Ямайка) в январе 1976 г. было принято соглашение о новой международной денежной и валютной системе.

В основу Ямайской валютной системы был положен принцип полного отказа от золотого стандарта. В соответствии с решениями Ямайской конференции в 1978 г. был внесен ряд принципиальных изменений в устав МВФ. В частности, была отменена официальная цена золота, прекращен обмен долларов на золото. Национальные валюты лишались золотого содержания. Золото выводилось за пределы основного денежного рынка. Страны – члены МВФ получили право выбора любого режима валютного курса: свободно плавающего, ограниченного (коридор к одним валютам и свободное плавание к другим) либо фиксированного (привязанного к одной валюте, СДР, корзине или скользящий паритет). Был введен новый вид международного платежного средства СДР (SDR Special Drawing Rights специальные права заимствования) – расчетная единица МВФ, используемая для безналичных международных расчетов путем записей на специальных счетах. Каждая страна получила свою долю СДР в соответствии со своей долей в МВФ. Центральные банки стран были освобождены от обязанности поддержания фиксированного паритета своей валюты, были расширены возможности проведения независимой внутренней денежной политики.

Формально по Уставу МВФ ни одна из национальных валют не получила статуса резервной валюты. Роль главного международного платежного и резервного средства была закреплена за коллективной валютой (SDR). К началу 1970-х гг. мировая экономика выросла из коротких штаннишек Бреттон-Вудской валютной системы. Росли государственные расходы и заимствования. США потратили много денег на войну в Корее и Вьетнаме. Быстрыми темпами росла мировая торговля, финансовые рынки и кредитно-денежная эмиссия. К этому добавились проблемы, вызванные фантастическим ростом цен на нефть, спровоцированный, кстати, отказом США в 1971 г. от обмена доллара на золото. «Нефтяной шок» 1974–1975 гг. разбалансировал мировые финансовые рынки и вызвал острую нехватку ликвидности.

Предполагалось, что ямайская валютная система будет более гибкой, будет быстрее приспосабливаться к нестабильности платежных балансов и валютных курсов. Однако экономическое лидерство США и в этот раз обеспечило доллару привилегированный статус главного платежного средства и фактически роль мировой валюты. Несмотря на внешний демократизм процедуры принятия новой международной валютно-финансовой системы, принципиальные вопросы решались в тиши кабинетов финансовых олигархов Уолл-стрита и лондонского Сити. Ямайская валютная система стала еще одним шагом на историческом пути укрепления контроля «больших частных денег» над национальными и международными денежными системами. Ф. фон Хайек мечтал о денационализации денег, об устранении всякой денежной монополии. Но процесс шел в прямо противоположном направлении. По сути, устанавливалась новая монополия на денежных и финансовых рынках, монополия Федеральной резервной системы США. Это хорошо понимали многие участники тех событий. Так, председатель «Банка Италии» Гвидо Карли в лекции для Фонда Пер Якобсона (Стокгольм) 12 июня 1976 г. прямо заявил, что многие политики и эксперты «утверждают, что искоренение золота из системы и неспособность заменить его другими официальными инструментами подтверждают злонамеренный план по укреплению доминирующего положения американских банков».

Причем финансовые планировщики из Уолл-стрита подстраховались на случай опасной конкуренции со стороны других валют или финансовых проблем в экономике США. В 1974–1975 гг. США установили особые отношения с Саудовской Аравией и после подписания ряда открытых и секретных соглашений добились обязательства стран Персидского залива продавать нефть только за доллары и в долларовых ценах. Финансовые руководители Лондона и Нью-Йорка, по существу, заменили прежний золотодевизный стандарт на «нефтедолларовый стандарт». Для оплаты

поставок нефти остальные страны вынуждены были теперь сначала закупать доллары. Эта ловкая операция обеспечила стабильный мировой спрос на доллары и еще больше укрепила гегемонию доллара и американских банков на международных финансовых рынках. Система нефтедоллара является одной из самых впечатляющих историй «дружеских» отношений большого бизнеса и больших частных денег. Свою долю получили также государственные финансы и военно-промышленный комплекс США, ведь Саудовскую Аравию соблазняли прежде всего гарантиями военной безопасности. В настоящее время доллар является основной фондирующей валютой международных банков: 2/3 трансграничных обязательств банков за пределами США выражены в валюте, отличной от национальной валюты страны, деноминируются в долларах. Америка стремилась к полному господству доллара в течение всего XX в., но, как становится понятным в свете нынешнего кризиса, может утратить достигнутые позиции. А ведь доллар — фундамент глобального господства США.

Библиографические ссылки

1. *Хиггс Р.* Как Рузвельт усугубил Великую депрессию // URL : <http://goldenfront.ru/articles/view/kak-ruzvelt-usugubil-velikuyu-depressiyu>. Дата обращения: 07.01.2013.
2. *Galbraith J. K.* The Great Crash, 1929. Boston : Houghton Mifflin, 1979.
3. *Гринин Л. Е.* Великая депрессия 1929–1933 гг. // *Философия и общество*. 2009. № 2.
4. *Аникин А. В.* История финансовых потрясений. М., 2009.
5. *Де Голль Шарль.* Франция о золотом стандарте // URL : <http://mrrs.sterligoff.ru/component/content/article/1-views/5-degol.pdf>. Дата обращения: 06.08.2013.

1.3. НЕОКОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МОНЕТАРНАЯ ПОЛИТИКА

Неоконсерватизм стал мощным общественным, интеллектуальным и политическим движением с 1970–80-х гг., охватившим все стороны общественной жизни западных обществ. В научной литературе, и тем более в публицистике, термины «неоконсерватизм» и «неолиберализм» часто употребляются как синонимы. Неолибералы более последовательны в защите свободы частной жизни. Неоконсерваторы, напротив, более последовательны в защите экономических свобод, свобод для бизнеса и коммерческой деятельности. Либертарианцы выступают за максимальные свободы как в сфере частной жизни, так и в сфере экономической деятельности. Эти идеологии неантагонистичны и сосуществуют вполне мирно. Но если учесть, что предкризисная эпоха в западных странах характеризовалась максимальной эко-

номической либерализацией и вместе с тем существенными ограничениями индивидуальных свобод, то описываемый исторический период лучше обозначить термином «неоконсервативная революция».

Текущий глобальный финансовый и экономический кризис поставил под сомнение все основные принципы неоконсервативной идеологии и экономической политики. На различных интеллектуальных площадках разве что ленивый не кинет очередной камень в адрес неоконсерваторов. У победы много отцов — поражение всегда сирота. После кризиса 2007—2008 гг. робкие голоса консерваторов почти не слышны. Консерваторы потерпели тяжелое поражение на последних выборах президента США. И хотя они по-прежнему пытаются вставлять палки в колеса экономической политики американских демократов, в целом их лидерам и экспертам не остается ничего другого, кроме как сокрушаться по поводу нынешнего «экономического безумия». «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца», — постоянно повторяют стойкие приверженцы рыночного саморегулирования. Но их никто не слышит. Однако если стандартная экономическая теория не будет отменена новой реальностью, глобальный мир ожидает самый настоящий экономический апокалипсис и списанные в небытие неоконсерваторы и монетаристы окажутся мудрыми пророками.

К сожалению, развернувшийся интеллектуальный дискурс по поводу выхода из современного глобального экономического кризиса перенасыщен эмоциями и групповыми интересами и не позволяет осмыслить объективное историческое содержание неоконсервативной революции. Между тем монетаристы, разработавшие экономическую доктрину неоконсерваторов и объявившие свободный рынок «институтом всех институтов», не были просто очередными волюнтаристами наподобие российских большевиков. Неоконсерватизм был единственным исторически доступным ответом на реальные вызовы своего времени. Неоконсервативный проект, как выразился бы Г. Гегель, отвечал своему понятию, то есть объективной логике саморазвертывания капитала в конкретных исторических условиях.

Капитал живет экспансией, его питательной почвой являются свободные рынки. К середине 1970-х гг. международный капитал исчерпал возможности роста, предоставленные восстановительной послевоенной экономикой. «Охотничьи угодья» международного капитала истощались, становясь слишком тесными, а многочисленные институциональные ограничения, сохранившиеся со времени Великой депрессии, становились нестерпимыми. Естественно, что неизбежный, затребованный объективной логикой роста капитала исторический процесс перестройки глобальных экономических отношений нуждался в новой идеологии, которая, как отмечал классик, становится материальной силой, когда овладевает массами. Идеологическая артподготовка будущей неоконсервативной ре-

волюции началась задолго до кризисных 1980-х гг. В 1960–70-е гг. в США «большой бизнес» щедро профинансировал мощную кампанию по пропаганде либертарианских и монетаристских идей. Великой неоконсервативной революции, как, впрочем, и любой другой, предшествовала великая кампания по промыванию мозгов. Университеты, исследовательские центры, НКО по всему миру получали бесчисленные гранты, большими тиражами издавалась соответствующая научная и публицистическая литература. Оперативно переписывались учебники по экономике: кейнсианство критиковалось или вообще замалчивалось, либерализм, монетаризм, глобализм рисовались, как свет в конце туннеля, как возвращение к истокам, к естественному состоянию общества. Тысячи профессоров по всему миру вещали о светлом либеральном будущем. Были задействованы апелляции к таким безотказным мотивационным стимулам, как социальная справедливость, либеральная демократия, права человека, подключены система массового образования и государственная идеологическая машина.

Свой вклад, как водится, внесли и деятели культуры. В 1957 г. вышел в свет роман Айн Рэнд (урожденная Алиса Зиновьевна Розенбаум) «Атлант расправил плечи», ставший любимым чтением неоконсерваторов всех мастей и времен. Поклонником Айн Рэнд, кстати, является и нынешний президент США Б. Обама. По результатам опроса, проведенного Information Analysis System Corporation, в 1991 г. «Атлант расправил плечи» был признан второй после Библии книгой, которая наиболее сильно повлияла на жизнь опрошиваемых респондентов. К 2007 г. суммарный тираж книги составил более 6,5 млн экземпляров. По опросу Zogby International, проведенному в ноябре 2008 г., роман прочли 8,1 % взрослых американцев. Людвиг фон Мизес 23 января 1957 г. написал Айн Рэнд письмо, в котором поздравил автора с тем, что в ее романе дан «убедительный анализ главного зла и чумы общества... разрушительного воздействия моральных каннибалов, альфонсов от науки и академических болтунов, реализующих антипромышленную революцию» [1].

Айн Рэнд еще в годы обучения в Петроградском университете (1921–1924) увлеклась философией Фридриха Ницше. В 1925 г. она получила визу для поездки на учебу в США, где и развернулся ее талант писателя и социального философа. Герои романов Айн Рэнд – супермены-промышленники. Но главный принцип жизни этих героев – святое право делать свой бизнес и свои деньги без каких-либо моральных и политических ограничений со стороны общества или государства. В романе «Атлант расправил плечи» эти симпатичные промышленники иногда проговариваются, заявляя: «Кто не любит деньги, тот не уважает себя». «Любить деньги, – пафосно констатировала сама Айн Рэнд, – означает знать и любить факт, что деньги – создают лучшую власть в пределах Вас самих» [2]. Устами своего героя Айн Рэнд проповедует: «Клянусь своей жизнью и любовью к ней,

что никогда не буду жить ради другого человека и никогда не попрошу и не заставлю другого человека жить ради меня» [3].

По роману Айн Рэнд был снят популярный художественный фильм, просмотрев который невольно становишься на сторону класса «угнетенных бизнесменов». Понятно, что социальная философия Айн Рэнд с самого начала встретила решительную оппозицию со стороны гуманистической общественности. Гор Видал справедливо возмущался подобной откровенной апологией эгоизма, ставшей духовным фундаментом неоконсервативной идеологии и политики. «Эта необычная маленькая женщина, — писал он, — пытается дать моральную санкцию на жадность как следствие частного интереса. Больше всего меня интересует в ней не нелепость ее философии, а размер ее аудитории. Она обладает большой привлекательностью для простых людей, которые озадачены социализацией общества, кто возражает против роста налогов, кому не нравится состояние “благополучия”, кто чувствует вину при мысли о страданиях других, но кто хотел бы укрепить свои сердца. Для них у нее есть соблазн предписания: альтруизм — корень всего зла, личный интерес — единственное доброе дело, а если вы некомпетентны или вам нечего сказать, то это ваша проблема... Она ведет битву на два фронта. Первое — против идеи государства быть чем-то большим, чем полиция и судебная власть, чтобы защитить людей от кражи денег... Но второе сражение мисс Рэнд — это моральное. Она объявила войну не только Марксу, но и Христу... Философия Айн Рэнд почти совершенна в своей безнравственности, это делает размер ее аудитории еще более зловещей и симптоматической» [4]. Естественная реакция гуманистов вроде Гора Видала понятна, но, по мнению самих сторонников либертарианства, роман Эйн Рэнд «Атлант расправил плечи» стал искрой, разжегшей движение среди молодых интеллектуалов к дальнейшему изучению ее философии индивидуализма и бросившей вызов взглядам политического истеблишмента. В начале 1960-х гг. по всей стране в США студенты с энтузиазмом изучали философское содержание романов А. Рэнд [5].

Важнейшей составляющей нового культа стал принцип святости частной собственности и абсолютной свободы индивида, восходящий к религиозной идеологии радикальных протестантов, не признававших над собой никакой власти, кроме Бога. Основой протестантской этики стал принцип личной ответственности перед Богом, перед собой и своей семьей. Дом превращался в храм, семья — в паству. В последующем идеи радикальных протестантов трансформировались в социальную философию либертарианства, дополненную светской культурной традицией «естественных прав» человека. Своим духовным отцом либертарианцы считают Джона Локка, а Декларацию независимости США величайшим документом в истории человечества. Защита института частной собственности и неограниченного права распоряжения частной собственностью стала

центральной идеей в либертарианской политической философии, поскольку только частная собственность гарантирует свободу от любого внешнего принуждения. Пропаганда неотчуждаемости «естественных прав» человека, самодостаточности, самопринадлежности личности была чрезвычайно привлекательна с психологической точки зрения. Даже заурядный владелец скромного бизнеса, начитавшись книг Айн Рэнд, мог почувствовать себя «Атлантом», на плечах которого держится весь Мир.

Если монетаризм Чикагской школы стал прикладной частью неоконсервативной идеологии, то либертарианство — ее социальной и политической философией. Причем в своих наиболее последовательных и радикальных формах и монетаризм, и либертарианство предназначались прежде всего на экспорт. Для внутреннего употребления предлагались умеренные дозы неоконсервативной идеологии. В 1990-е гг. кабинеты многих правительственных учреждений в развивающихся странах заполнили «чикагские мальчики», предлагавшие монетаристские рецепты и проповедовавшие идеологию либертарианства. Под непосредственным руководством именно таких «экспертов» проводились экономические и политические реформы во многих развивающихся странах, в том числе и в России. Монетаристским практикам обычно предшествовала масштабная идеологическая обработка образованного сообщества. В начале 1990-х гг. в России «прогрессивная общественность» почти поголовно разделяла социал-дарвинистские идеи либертарианства. Сергей Кара-Мурза по поводу этого удивительного процесса «промывания мозгов» метко заметил: «В целом весь дискурс идеологов перестройки был проникнут биологизаторством — сведением социальных и культурных явлений к явлениям животного мира, к “закону джунглей”. Вспомним ставшее общепринятым утверждение, будто рыночная экономика (капитализм) является “естественным” типом хозяйства, в отличие от советского, “неестественного”... Поразительно, как с помощью идеологии и авторитета профессоров и академиков удалось стереть в общественном сознании очевидную вещь: экономика суть явление социальное, присущее только человеческому обществу» [6].

Исторический смысл неоконсервативной революции состоял в расширении рыночного пространства для международного капитала, в максимально возможной дерегуляции рынков и международной торговли, в решительной оппозиции кейнсианскому вмешательству государства в деятельность экономических субъектов. Неоконсерваторы требовали устранить все, что мешает свободному движению капитала. Поэтому экономическим священным писанием «неоконов» не случайно стал монетаризм в версии Чикагской экономической школы (Ф. Найт, М. Фридман и др.). Основоположником монетаризма считается лауреат Нобелевской премии по экономике Милтон Фридман, однако название новой экономической

теории дал Карл Бруннер. В 1968 г. была опубликована знаменитая статья М. Фридмана «Роль монетарной политики», оказавшая значительное влияние на развитие политэкономического дискурса. Дж. Тобин в 1995 г. назвал эту статью как «наиболее значительную из когда-либо опубликованных в экономическом журнале».

Монетаристы провозгласили принцип «нейтральности денег», получивший в экономической теории название классической дихотомии. Принцип классической дихотомии (нейтральности денег) является одним из основных принципов неоклассической теории денег, утверждающий, что экономика распадается на два сектора — реальный и финансовый, которые подчиняются своим собственным закономерностям и не оказывают прямого влияния друг на друга. Подобная экономическая идеология открывала дорогу для окончательной либерализации финансового сектора экономики. На первый взгляд, монетаристы справедливо требовали от государства соблюдения элементарной финансовой дисциплины. История знает множество примеров, когда безответственная денежная и финансовая политика государства приводила к социальным катастрофам. Но самым удивительным во всей этой истории является то, что суровые требования финансовой дисциплины были предъявлены и по-прежнему предъявляются лишь к развивающимся странам. Монетаризм стал официальной доктриной МВФ. С тех пор финансовые кризисы часто провоцировались самим МВФ. От кредитной «помощи» МВФ пострадал в 1980–90-е гг. целый ряд стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Для развивающихся стран была сформулирована специальная программа, получившая название «Вашингтонский консенсус».

Программа предлагала рекомендации по экономической политике для стран Латинской Америки с целью перехода от командной модели экономического развития 1960–70-х гг. к экономической политике, характерной для большинства развитых государств. В последующем основные принципы «Вашингтонского консенсуса» были распространены на экономические реформы постсоциалистических стран. В апреле 2011 г. Доминик Стросс-Кан, глава МВФ, выступил с заявлением, что «Вашингтонский консенсус» «с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади». После таких заявлений не удивительно, что карьера Д. Стросс-Кана скоропостижно оборвалась. Монетаристская политика изначально была избирательна. Требуя финансовой дисциплины от государства, она не предъявляла подобных требований к частным корпоративным и банковским финансам. Политические лидеры неоконсерваторов (Р. Рейган, М. Тэтчер, Дж. Буш-старший, Дж. Буш-младший и др.) призывали к возрождению авторитета традиционных социальных институтов, апеллировали к традиционным семейным и религиозным ценностям, взывали к национальному сознанию,

патриотизму, единству нации. Эти лозунги звучали очень привлекательно, на фоне нравственного кризиса западного общества 1960–70-х гг. Со временем идеологические догмы монетаристов превратились в идеологические штампы, входившие в «речевой оборот и язык СМИ в качестве вирусных мемов — расхожих идей, настолько привычных, что их никто уже не способен воспринять критически» [7].

Первым шагом неолиберальной революции стал демонтаж контроля над ценами, прежде всего ценами на энергоресурсы, так называемый «нефтяной шок» и последующий энергетический кризис 1973 г. Хотя, конечно, у либералов были свои аргументы — цены на нефть слишком долго, почти 100 лет, искусственно поддерживались на низком уровне. Во всем обвинили и обвиняют до сих пор арабов. Но рост цен на нефть, в принципе, совпал с интересами неолиберальных реформаторов. Однако триумфальное шествие неоконсервативной идеологии и монетаристской политики началось сразу после реформы международных денежных и финансовых отношений на конференции МВФ в Кингстоне (Ямайка) в январе 1976 г. В основу Ямайской валютной системы был положен принцип полного отказа от золотого стандарта. Центральные банки стран, обладавших резервными валютами, то есть валютным суверенитетом, избавились от «золотых тормозов», и количество эмиссионных денег стало стремительно расти. Соответственно, появились новые финансовые инструменты манипулирования глобальными экономическими процессами. Последствия новой реформы мировых денежных и финансовых отношений оказались как минимум противоречивыми. Особую опасность для мирового сообщества представляла идеологизация этих событий. Радикальные либералы восприняли реформу как свою историческую победу. С этого времени начинается победное шествие либерального фундаментализма. Распад СССР «неоконы» также не без основания относят к своим особым заслугам. Неоконсервативная революция в западных странах была реакцией на постепенное исчерпание потенциала кейнсианской экономической политики и тяжелый экономический кризис 1970-х гг. «Неоконы» противопоставили компромиссному кейнсианству идеологию старого доброго либерализма. По существу, «большой бизнес» требовал большего участия в хозяйственных и политических делах, большей свободы для глобальной капитала и транснациональных корпораций.

Вполне убедительная критика откровенно социал-дарвинистских идей «неоконов» не находила отклика ни в мелкобуржуазной среде, ни среди «яйцеголовых интеллектуалов». «Красный проект» потерпел, если и не окончательное, то существенное историческое поражение. Социал-демократический проект столкнулся с новыми вызовами и не смог предложить каких-либо новых идей, открывавших перспективы выхода из экономического кризиса, сопоставимого с кризисом 1930-х гг. С другой стороны, каждая книга, каждая

статья идеологов либертарианства начиналась со слова «свобода» и заканчивалась призывом к свободе. Монетаристы и либертарианцы апеллировали к базисным потребностям человека в самореализации, свободе от любого внешнего давления, агитировали за право сильного быть сильным. Было удивительно наблюдать, как росла популярность Р. Рейгана и М. Тэтчер, при том, что социальные программы сокращались самым беспощадным образом.

Либерализация финансовых, товарных и трудовых рынков, сокращение государственных расходов, снижение налогов и банковских ставок дали свои результаты. «Атлант» действительно расправил плечи. Важно понимать, что рост влияния неоконсервативной идеологии и монетаристской политики опирался на вполне успешные практики новых политических лидеров. Понятно, что многие опасения критиков «философии эгоизма» вполне оправдались. Пытаясь понять причины финансовой катастрофы 2007–2008 гг., общественное мнение и даже авторитетные эксперты чаще всего ссылаются на кризис нравственности, жадность, неудержимую жажду личного успеха, богатства и власти. Этот мотив стал доминирующим в публицистике, во множестве документальных и художественных фильмов, посвященных причинам и последствиям финансового и экономического кризиса 2007–2008 гг. Очень показателен в этом плане фильм «Уолл-стрит: деньги не спят» с М. Дугласом в главной роли (2010). Конечно, нравственная деградация «большого бизнеса» как одно из следствий неоконсервативной революции имела место. Но социолога и экономиста в первую очередь интересуют фундаментальные, системные факторы, толкнувшие в омут безудержных финансовых спекуляций даже очень авторитетные, с хорошей бизнес-историей финансовые компании. В конце концов, нравственность никогда не была основой бизнеса, и тем более финансового предпринимательства. Лучшие моральные истории в этой области всегда были следствием экономического принуждения, следствием конкуренции, а не моральной проповеди. Но именно под звон неолиберальных колоколов выростал современный финансовый монополизм крупнейших банков и финансовых компаний, то есть воспроизводился тот самый капитал, о котором писал К. Маркс, цитируя Т. Дж. Даннинга: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» [8, с. 770].

Во всей путаной идеологии неоконсерватизма за красивыми и внешне привлекательными лозунгами тщательно скрывается суть — социальный дарвинизм. Но именно деньги являются основным ресурсом в борьбе за место в социальной «пищевой цепочке». По существу, неоконсерватизм

был апологией неограниченной свободы «больших частных денег» и жесткой регламентации государственных расходов и государственного участия в делах «большого бизнеса». Свой шанс неоконсерваторы получили в начале 1970-х гг. Послевоенный период быстрого экономического роста, основанный на экономике восстановления и государственном стимулировании, подходил к концу. Впереди была затяжная стагфляция (инфляция на фоне сокращения производства и занятости). Растущая конкуренция на внутренних и внешних рынках вела естественным образом к падению дохода на капитал, набравшие силу финансовые компании и банки чувствовали себя связанными по рукам. Экономика была перегружена неэффективно работающими предприятиями, державшимися на плаву только благодаря государственным дотациям. Укрепившие свое влияние профсоюзы требовали повышения заработной платы и социальных гарантий, что на фоне стагнирующей экономики уже невозможно было получить так легко, как прежде. Электоральная демократия открыла дорогу к власти разного рода демагогам, популистам и прочим социалистам. Словом, недовольны были все. И в этой атмосфере всеобщего недовольства на политическую арену вышли новые яркие лидеры, решительно выступившие против всякого социального иждивенчества, с проповедью освободить от оков кейнсианства всех, кто способен к эффективному труду и предпринимательству.

В 1981 г. кресло президента США занял Рональд Рейган. Проводимая им неоконсервативная политика получила название «рейганомики». Рейган как-то заметил: «Семьдесят пять лет назад я родился в Тампико, штат Иллинойс, в крошечной квартирке в доме, где на первом этаже был банк. Других контактов с банками у меня не было». Это было явное лукавство, ибо о лучшем президенте США хозяева Уолл-стрита не могли и мечтать. В 1980–1982 гг. экономика США переживала тяжелый спад – наследие длительного правления демократов. Идеологией нового экономического курса стала концепция «экономики предложения», то есть ориентация на стимулирование производства путем сокращения налогов и улучшения инвестиционного климата. Выпадающие доходы бюджета компенсировались экономией на социальных программах. Администрация Р. Рейгана популярно объясняла свои действия, постоянно повторяя: «Прилив поднимает все лодки».

Идея фикс неоконсервативной революции состояла в дерегулировании экономической и финансовой деятельности. Во времена Великой депрессии в США был принят ряд законов, направленных на усиление государственного контроля над деятельностью банков и других финансовых институтов (Закон о ценных бумагах 1933 г., Закон о фондовых биржах 1934 г., Закон Гласса–Стигалла 1933 г. о регулировании банковской системы). После многих лет минимального регулирования финансового сектора индустрия ценных бумаг и система коммерческих банков была поставлена под

жесткий государственный контроль. Но мировое банковское сообщество не прекращало борьбу за привилегии финансовых монополий.

В августе 1979 г. президент Дж. Картер назначил председателем ФРС (Федеральная резервная система) последовательного монетариста Пола Волкера. Следуя монетаристским рецептам, он резко ужесточил денежно-кредитную политику (шоковая терапия П. Волкера). Антиинфляционные меры ФРС твердо поддержал новый президент, Р. Рейган. Инфляция была побеждена. Однако экономика была втянута в глубокую рецессию, а прибыли финансовых компаний, напротив, взлетели вверх. Иностранные инвесторы лихорадочно скупали государственные облигации США. Огромные прибыли финансовым корпорациям принес организованный ими же совместно с МВФ так называемый «кризис задолженности стран третьего мира». Как это уже неоднократно было в истории, «закон денежного маятника» сработал и в этот раз. Сначала финансовая олигархия хорошо заработала, играя на понижение, а затем предложила свои услуги по выходу из кризиса в ответ на очередные законодательные льготы и участие во власти. Покладистость политиков была вознаграждена. Деньги стали возвращаться в национальную экономику США, правительство получило востребованные займы. За годы президентства Р. Рейгана среднегодовой рост экономики составил 3,85 %, но одновременно резко с 997 млрд до 2,85 трлн долларов вырос национальный долг. Рост государственного долга Р. Рейган считал «наибольшим разочарованием» своего президентства. Что бы он сказал, глядя на нынешний государственный долг США в 17 трлн долларов? Именно в годы президентства Р. Рейгана при прямом соучастии ФРС и международных банкиров Америка стала погружаться в глубокую долговую яму, превратившуюся в 2013 г. в пропасть.

В 1987 г. президент США Р. Рейган назначил на пост председателя ФРС легендарного Алана Гринспена. Этот очередной протезе финансовых монополий руководил американской финансовой и кредитной системой с 1987 по 2005 г. и «заслуженно» считается создателем «дерегулированных финансов», крестным отцом нынешнего финансового кризиса. На слушаниях в Конгрессе США А. Гринспена, естественно, спросили, как он умудрился не заметить надвигающийся финансовый кризис. В ответ А. Гринспен заявил: «Я был прав на 70 %, а ошибался лишь на 30 %». На что один из корреспондентов остроумно заметил: капитан «Титаника» тоже был прав на 99 % и не прав на 1 %. А. Гринспен оправдывал политику дешевых денег, которую под его руководством проводил ФРС необходимостью поддержать платежеспособный спрос. 10 марта 2000 г. лопнул пузырь на рынке доткомов (dot-com). Под удар кризиса попали молодые, бурно развивавшиеся преимущественно американские интернет-компании. Произошло обвальное падение индекса высокотехнологичных компаний NASDAQ. Это была своего рода репетиция финансового кризиса 2007–2008 гг. Мно-

жество компаний были вынуждены объявить о банкротстве. Пострадали и сопутствующие отрасли. На фондовых биржах капитализация компаний сократилась на 5 трлн долларов. Обвал фондовых рынков повлиял на все финансовые рынки, в частности на аргентинский кризис. Так что у ФРС были серьезные причины к проведению мягкой монетарной политики. Денежная и кредитная эмиссия, дешевые деньги, доступный кредит и государственные заимствования на тот период казались хорошим средством предотвращения рецессии. Сейчас на старика А. Гринспена вешают всех собак. Но вначале никаких других системных инструментов, способных остановить падающий спрос, попросту не было.

Окончательно все препятствия для либерализации финансовых рынков были устранены после отмены в 1999 г. закона Гласса – Стигалла, хотя положения этого закона строго не соблюдались и ранее. В новом законе Грэмма-Лича-Блайли финансовым учреждениям предоставлялась полная свобода действий. Многие эксперты считают отмену закона Гласса – Стигалла одной из главных причин финансового кризиса 2007–2008 гг. Назначение А. Гринспена означало «переход финансовой олигархии США к новым технологиям финансового господства, основанным на либерализации финансовых рынков и приватизации государственных функций. Фактически произошел слом системы “рузвельтовского консенсуса”, когда власть правящей финансовой элиты была ограничена ради сохранения всего социума и экономики. Краеугольным камнем этого консенсуса являлся знаменитый закон Гласса – Стигалла, способствовавший перетоку капиталов из спекулятивного финансового сектора в производительный реальный сектор экономики» [9].

По аналогии с термином «рейганомика» в Британии неоконсервативную революцию назвали «тэтчеризмом» по имени премьер-министра Маргарет Тэтчер («железной леди»). Так же, как и в США, идеологией британского неоконсерватизма стал монетаризм как экономическая философия и рыночный фундаментализм, либертарианство как проповедь личной свободы в экономической деятельности. Неоконсервативная революция изменила мир больше, чем какое-либо другое историческое событие XX в. Иногда это был просто торжествующий танец «больших частных денег» на костях национальных экономик.

Социологический анализ исторических последствий неоконсервативной революции вызывает определенные трудности. Уж больно противоречивыми были ее результаты. В конечном счете главным историческим итогом неоконсервативной революции стал системный кризис капитализма, экономика абсурда, когда анонимные финансовые рынки шантажируют правительства и центральные банки даже крупнейших мировых держав. Правительства и финансовые власти попали в опасную зависимость от международных спекулянтов. Никогда еще в истории капитализма не

существовало такой абсурдной ситуации, когда финансовые рынки растут как на дрожжах, а реальный сектор экономики либо стагнирует, либо находится в глубокой рецессии. Никогда еще манипуляция финансовыми рынками не достигала таких масштабов.

Вместе с тем, оценивая историческую роль неоконсервативной революции, важно иметь в виду, что нынешнему кризису предшествовал период бурного экономического роста. К середине 1980-х гг. в экономике США и других западных странах сформировалась устойчивая ориентация на развитие глобальных рынков, свободное движение товаров и капитала, были созданы благоприятный правовой режим для транснациональных корпораций и новые финансовые инструменты для обслуживания быстро растущей мировой торговли. Политика открытых рынков последовательно проводилась всеми международными финансовыми институтами: МВФ, ВТО, Всемирный банк, Банк международных расчетов и др. Неоконсервативная революция буквально создала новую глобальную реальность, способствовала бурному росту мировой экономики.

Как любил повторять К. Маркс, «капитал не знает границ». Может быть, не желая того, неоконсерваторы запустили глобальную машину геополитического перераспределения мирового капитала. Согласно последнему исследованию PwC «Мир в 2050 г.» человечество ожидают драматические перемены. Как-то даже трудно представить мир, в котором Ротшильдов сменяют новые «хозяева денег» из Китая или Индии. Однако геополитическая реальность такова, что уже к 2020 году развивающиеся страны большой семерки (Китай, Индия, Бразилия, Россия, Мексика, Индонезия и Турция) обгонят развитые страны большой семерки (США, Японию, Германию, Великобританию, Францию, Италию и Канаду) по ВВП на основе паритета покупательной способности (ППС) [10]. По мнению авторов доклада «Капитал для будущего: сбережения и инвестиции во взаимозависимом мире», подготовленного Всемирным банком, доля развивающихся стран в объеме мировых инвестиций к 2030 году должна увеличиться в три раза и достигнуть трех пятых от общемирового значения (в 2000 году она составляла одну пятую). «Менее чем через поколение доминирующее положение в сфере мировых инвестиций будет принадлежать развивающимся странам. А крупнейшими инвесторами среди этих стран станут Китай и Индия: в 2030 году на эти два государства в совокупности будет приходиться 38 процентов валового объема мировых инвестиций. Все это изменит характер мировой экономики» [11]. Конечно, эти прогнозы, основанные на прямых экстраполяциях тенденций последних десятилетий, могут не оправдаться. Уже сейчас экономики многих развивающихся стран испытывают трудности, связанные с валютными войнами и оттоком капитала. Однако перераспределение центров глобального экономического влияния, по-видимому, неизбежно.

Эти фантастические перемены были бы невозможны без создания по инициативе «неоконов» и разного рода неолибералов открытых глобальных рынков. Более того, западные банки активно кредитовали импорт из развивающихся стран, загоня собственные экономики в торговые и бюджетные дефициты. Казалось бы, с точки зрения национальных интересов западных стран полная шизофрения, но с точки зрения интересов глобального капитала и транснациональных корпораций был достигнут вдохновляющий успех. Никогда еще в истории человечества за такой краткий период времени не создавалось такое общественное богатство, как в «золотое время» неоконсервативного проекта, никогда еще столь стремительно не наращивали свое экономическое могущество транснациональные корпорации и финансовые кланы. Конечно, не все страны попали на этот «пир хищников». Будущее многих, особенно малых стран, выглядит весьма грустно. Ряд стран Центральной Европы, например, надолго, если не навсегда, останутся «кладбищами старых технологий». В свете новой глобальной конкуренции им не удастся повторить судьбу малых скандинавских стран, ловко воспользовавшихся конъюнктурой глобальных рынков. Но благополучие и этих стран уже под угрозой агрессивного экспорта будущих лидеров мировой экономики. Экономики малых стран становятся крайне уязвимыми из-за узкоспециализированного экспорта. В новом глобальном мире, созданном «неоконами» и транснациональными корпорациями, конкурируют уже не отдельные компании или регионы национальных экономик, а страны и экономические объединения стран. В рамках национальных экономик банкроты (компании или регионы) могли рассчитывать на помощь центральных правительств. Но кто будет спасать страны-банкроты в новом глобальном мире. Ведь история с Грецией, Португалией, Ирландией — это только начало. А что, если обанкротится Испания или Италия? Если даже в ЕС, создавшем множество институтов, регулирующих экономические отношения между странами — членами союза, Германия оказалась, по существу, «экономическим вампиром» по отношению к своим более слабым партнерам, то в глобальной экономике экономическое соперничество и экономическое неравенство между отдельными странами и регионами будет неизбежно возрастать. А это неизбежно приведет к перекройке геополитической карты мира. Бедные страны-беспризорники будут искать новых покровителей, как это делают сейчас страны Центральной Европы, а вот желающих «усыновить» их будет все меньше и меньше.

Глобализация оказалась фантастически выгодна для всех ее основных игроков, прежде всего для крупных транснациональных корпораций, международного банковского капитала, но также и для многих развивающихся стран. Трудно поверить, но ВВП Китая вырос в 60 раз с 1973 г. и в 27 раз с 1980 г. [12]. Экономика Бразилии с 1980 по 2011 г. выросла в 13 раз, Индонезии — в 10,6 раза [13]. При этом почти все экономики смогли извлечь

выгоду из либерализации мировых рынков, особенно прибыльной оказалась китайская мегастройка. Важно также иметь в виду, что параллельно с экономическим ростом в развивающихся странах интенсивно развивались социальная структура, система образования, урбанизация общества. Китай уже сейчас обогнал многие западные страны по выпуску инженеров и по качеству преподавания естественных наук в средней школе.

Процесс глобализации накопил свою собственную историю, и наиболее важные изменения, качественно меняющие миросистему (И. Валернстайн), произошли именно в последние годы. «Прежде всего это рассредоточение производственных цепочек. Вместо производства всего продукта на одном заводе его составляющие выпускаются на различных специализированных мощностях (причем нередко за границей), а окончательная сборка происходит уже на другом объекте. Это явление приобрело впечатляющий размах: на промежуточную продукцию приходится 60 % всего объема мировой торговли. Если 20 лет назад доля «импорта в экспорте» составляла 20 %, то сегодня она уже находится на отметке в 40 %, а еще через 20 лет, как считает генеральный директор Всемирной торговой организации Паскаль Лами, достигнет 60 %» [14]. А это уже принципиально новая глобальная реальность. Даже такие крупные экономические объединения, как Евросоюз, не смогут бороться с кризисом методами протекционистской политики, как это делали в 1930-е гг. Германия и Япония. Как заметил Ричард Болдуин, протекционизм стал «деструкционизмом». Многие страны будут вынуждены вступить в глобальную конкуренцию с минимальными шансами на успех. Таким образом, неоконсервативная революция прошла триумфальным маршем по всей планете. Но диалектика капитала такова, что создавая новые возможности роста, он одновременно создает новые противоречия, предпосылки для отрицания своих собственных достижений.

Раскрепощенный капитал создал невиданные в прошлом производительные мощности и прогнулся под их тяжестью: «Атлант» Айн Рэнд стал на колени. Оказалось, что есть пределы углубления разделения труда, на которые указывал еще Адам Смитт и о которых совсем забыли современные экономисты. Кроме того, выяснилось, что конкуренция, допустимая в рамках национальных экономик, создает абсолютно новые и неожиданные проблемы в случае глобальной, межстрановой конкуренции. К концу нулевых годов глобальный капитал освоил все созданные им же новые рынки и вновь столкнулся с дефицитом глобального спроса. Какое-то время мировой спрос удавалось поддерживать за счет кредитной эмиссии и наращивания совокупного долга. Но в 2007–2008 гг. эта пирамида рухнула вместе с такими понятными и ясными идеалами неоконсерваторов и монетаристов. Мир вступил в эпоху неопределенности, в эпоху экономического абсурда. Страны, которые по уровню развития промышленного потенциала могли бы обеспечить

своим гражданам социалистическое процветание, не могут обеспечить элементарный платежеспособный спрос на продукцию собственных предприятий. В США 40% населения получают продовольственные талоны, а 70% — социальные пособия. Во время пика финансового кризиса домохозяйства США лишились благосостояния в размере 16 трлн долларов. Вся система социального обеспечения развитых стран, включая пенсионное обеспечение и медицинское страхование, оказалась под угрозой разрушения.

Но особенно неприятно, что, столкнувшись с новой исторической реальностью, интеллектуальное сообщество продемонстрировало полную беспомощность. По этому поводу, уходя с поста председателя Европейского центрального банка, Жан-Клод Трише разочарованно заявил: «Будучи лицом, принимавшим решения во время кризиса, я обнаружил, что имеющиеся (экономические и финансовые) модели мало чем могут помочь. Вообще-то, можно сказать и больше: перед лицом кризиса мы почувствовали, что обычные инструменты не действуют» [15]. Такой авторитетный эксперт, как Жан-Клод Трише, фактически признал, что экономисты не в состоянии ни объяснить, ни понять новую глобальную экономическую реальность.

Реагируя на новые непонятные вызовы правительства, финансовые власти развитых стран обратились к «нетрадиционным» финансовым методам борьбы с кризисом, перевернувшем все устоявшиеся представления о капитализме, о рыночной экономике, о свободе и демократии. Правительства и финансовые власти пошли на прямое государственное вмешательство в экономику, вхождение в капитал крупнейших корпораций и частных финансовых компаний, что означало, по сути, частичную национализацию. Во время кризиса 2008—2009 гг. в США практически были национализированы крупнейшая в мире страховая компания «American Insurance Group», крупнейший автомобильный концерн «General Motors», а также банки «Citigroup» и «Bank of America». Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц назвал это «беспрецедентной социализацией» американского частного сектора. Была запущена беспрецедентная денежная эмиссия. Почти сто лет понадобилось ФРС, чтобы нарастить баланс центробанка до 975 млрд долларов, а за первые три-четыре года кризиса баланс утроился и достиг фантастической величины. По тому же пути пошли центральные банки ЕС, Японии, Китая. В июне 2007 г. балансы центробанков развитых стран составляли 3,4 трлн, а в июне 2013 г. — 9,2 трлн долларов. Новые ничем не обеспеченные деньги были направлены на спасение банковской системы. В результате финансовый кризис перерос в острый кризис суверенных долгов. До кризиса госдолг Великобритании составлял всего 45% от ВВП, а в 2012 году он составил уже 90%. В США госдолг вырос с 65% до 105% ВВП. Ничего подобного история капитализма, по крайней мере в мирное время, не знала. Можно сказать, что мы являемся свидетелями величайшего в истории социального экс-

перимента с совершенно непредсказуемыми последствиями. По сравнению с возможными последствиями этой своеобразной антирыночной контрреволюции даже революция в России 1917 г. всего лишь событие второстепенного значения. Не удивительно, что многие последовательные приверженцы старого доброго капитализма восприняли этот новый мир как крушение капиталистической вселенной. «Раньше термин “капитализм” имел следующее определение — экономическая система, при которой капитал находится в частной собственности и используется собственниками по своему усмотрению: владельцы капитала должны были решать, как лучше его использовать, и могли опираться на дальновидность и творческие идеи предпринимателей и новаторов. Данная система личной свободы и личной ответственности не давала правительству особых возможностей влиять на процесс принятия экономических решений: успех означал прибыли, а неудача означала убытки. Корпорации могли существовать только до тех пор, пока свободные люди добровольно приобретали их товары, в противном случае они быстро теряли свой бизнес... Теперь же капиталистическая система испортилась. Администрирующее государство взяло на себя ответственность за контроль над всем, начиная от доходов среднего класса и заканчивая рентабельностью крупных корпораций и промышленным ростом. Эта система, однако, является не капитализмом, а скорее типом экономического устройства, которое возвращает нас к Бисмарку в конце XX в. и к Муссолини в 1920-х гг., — а именно, корпоративизмом. Капиталистическая система испортилась. Государство контролирует все, начиная от доходов среднего класса и заканчивая рентабельностью крупных корпораций», — эти горькие слова принадлежат Эдмунду Фелпсу, лауреату Нобелевской премии по экономике 2006 г. [16].

Что же произошло? «Об этом нечасто вспоминают, — пишет И. Валернстайн, — но за это же столетие размер прибылей с акций был приблизительно вдвое выше роста валового внутреннего продукта. Некоторые аналитики считают, что это, по сути, финансовая пирамида. Оказывается, большая часть этих чудесных прибылей с рынков была получена в период с начала 1970-х гг. — в эпоху, по-разному называемую глобализацией, неолиберализмом или финансиализацией» [17]. Ясно, что накопление финансового капитала опережало накопление капитала физического и свободные деньги уходили на финансовые спекулятивные рынки. Под давлением глобальной конкуренции, по мнению И. Валернстайна, сформировалось одно из фундаментальных противоречий современной социальной миросистемы: краткосрочное целеполагание угрожающе доминирует над долгосрочным. Система как бы спроектирована для достижения краткосрочных целей, максимизации прибыли здесь и сейчас. К этому можно добавить, что в таких социальных системах, естественно, происходит гиперболизация кредита. Кредит — важнейший социальный генератор времени, а время в социальных системах с нарушенным

балансом целеполагания является скорее ресурсом выживания по принципу «умри ты сейчас, а я потом», нежели ресурсом развития и обновления. Как известно, Т. Парсонс в своей знаменитой формуле AGIL придавал особое значение подсистеме целеполагания (целестроения). В современной миросистеме целеполагание нарушено как в политике, так и в массовой хозяйственной деятельности. Политический класс явно избегает ответственности, заливая экономику эмиссионными деньгами, пытаясь выиграть время в надежде, что все как-нибудь решится само собой. Субъекты хозяйственной деятельности дезориентированы поведением фондовых и товарных рынков, смотрят в рот председателям центральных банков, пытаются предугадать их решения по учетным ставкам и программам выкупа токсичных активов. В таких условиях планировать бизнес становится все труднее, и многие предприниматели уходят на спекулятивные рынки ценных бумаг. Политики и финансисты завели мировую экономику в тупик: бесконечно продолжать мягкую денежно-кредитную политику невозможно, но и остановиться нельзя, поскольку это может привести к краху всех финансовых рынков. Многие финансовые аналитики представляют очередной спор между Конгрессом США и Администрацией Президента Б. Обамы как политическую пикировку. Но на самом деле за этими постоянными спорами стоит глубокая озабоченность республиканцев утратой доверия к финансовой системе США, которые «всегда платят по своим долгам». Для многих республиканцев проблемы долга и бюджетного дефицита гораздо менее значимы по сравнению с угрозой прекращения притока зарубежного капитала в экономику США.

Монетаристы рассчитывали запустить машину экономического роста мерами строгой бюджетной политики и денежно-кредитным стимулированием. На какой-то период времени эта схема хорошо работала. Расцвет последовательной неоконсервативной политики пришелся на период правления Р. Рейгана и М. Тэтчер. С тех пор за продолжающейся неоконсервативной риторикой скрывалась весьма путаная экономическая политика, основным содержанием которой стало стимулирование экономики любой ценой. Однако настоящей лабораторией для проверки эффективности монетаристской экономической политики стали развивающиеся страны, и особенно Россия. В течение всех нулевых годов финансовые власти России держали экономику на голодном денежном пайке, стерилизуя избыточную ликвидность в казначейских облигациях западных стран. Субъекты экономики фондировались главным образом за счет дешевых кредитов западных банков. Это обеспечивало в нулевые годы приемлемый экономический рост. Однако после кризиса 2007–2008 гг. и периода восстановительного роста в России со всей остротой встала проблема экономической стагнации и даже угроза рецессии. После длительного и полного господства в экономическом дискурсе российских монетаристов начали подавать голос оппоненты, и раньше заяв-

лявшие о принципиальной порочности монетаристских рецептов. На недавнем экономическом форуме в г. Санкт-Петербурге Президент России В. Путин впервые предложил ряд экономических программ, выходящих за рамки традиционной монетаристской политики. Это дало повод некоторым обозревателям заявить о закате российского монетаризма. Один из них так и назвал свой обзор: «Монетаризм: рожден в Чикаго, похоронен в Петербурге». Автор, в частности, пишет: «В России немногочисленные, но агрессивные сторонники Чикаго из числа отечественных экономистов-образованцев (Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Кудрин, В. Мау, С. Гуриев, Е. Ясин и др.) заняли ведущие позиции в финансово-экономическом блоке и успешно вводили в заблуждение первых руководителей государства на протяжении 22 лет. Результаты монетаристской политики хорошо известны, уверен, каждому гражданину России: наша страна стала сырьевым и финансовым донором для США и стран золотого миллиарда... Не исключено, что 21 июня войдет в новейшую историю как день окончательного краха монетаризма в России. Недавняя серия жестких заявлений Президента России в адрес экономического блока правительства завершилась петербургским выступлением: Владимир Путин фактически отказался от монетаризма, который душил отечественную экономику более двадцати лет» [18].

С критикой «сектантского либерализма» выступил ряд представителей либерального крыла правящей партии Единая Россия (В. Плигин, В. Зубарев и В. Фадеев). Либералы-патриоты предлагают отказаться от доминирующей роли монетарной экономической политики, результатом которой, по их мнению, является деиндустриализация страны и усиление роли государства в экономике при сохранении в целом либерального курса в экономике и общественной жизни. Либералы-единороссы подвергли критике также упрощенные представления о постиндустриальном обществе как экономике без индустрии: «Идеалом постиндустриализма, по логике преобладающей доли “третьего сектора”, надо считать Каймановы острова и прочие офшоры, где экономика практически на 100 % сервисная: обслуживание финансовых потоков в этих странах составляет львиную ее долю» [19]. Говорить о закате монетаризма в России, однако, слишком рано. К тому же предлагаемые альтернативные рецепты типа «безинфляционной денежной эмиссии» также весьма спорны.

Либеральный фундаментализм, особенно в сфере денежной политики, пустил глубокие корни в среде российских элит. А вот о кризисе неоконсервативной идеологии и монетаристской политики в западных странах можно говорить как о свершившемся факте. Важно помнить, что монетаристы требовали минимального вмешательства в экономику со стороны правительств, призывали политиков предоставить максимальную свободу рыночным силам, а в итоге получили прямо противоположный результат: что-то вроде Госплана в лице центральных банков. Так же, как в СССР

отраслевые боссы шантажировали Госплан, требуя выделения дополнительных ресурсов, так и современные финансовые рынки шантажируют центральные банки, требуя все новой ликвидности, угрожая обрушить экономику.

Неоконсервативная революция, предоставив максимальную свободу «Его Величеству Капиталу», натолкнулась на барьеры, порождаемые самой природой капитала. Капитализм — система, построенная на трех базисных отношениях: частная собственность, конкуренция и предпринимательство (свободный выход на рынок). И все эти базисные социальные отношения, достигнув исторического максимума своего развития, столкнулись с проблемой своего стабильного воспроизводства. Именно поэтому многие современные аналитики считают нынешний кризис системным кризисом капитализма, убеждены в том, что методами денежно-кредитной, бюджетной и фискальной политики, которую упрямо практикуют все страны-лидеры, из кризиса не выйти.

Сейчас нет недостатка в сокрушительной критике идеологии и практики неоконсерватизма, неолиберализма, либертарианства. Однако критики часто забывают, что не все возможное действительно. Предложения по «улучшению капитализма» обычно выглядят как откровенные утопии. Капитализму предстоит эволюция в духе диалектики Г. Зиммеля (негативная диалектика). Капитализм как бытие, как «жизнь» вынужден будет сломать старые формы своего бытия, обретая новые, адекватные его изменившемуся содержанию. Прежде всего будут найдены новые формы воспроизводства капитала. Предприниматель может реализовать присвоенную прибавочную стоимость, только реализовав ее на рынке в денежной форме. В противном случае капитал не сможет воспроизводить себя в качестве стоимости. К сожалению, господствующий научный дискурс по этой фундаментальной для макросоциологии и макроэкономики проблеме крайне недиалектичен и недопустимо упрощает реальность. По сути, предполагается, что возникающая время от времени чрезмерная аккумуляция капитала, выходящая за пределы реальной емкости рынка, рано или поздно приводит к обесцениванию активов, восстановлению баланса спроса и предложения и машина капитализма запускается вновь. Это своего рода экономическая версия «теории вечного возвращения».

Конечно, большинство современных экономистов в отличие от К. Маркса считают, что в создании прибавочной стоимости участвует не только труд, но и другие факторы производства. Тем не менее капитализму неизбежно придется решать проблему полезной занятости миллионов работников, вытесняемых из производства техническим прогрессом (технологической безработицы). Оптимисты, как Эдмунд Фелпс, связывают свои надежды с переходом общества к новому технологическому укладу, верят в то, что «мусорный» капитал вроде деривативов сгорит в огне кри-

зиса, а новая промышленная революция прямо по Йозефу Шумпетеру создаст новые потребности, товары и рабочие места. Странники австрийской школы экономики уверены, что капитализм как социальная система сохраняет креативный потенциал и мир неизбежно перейдет от конкуренции на существующих рынках к конкуренции по созданию новых рынков.

Другие, как Дж. Стиглиц, считают самым опасным следствием экономического роста последних десятилетий, то есть следствием неоконсервативной революции, недопустимый рост социального неравенства, но полагают, что капитализм как социальная система не имеет принципиальных ограничений для решения этой фундаментальной проблемы. В этом плане весьма показательна последняя книга Дж. Стиглица, лауреата Нобелевской премии по экономике, бывшего главного экономиста Международного банка реконструкции и развития, профессора Колумбийского университета, «Цена неравенства» (2012). Дж. Стиглиц считает, что более справедливое распределение общественных благ позволит преодолеть кризис и восстановить воспроизводство капитала, что западные политические институты способны решить эту историческую задачу. Но все не так просто. В идеальной замкнутой экономике баланс равенства-неравенства устанавливается естественным путем, путем рыночной саморегуляции. Но как быть в ситуации, когда приходится конкурировать с молодыми, агрессивными капиталистическими экономистами, не обремененными ни моральными, ни социальными обязательствами? Так или иначе, оптимисты считают, что капитализм как социальная система не является принципиальным препятствием для поддержания баланса спроса и предложения, занятости и положительной мотивации к труду. Хотя критики слева с такой оценкой, конечно, не согласятся.

Неоконсервативная революция, раскрыв по максимуму могучий потенциал Атланта (Капитала), впервые за двухтысячелетнюю историю актуализировала также проблему люмпенизации уже не отдельных социальных групп, а всего общества. Нечто подобное уже имело место в истории. В Древнем Риме мелкие крестьянские хозяйства не выдерживали конкуренции с крупными латифундиями, основанными на дешевом труде рабов, и массово разорялись. Социальная технология «хлеба и зрелищ» для люмпенов не спасла Рим, и вся Европа опустилась в эпоху варварства. Не спасет подобная технология и современный кризис «Западный Рим». Возможно, выход из современного системного кризиса капитализма в том, что К. Маркс назвал «внутренним переделом» капитала. Для того чтобы выжить, капитал должен воспроизводить своего антагониста — наемный труд. Ситуация, когда доля труда в добавленной стоимости постоянно снижается (с 65 % — в 2000 г. до 50 % — в 2012 г.), не может продолжаться бесконечно, угрожает самому существованию капитала.

В целом неоконсерваторы стали жертвой организованного ими же разрушения государства. Помимо кризиса целеполагания и воспроизводства капитала, неоконсервативная революция совершенно по-новому высветлила проблему глобальной конкуренции и свободы рынка. Транснациональные монополии фактически полностью блокируют выход на рынки для новых игроков. Небольшие развивающиеся страны могут рассчитывать только на милость этих реальных хозяев мира, добровольно включившись в созданные ими глобальные производственные цепочки. Причем такую милость еще надо заслужить, желающих слишком много. Национальный суверенитет для большинства стран фактически становится фиктивным, а для стран, успешно вписавшихся в новое международное разделение труда, и бессмысленным. Это хорошо понимают лидеры стран Центральной Европы, безропотно соглашаясь на статус протектората новой европейской империи. Особое положение в современном мире занимают только страны, обладающие неотчуждаемыми конкурентными преимуществами (богатые сырьевыми ресурсами) типа Австралии, Канады, России. Глобальная конкуренция неизбежно вызовет к жизни новые международные институты для цивилизованного регулирования межстрановой и межрегиональной конкуренции или дело закончится, как и в прошлом, перманентными войнами за рынки и ресурсы. Многие эксперты не без основания считают, что происходящая сейчас балканизация Ближнего Востока — знак будущих глобальных конкурентных войн.

В заключение можно сделать следующие выводы. Критика «слева» неоконсервативной (неолиберальной) революции, как бы она ни была убедительной с моральной точки зрения, сколько бы она ни приводила примеров «локальных трагедий», не отвечает на принципиальный вопрос: а была ли историческая альтернатива? Если не брать в расчет всемирную социалистическую революцию, то исторической альтернативы попросту не было. Случилось то, что должно было случиться. То же можно утверждать и об идеологии неоконсервативного проекта. Безусловно, это была идеология рыночного фундаментализма и радикального индивидуализма, в основе которой лежали элементарная алчность капитала как такового и естественный человеческий эгоизм. В результате всех этих монетаристских игр активы господствующего класса пришлось спасать за счет рядовых налогоплательщиков, то есть за счет всего общества.

Попытки навязать обществу любую форму фундаменталистских идеологий и практик всегда приводят к нарушению балансов в социальной системе, в том числе нарушению баланса между рыночным и государственным регулированием. Тем не менее любая критика неоконсервативной идеологии должна помнить, что и индивидуализм, и коллективизм укоренены в естественной и амбивалентной природе человека, что либерализм — одна из четырех великих мировых идеологий. Неоконсерватизм стал своего рода «альтер-

эго» коммунистическому проекту и, можно сказать, одержал впечатляющую, но, скорее всего, неокончательную, победу. Эта победа, однако, оказалась пирровой. Вот как оценил эволюцию «неоконов» и возникшую в результате их деятельности новую реальность Пол Крейг Робертс — отец «рейганомии», влиятельный республиканец: в Америке, «которая существует сегодня, гораздо больше общего с нацистской Германией, чем с той Америкой, в которой я вырос. Молодые никакой разницы не знают. Но люди моего возраста осознают, что мы потеряли нашу страну. Америки больше нет» [20]. Возможно, это преувеличение, так сказать, старческая ностальгия, но ясно одно — Атлант оказался на коленях, и не известно, сможет ли он вновь расправить плечи. Авторитетные аналитики все чаще склоняются к мнению, что экономики ведущих западных стран стремительно утрачивают базисные, системные признаки классического рыночного хозяйства и не приобретает каких-либо новых системообразующих характеристик. Еще чаще они предупреждают, что мировая экономика находится в зоне очень опасной турбулентности. По данным Банка международных расчетов (BIS) в 2013 г. совокупный глобальный долг достиг 100 трлн долл. При том, что мировой ВВП составил примерно 75 трлн. Основную часть этого долга составляют обязательства всего семи развитых экономик мира — стран G7. За последние пять лет центральные банки закачали на финансовые рынки около семи трлн долларов, но желаемого экономического роста как не было, так и нет. О том, что потенциал монетарного стимулирования экономики исчерпан, напоминает уже не кто-нибудь, а влиятельный Банк международных расчетов, членами которого являются главы ЦБ ведущих экономик мира. Если финансовые рынки рухнут, не только Америка, но и многие западные страны надолго забудут о либеральном капитализме, о демократии и «обществе всеобщего благоденствия». Но самое неожиданное следствие неоконсервативной революции, которое явно не планировали ее инициаторы, состоит в том, что появилась реальная угроза глобальному доминированию Запада, что США и ЕС могут проиграть конкурентную борьбу за глобальные рынки. После Второй мировой войны и массовой демобилизации на Западе, когда все ждали экономического краха, У. Черчилль в связи с этим заметил: «Американцы всегда поступают правильно, — и после выразительной паузы продолжил: — после того, как исчерпают все прочие варианты». Остается надеяться, что и в этот раз американцы, в конце концов, поступят правильно. Хотя верить в благополучный исход нынешнего глобального кризиса все труднее. Вообще, читая комментарии о мировом кризисе самых авторитетных экономистов, не перестаешь удивляться. Практически все они жалуются: деньги не идут в реальный сектор экономики. И при этом столь же единодушно отказываются отвечать на вопрос: а почему? Ответить на этот вопрос — значит ступить на очень зыбкую почву идеологии, поскольку первичные причины современного глобального кризиса не

экономические, а социальные. Производительный труд вытесняется из производства, платежеспособный спрос падает, и для его восстановления требуется иная социальная и политическая система.

Библиографические ссылки

1. Письмо Людвиг фон Мизеса Айн Рэнд о романе «Атлант расправил плечи» // URL : <http://mises.org/etexts/misesatlas.pdf>. Дата обращения: 07.08.2013.
2. Гор Видал о философии Айн Рэнд // URL : <http://blogs.7iskusstv.com/?p=19038>. Дата обращения: 02.12.2012.
3. Цитаты из Айн Рэнд // URL : <http://greatwords.ru/author/236/>. Дата обращения: 03.06.2013.
4. «Эксвайр», Май 19, 2008 //URL : <http://www.esquire.com/features/gore-vidal-archive/comment-0761#ixzz2DaEazCb>. Дата обращения: 10.06.2013.
5. Бергланд Б. Либертарианство за один урок // URL: http://www.libertarium.ru/one_lesson. Дата обращения: 03.10.2013.
6. Кара-Мурза С. Пропаганда социал-дарвинизма. Россия навсегда. 15 марта 2013 г. // URL : <http://rossiyanavsegda.ru/read/777/>. Дата обращения: 15.03.2013.
7. Консенсус не достигнут // «Эксперт». 2013. № 25.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. Изд. 2-е.
9. Толкачев С. А. Призрак Гласса – Стигалла бродит по Америке. Ж. «Капитал страны» // URL : <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/176098>. Дата обращения: 03.10.2013.
10. Капитал для будущего: сбережения и инвестиции во взаимозависимом мире // URL : <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2013/05/16/developing-world-share-of-global-investment-to-triple-by-2030-says-new-world-bank-report>. Дата обращения: 15.07.2013.
11. Капитал для будущего: сбережения и инвестиции во взаимозависимом мире // URL : <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2013/05/16/developing-world-share-of-global-investment-to-triple-by-2030-says-new-world-bank-report>. Дата обращения: 15.07.2013.
12. История ВВП Китайской Народной Республики // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения : 07.08.2013.
13. Макроэкономические исследования//URL : <http://www.be5.biz/makroekonomika/index.html>. Дата обращения: 07.08.2013.
14. URL : <http://www.slate.fr/story/73957/monde-fragmentation-malheurs-chine>. Дата обращения: 10.08.2012.
15. URL : <http://finance.liga.net/economics/2012/8/28/articles/29482.htm>. Дата обращения: 28.08.2012.
16. Феллс Э. Смерть капитализма: корпоративное государство отмирает // URL : <http://biz.liga.net/ekonomika/all/stati/2121368-smert-kapitalizma-korporativnoe-gosudarstvo-otmiraet.htm#>. Дата обращения: 04.09.2013.
17. Валлерстайн И. Экономическое восстановление, которого не будет // URL : http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/ekonomicheskoe_vosstanovlenie_kotorogo_ne_budet. Дата обращения: 15.08.2013.

18. Скиданов Ю. Монетаризм: рожден в Чикаго, убит в Питере // URL : <http://www.pravda.ru/> 22.06.2013. Дата обращения: 07.08.2012.

19. Что важнее: верность либерализму или здравый смысл? Часть I. //URL : http://www.odnako.org/blogs/show_26833/. Дата обращения: 16.07.2013.

20. Пол Крейг Робертс: Очередной дутый отчет от правительства, которое лжет всегда // URL : <http://www.paulcraigroberts.org/2013/06/07/another-phony-jobs-report-from-a-government-that-lies-about-everything-paul-craig-roberts/>. Дата обращения: 07.06.2013.

1.4. СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОГО ДОЛГОВОГО И ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Финансовый кризис 2007 г. вызвал бурные теоретические споры среди самых авторитетных экономистов. Часто на страницах одного академического издания или на площадке научной конференции можно ознакомиться с прямо противоположными объяснениями причин кризиса и предложениями о путях выхода из затянувшейся экономической рецессии. Эти разногласия, возможно, свидетельствуют о кризисе экономической теории. Но скорее всего, западная экономическая наука просто избегает опасных тем. Непосредственной причиной мирового финансового и долгового кризиса, как это и утверждает большинство экспертов, действительно стало дерегулирование финансовых рынков и финансовых институтов. Это дало повод для многочисленных обвинений в адрес финансовой и политической элиты. Общественный дискурс по вопросу о причинах мирового финансового и долгового кризиса выхолащивается всякого рода моралистами и идеологами. СМИ и даже научная публицистика заполнены материалами, обличающими жадных банкиров и продажных политиков. Но особенно популярны различные «теории мирового заговора» и «управляемого кризиса».

Аргументы и выводы сторонников этих волюнтаристских концепций очень убедительны. Порой трудно возразить что-либо, например, авторам коллективной монографии «Политическое измерение мировых финансовых кризисов» (М., 2012) или авторам других подобных публикаций. «Большие частные деньги» действительно всегда играли то на понижение, то на повышение рыночной конъюнктуры, преследуя свои корыстные интересы и в обоих случаях извлекая финансовые и политические дивиденды. Особое моральное возмущение вызывает паразитизм финансовых кланов на ссудном проценте, долларовой монополии и эмиссионной ренте. Все это уже неоднократно повторялось в истории. Однако денежные и финансовые системы никогда не формировались только под монопольным давлением и на потребу лишь ростовщиков. Они всегда были следствием трудного, часто несправедливого компромисса основных участников рыночных и денеж-

ных отношений. Причем денежные и финансовые инновации, за редкими исключениями, не были волюнтаристскими проектами. Денежная и финансовая политика определялась логикой развития социальной и экономической системы обществ в конкретных исторических условиях. Социальные изменения вообще никогда не бывают полностью сбалансированы. Поймать в паруса ветер истории удел мудрейших (или, по Марксу, передовых классов), но даже они часто терпели исторические поражения. Деньги и финансы, пожалуй, самая сложная подсистема общества. Общество одновременно и целеустремленная, и эмерджентная система. Целеполагание всегда ограничено горизонтом времени, эмерджентными процессами, новыми непредсказуемыми, в принципе, изменениями. Исторически управление деньгами всегда было в той или иной степени экспериментально, но всегда приспособлялось к объективным историческим обстоятельствам. Может сложиться так, что все возможные решения окажутся худшими, ситуация финансового цугцванга. Кстати, финансовая игра посложнее шахматной. Поэтому научный анализ денежных систем и финансовых отношений должен исходить из методологических установок принципа историзма. Многочисленные сторонники нравственной оппозиции ссудным деньгам и сторонники теории «управляемого кризиса», за исключением последовательных марксистов, никогда не предлагают альтернативу и крайне упрощают вопрос о бенефициарах денежной системы. Бенефициаром денег всегда являлся господствующий класс в целом, а не только финансовые кланы. Не следует преувеличивать и роль внутриклассовых конфликтов в системе денежных и финансовых отношений. Исторически возрастающая роль финансовых внутриклассовых групп в экономической и социальной системе является не только следствием их упорной и часто аморальной борьбы за свои групповые интересы, но прежде всего следствием постоянного усложнения экономической системы общества, следствием объективного роста значимости финансового сектора. Коренные интересы внутриклассовых групп, по крайней мере крупной буржуазии, тесно переплетены и принципиально не противоречат друг другу. В этой классовой среде нет принципиально антагонистических отношений. Еще В. И. Ленин указывал на то, что слияние банковского капитала с промышленным является характерной особенностью развития новой стадии капитализма.

Именно на основе внутриклассовой кооперации укреплялись экономические, социальные и политические позиции финансового капитала и финансовой олигархии. Многие ведущие банковские корпорации владеют крупными пакетами акций промышленных компаний. Утрата или обесценивание этих активов создаст серьезную угрозу стабильности всей банковской системы. Основу современного капитализма составляют финансово-промышленные группы, так что термины «финансовый капитализм»,

«финансализация экономики» вовсе не означают войны промышленного и финансового капитала на взаимное уничтожение. Мы можем говорить лишь о смене лидера в тандеме промышленный — финансовый капитал, об опасной для существования самой капиталистической системы монополизации финансового сектора экономики. Вся система мирового капиталистического хозяйства становится слишком сложной, все большая часть ее энергии тратится на хеджирование растущих рисков, рынок производных финансовых инструментов достиг невообразимых ранее размеров и угрожающе навис над всей экономикой. Капитал все чаще уходит на финансовые рынки, в спекулятивные операции, потому что в условиях экономической рецессии не может найти применения в реальном секторе экономики. Современная финансовая система стала слишком большой и трудноуправляемой. Она создает все большую нагрузку на реальный сектор экономики. Но самое опасное в том, что финансовые спекуляции и нетрадиционная монетарная политика, то есть безудержная денежная эмиссия и запредельно низкие процентные ставки, дезориентируют инвесторов. Если цены на фондовых, товарных и сырьевых рынках формируются не столько реальным соотношением спроса и предложения, сколько биржевыми спекулянтами, то не ясно, какова реальная стоимость активов, куда вкладывать капитал.

Сейчас общим местом стали обвинения США и международных финансовых монополий в неокOLONIALИЗМЕ и гегемонизме. Однако исторически национальные и международные денежные и финансовые практики в конкретных исторических обстоятельствах всегда выстраивались так, что в той или иной степени учитывались интересы всех основных участников: государств, промышленного, торгового и финансового капитала и даже общества в целом. От финансового пузыря на рынке недвижимости, например, выиграли не только спекулянты, но и строительные компании, многие смежные отрасли экономики. Конечно, во время кризиса цены на реальные активы резко падают, но финансовая лихорадка оставляет после себя не только руины на фондовых рынках, но и обновленную инфраструктуру, новую жилую и коммерческую недвижимость. Под финансовыми (экономическими, рыночными, спекулятивными) пузырями обычно понимают ситуации, когда цены на различные активы определяются не реальным спросом и предложением, а искусственным стимулированием спроса, например спекулятивными биржевыми операциями. Можно сказать, что вся история капитализма — это история больших и малых рыночных пузырей. Но если пузыри на финансовых рынках оставляют после себя только разоренных инвесторов, то спекуляции на рынках реальных активов часто способствуют росту нового богатства. В начале 2000 г. лопнул пузырь на рынке IT-технологий, но одновременно была создана новая высокотехнологичная отрасль современной экономики.

Когда практикуемая денежная и валютная система перестает хотя бы в минимально необходимой степени соответствовать интересам основных участников, а у оппонентов действующей системы накапливается ресурс сопротивления, происходит перестройка национальных или международных финансов. Ясно, что Ямайская денежная система и последующее развитие международных финансов опасно укрепили международные финансовые монополии, долларовую монополию и мировое господство США, но именно достигнутое согласие и упорядочение международных финансов дали мощный импульс экономическому развитию многих стран, хотя были и пострадавшие, особенно в результате волонтаристской политики МВФ. Экономический взлет Китая был бы не возможен без открытых внешних рынков, то есть без международной расчетной системы на основе доллара. То же можно утверждать и об экономиках многих успешно развивающихся стран (Бразилии, Филиппин, Индонезии, Вьетнама и др.). Пользователи доллара платили и платят бенефициару эмиссионную ренту, но для многих развивающихся стран выгоды превышали издержки, да и выбора не было. К тому же за все надо платить и США вполне могут пострадать больше других стран в результате неизбежной перестройки международной валютной системы. Любая денежная и финансовая система рано или поздно изживает себя. Возможно, мировое сообщество находится накануне такого исторического события. Основная проблема ныне действующей международной валютной системы состоит в том, что доллар является национальной денежной единицей и в то же время выполняет функции мировой валюты. Но мировое сообщество и мировая экономика пока не готовы к решительным переменам в этой области международных отношений. Напротив, в условиях нынешнего кризиса доллар остается лучшим из худших защитных активов, поскольку хороших и вовсе нет.

Кризисы денежных и финансовых систем часто вызывались неэкономическими причинами: войны, революции, природные катастрофы, неспособность классовых групп к компромиссу, некомпетентность монетарных властей или даже непреодолимый эгоизм отдельных групп господствующего класса. Но в тех случаях, когда финансовый кризис имел глубокие корни в экономическом базисе, он всегда был предвестником надвигающейся грозной социальной болезни, часто с летальным исходом. Именно таким следует считать мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. Большая часть энергии поднявшейся волны критической научной и общественной экспертизы после крушения финансовых рынков была вполне справедливо направлена в сторону финансовых институтов. Занавес подняли, и люди увидели гудящие, как растревоженный улей, кабинеты «сильных мира сего». Стало понятно, что в 2007 г. мир стоял на пороге катастрофы, перед которой Великая депрессия могла показаться легкой прогулкой. Но вся эта аналитика, как

правило, обходила стороной то, что М. Вебер называл «адекватной причиной», то есть такие социальные факты, при исключении которых в логическом эксперименте данное событие не имело бы места. Между тем финансовый кризис был неизбежен при любой монетарной политике ФРС, с той лишь разницей, что жесткая монетарная политика, прямо противоположная той, которую выбрали финансовые власти, привела бы к дефляционному кризису и глубокому экономическому спаду значительно раньше. Это был выбор между инфляционной и дефляционной экономической политикой. Выбрали инфляционную политику, поскольку после Великой депрессии для экономиста нет страшнее черта, чем дефляция.

В возникшем новом дискурсе явно не хватало фундаментального экономического и особенно социологического анализа. Ярким примером может служить сомнительная логика политики «количественного смягчения». Председатель ФРС — один из инициаторов мягкой монетарной политики, проводимой сейчас центральными банками ведущих стран Б. Бернанке, — примерно так объясняет мотивы своих действий: беспрецедентная денежная эмиссия (сейчас это называется нетрадиционной монетарной политикой) необходима не только для расчистки балансов банковской системы, но прежде всего для восстановления атмосферы психологического оптимизма. Поскольку в условиях экономического спада новые деньги не могут найти применения в реальном секторе экономики, они уйдут на финансовые рынки. Это приведет к росту цен на различные активы (недвижимость, акции, облигации и т. п.). Многочисленные держатели активов почувствуют себя увереннее, богаче, соответственно будут меньше сберегать и больше тратить, что и требуется для выхода из кризиса, так как капитализм это экономика спроса. Иллюзия богатства, однако, в принципе, не может заменить реального богатства, по крайней мере надолго.

Психология ожиданий это всегда последнее, за что цепляются манипуляторы рынков. При этом в стороне от анализа остаются фундаментальные социальные процессы, являющиеся первичными причинами происходящих событий, такие как фундаментальные изменения в структуре и отношениях собственности, беспрецедентное углубление общественного разделения труда, изменения в классовых отношениях, декомпозиция основных факторов общественного производства и даже революция ценностной, смысловой сферы общественной жизни западных обществ. Разве можно было ожидать социально ответственного поведения от бесчисленных брокеров и трейдеров после многолетней промывки мозгов населения идеологией гедонизма и беспредельного индивидуализма. Проблемы современной экономики носят системный характер, и причины накопившихся дисбалансов выходят далеко за пределы собственно обычных кризисных экономических циклов и финансовых манипуляций. Финансовая и кредитная вакханалия предкри-

зисных лет, алчность финансовых манипуляторов – только видимая часть этого экономического айсберга. Подобные события исторического масштаба, как правило, связаны с глубинными социальными процессами и изменениями. Здесь недостаточно ссылок на цикличность рыночной экономики, например на циклы Н. Кондратьева, на так называемую «зиму Кондратьева», связанную с переходом экономики к новому технологическому укладу или вообще на какие-либо теории экономических циклов.

Современный глобальный финансовый и долговой кризис является следствием изменений в базисных основаниях социальной системы капиталистического общества, изменений во всех системообразующих элементах: технологическом укладе, отношениях собственности, конкуренции, предпринимательстве (роли капитала в общественном производстве). Из этих фундаментальных факторов прежде всего следует выделить научно-технический прогресс, который в аппроксимации вообще создает безлюдное производство, то есть уничтожает то, на чем собственно и строился проект общества «всеобщего благоденствия» – средний класс. «Нетрудно понять, что сама идея замещения труда капиталом лежит в основе капиталистического развития, неотделимого как от технологической революции, так и от идеи о том, что люди в принципе должны работать меньше и не так тяжело. То, что такой процесс является фундаментальным для сложившейся за последние двести лет экономической системы, мы можем понять исходя из простых данных о продолжительности рабочего времени и накопленного уровня капитального богатства» [1; 8]. В итоге все более растущая часть населения становится обузой для национальных экономик. Этот избыточный трудовой ресурс не может абсорбировать ни экономика услуг, ни экономика знаний. В США 37 % трудоспособного населения уже сейчас находятся за пределами официального рынка труда. Футурологи давно предсказывали приход «безлюдных технологий», но все опасные последствия «технологической безработицы» стали осознаваться лишь в последние годы.

Существует укорененный миф о том, что процветание мелкого и среднего бизнеса является благодатной почвой, на которой вырастает средний класс – эта социальная основа развитых обществ. Европейские бюрократы с гордостью напоминают, например, о 23 млн мелких и средних частных предприятий в странах ЕС, о двух третьих занятых на них экономически активного населения. На каждых выборах политики взывают к голосам этого среднего класса, замамливают его щедрыми обещаниями. На самом деле средний класс создавался на крупных индустриальных производствах, на рабочих местах, где производилась продукция с высокой добавленной стоимостью. Высокие доходы белых и синих воротничков крупного промышленного сектора в дальнейшем перераспределялись в потребительском секторе и становились основой для формирования среднего класса

экономики услуг. О ненормальности ситуации свидетельствует то, что почти все американцы считают себя средним классом. Пропаганда постоянно подчеркивает вклад малого бизнеса в ВВП. Но это в основном вклад сервисных услуг. Более того, большую часть этого вклада дают компании-«Газели», то есть малые предприятия быстро покидающие сектор и переходящие в сектор средних и крупных предприятий.

И вот теперь эта действительная экономическая основа традиционного среднего класса (производительные рабочие места) оказалась под угрозой.

С 1970-х гг. рост доходов домохозяйств среднего класса был по большей части связан не с ростом зарплат, а с тем, что в семьях прибавился еще один зарабатывающий. По оценкам аналитиков США потеряли значительно больше таких рабочих мест в результате технологической модернизации и роботизации, чем от аутсорсинга рабочих мест в развивающиеся страны. Некоторые футурологи вообще считают, что постиндустриализм – это пролог для перехода к «постчеловеческой» фазе развития земной цивилизации. До тех пор, пока новый средний класс экономики услуг не будет генерировать доход, обеспечивающий ему гарантированное сохранение социального статуса, его существование будет под вопросом. Возможно, когда «труд» робота-андроида станет дешевле труда молодого китайца, индустрия вернется в развитые страны. Но тогда по-иному встанет вопрос о распределении совокупного дохода в обществе, о налогах и вообще об отношениях собственности. А сейчас средний класс экономики услуг переведен на кредитное искусственное питание. Долги домохозяйств в США продолжают находиться на критически высоком уровне по отношению к располагаемым годовым доходам.

Здесь как раз и скрыта главная причина финансового и долгового кризиса. Высвобождающуюся рабочую силу надо было как-то трудоустроить, да к тому же при конкурентной заработной плате, чтобы не стимулировать и без того опасный уровень социального неравенства. Но крупное промышленное производство уже не генерировало достаточного совокупного дохода, который можно было бы перераспределить по потребительской цепочке с помощью соответствующей фискальной политики и при этом хотя бы сохранить на прежнем уровне платежеспособный конечный спрос. Доля занятой в индустриальном промышленном и аграрном производстве рабочей силы фантастически сократилась. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП в развитых странах к 2007 г. оказалась значительно ниже, чем у ряда развивающихся стран: США – 13,4 %, Франции – 12,5 %, Великобритании – 12,4 %, тогда как в ВВП Китая – 32,9 %, Таиланда – 35,6 %, Индонезии – 27,8 % [2].

Экономика и общество США, Британии и ряда других развитых стран оказались в трудном положении. Оставалось только жить в долг, поддерживать конечный спрос за счет все более доступного и все более дешевого

кредита. Повышение налогов на реальный сектор экономики в условиях открытых глобальных рынков означало снижение конкурентоспособности собственных экономик, что было недопустимо. Протекционистской защите национальных рынков категорически противились транснациональные корпорации, успевшие выстроить глубокие кооперационные цепочки поверх многочисленных национальных границ. Деиндустриализация национальных экономик некоторых ведущих стран зашла слишком далеко. Тем более что услужливое академическое сообщество долго скармливало политикам и обществу сказки о постиндустриальном обществе без индустрии. В результате погони за этой голубой постмодернистской мечтой экономики почти всех развитых государств оказались дефицитными.

Б. Обама, придя к власти, конечно, объявил новую реиндустриализацию, но это работа на десятилетия, да и вообще сомнительный рецепт. Ведь новая индустриализация будет проходить на новой технологической основе, а значит, не приведет к существенному росту производительных рабочих мест. Единственным доступным средством микширования надвигающегося системного экономического кризиса оказалась кредитная долговая накачка экономики. Денег этого было достаточно. Нефтедоллары и «профицитные» доллары из Азии исправно возвращались в западные страны, прежде всего в США и Британию, в обмен на казначейские облигации, да к тому же под низкие проценты. Оставалось только снизить требования регуляторов к деятельности финансовых компаний и финансовых рынков, что было и сделано. Это был исторический выбор, запустивший долговую машину. Западная экономика больше не располагала достаточными собственными ресурсами для сохранения и воспроизводства социальной структуры. Памятуя последствия Великой депрессии, правящий класс не решился повторить еще раз такую масштабную социальную вивисекцию. Кроме того, была и остается сейчас надежда на то, что финансовые проблемы удастся спустить на тормозах, постепенным делевериджем или выбраться из долговой ямы с помощью управляемой инфляции.

Другим важным фактором мирового финансового кризиса стала глобализация, обострившая конкуренцию на товарных рынках и породившая многие новые финансовые дисбалансы в мировой экономике. Конкуренция — одно из важнейших оснований, на которых построено здание капитализма. Но конкуренция особый тип социальных отношений: она не только созидает, но и разрушает. Поэтому периоды процветания в конкурентной экономике не могут длиться вечно. «Рост конкуренции понизил не только цены (положительный момент), но и прибыльность (отрицательный момент). В следующие 30–40 “бесславных лет” мировая экономика вступила в период длительного застоя (1970–2012). В это время был отмечен рост задолженности (практически всеобщей), рост безработицы

по всему миру и отказ почти всех инвесторов от фондового рынка в пользу более безопасного рынка облигаций, в первую очередь облигаций Казначейства США... И это привело нас к сегодняшней ситуации: невероятно поляризованный мир, значительное снижение реальных зарплат... и такое же падение государственных доходов. Один за другим долговые «кризисы» истощили один сегмент мирсистемы за другим. И в результате так называемый платежеспособный спрос уменьшается по всему миру, и именно это имеет в виду Соркин, когда говорит о том, что рынок не является больше привлекательным источником прибылей для накопления капитала» [3].

Весна глобализации дала жизнь горьким плодам торговых и платежных дефицитов и профицитов в конечном счете заложила бомбу под мировую финансовую систему. Мы уже являемся свидетелями начинающихся войн конкурентных девальваций валют. Пока финансовые власти ведущих стран успокаивают себя и общественное мнение заявлениями, что ничего экстраординарного не происходит и что они не допустят худшего. Развитые страны солидарно вкачивают эмиссионные деньги в мировую экономику, экспортируя инфляцию в развивающиеся страны. Япония, похоже, вообще решила утопить себя в деньгах. В соответствии с принятым планом «абэномики» планируется вливать в экономику по 600–700 млрд долл. в год. Рано или поздно развивающиеся страны и вообще пострадавшие от такой монетарной политики страны взбунтуются. Если, не дай бог, начнутся валютные войны, нынешняя пусть и очень несправедливая мировая денежная и финансовая система рухнет. А история напоминает, что все начинается с валютных войн, следующая стадия торговые войны и, наконец, просто войны.

Технологии создавались под одной юрисдикцией, а тиражирование товаров массового спроса под другой юрисдикцией. Вследствие этого глобализация воспроизводила избыток денег в одних экономических центрах и дефицит в других. Накапливались «беспризорные» деньги, мечущиеся по миру уже даже не в поисках прибыли, а в поисках защитных активов, стимулируя рост цен на сырьевые товары и рост инфляции издержек, что угнетающе действовало на экономический рост, занятость и социальные программы. Глобализация инициировалась крупным промышленным капиталом. Так же как финансовый капитал бежал от высоких налогов в офшоры, промышленный капитал, перегруженный социальными обязательствами, под давлением растущей конкуренции и в поисках дополнительной прибыли начал миграцию в развивающиеся страны. Наряду с техническим прогрессом это способствовало еще большему вымыванию производительного слоя в структуре занятого населения западных стран, росту государственных заимствований, бюджетных дефицитов и, соответственно, созданию дополнительных предпосылок нынешнего финансового и долгового кризиса. Транснациональные корпорации процветали, а многие традиционные трудоемкие от-

расли промышленности западных стран умирали, возникали сложные проблемы на рынке труда, усиливалась нагрузка на государственные финансы.

Поощрение трудовой миграции из второго и третьего мира в период экономического роста способствовало вытеснению из сферы неквалифицированного труда коренного населения, формированию своего рода трудового снобизма, а в последующем и массового иждивенчества. В Испании сейчас чуть ли не половина молодежи в возрасте до 25 лет безработные, и это при наличии свободных или временно занятых гастарбайтерами рабочих мест в сфере неквалифицированного или малоквалифицированного труда. Молодежь, однако, желает работать только менеджерами, дизайнерами и прочими стилистами-визажистами. Не имея такой возможности, они предпочитают сидеть на приличном и неограниченном по времени пособии по безработице. Государственные финансы, естественно, перегружены, государственные долги растут, что существенно ограничивает инвестиционные возможности государства, именно тогда, когда экономика больше всего нуждается в государственной поддержке.

Но наиболее существенные изменения в денежных практиках, в государственных и частных финансах были вызваны эволюцией базисных социальных отношений между трудом и капиталом в развитых странах, то есть переменами в расстановке классовых сил. В послевоенные годы интенсифицировался процесс классовой самоорганизации не только буржуазии, но и наемных работников. В эти годы рабочее движение находилось под сильным влиянием марксистской и в целом социалистической идеологии, марксистские партии входили в правительства многих стран Западной Европы. В США даже были предприняты специальные меры по предотвращению распространения марксистских идей (многие левые интеллектуалы стали жертвами маккартизма). Профсоюзные боссы в США не гнушались использовать мафию в борьбе с работодателями. Профсоюзы в послевоенные годы стремительно наращивали социальные мускулы и политическое влияние. При полной поддержке политиков-популистов левого толка, процветавших в условиях политической демократии, был нарушен разумный баланс в отношениях между трудом и капиталом, что сначала подтолкнуло процессы централизации капитала, а затем его миграцию в офшоры и в страны с дешевой рабочей силой. Капитал проголодал против демократии ногами, то есть деньгами.

Вначале рост заработной платы способствовал росту потребительского спроса и росту экономики. Однако после Великой стагфляции 1970-х гг. рост зарплат практически остановился, экономика не тянула и социальная политика для поддержания платежеспособного спроса постепенно начала переключаться на кредитные стимуляторы, что и привело в нулевые годы к острой кредитной наркомании. В некоторых странах Южной Европы, переживаю-

щих острый кризис, мы уже сейчас наблюдаем массовое сопротивление населения мерам бюджетной экономии на грани бунта. И это только цветочки, будут и ягодки. Может дойти очередь и до Франции, Британии и даже Германии. Глобальная конкуренция поставила под сомнение самый амбициозный социальный проект Запада – государство социального партнерства. Этот проект загнал западные страны в долговую яму, из которой пока не видно выхода. Трудно также представить, что приученное к социальным гарантиям и сытой жизни население легко смирится с резким падением уровня жизни, что дело обойдется без социальных и политических потрясений. Поскольку классовые отношения – это преимущественно отношения посредством денег и по поводу денег, то в условиях открытых глобальных рынков и под влиянием технологического прогресса эти отношения придется пересматривать. Экономика практически всех западных стран перегружена социальными обязательствами. В настоящее время, по словам А. Меркель, «на Европу приходится 7 % населения (мира) и 50 % социальных расходов». Чтобы выжить, европейцам самим придется стать немного китайцами.

На денежные и финансовые системы существенно повлияла декомпозиция двух основных факторов общественного производства – труда и капитала. Под влиянием научно-технического прогресса росла капиталоемкость общественного производства и, следовательно, росла доля совокупного дохода, приходящегося на капитал. В то время как доля наемного труда в совокупном доходе сокращалась. Но именно домохозяйства обеспечивают три четверти конечного потребительского спроса. Рост капиталоемкости производства подрывал доходную базу массового потребительского спроса, стимулировал рост социального неравенства. На одном классовом полюсе накапливался дефицит денег, на другом – избыток. За период с 1973 по 2008 г. денежный, или, как его часто называют, спекулятивный, капитал вырос с 20 до более чем 900 трлн долл. В то время как мировой ВВП за этот же период вырос с 3,9 до 65,6 трлн [4, с. 182]. Эта огромная масса денег и ценных бумаг, включая деривативы, как лавина, может в любое время обрушиться на мировую экономику, сметая все на своем пути. «Лишние» деньги, не найдя применения в потребительском и инвестиционном секторе экономики, уходили на финансовые рынки, раскручивая маховик финансовых спекуляций.

На формирование спекулятивной экономики, долгового и финансово-го кризиса существенно повлияла также социализация капитала. Выросла доля акционерного капитала, миллионы граждан стали владельцами акций компаний, облигаций и других ценных бумаг, участниками многочисленных паевых фондов. Самоорганизация свободных, особенно пенсионных и страховых, денег привела к формированию класса так называемых консервативных институциональных инвесторов (пенсионные фонды, стра-

ховые фонды и др.), вкладывавших свои деньги в основном в государственные облигации. Кризис суверенных, то есть государственных, долгов поставил многие из этих коллективных фондов на грань банкротства. Все это накладывало важные ограничения на финансовую политику. Правительства, например, не могли допустить банкротства частных пенсионных фондов, аккумулировавших пенсионные сбережения миллионов граждан. На финансовых рынках возникло новое явление, обозначенное характерным выражением «слишком большой, чтобы упасть». Речь идет о банках и финансовых компаниях, банкротство которых прямо угрожает социальной и политической стабильности. На пике финансового кризиса правительства спасали крупные финансовые компании не только потому, что были озабочены деньгами финансовых олигархов, но и потому, что кризис угрожал сбережениям миллионов рядовых граждан, в том числе пенсионным накоплениям. Финансовым властям приходилось выбирать меньшее из зол, по крайней мере, на тот период времени.

Управление финансами существенно изменилось в связи с революцией менеджеров, разделением капитала-собственности и капитала-функции. Капитал в оборот все чаще стали реально запускать менеджеры, а не собственники, они рисковали карьерой, но не собственными деньгами, в их интересах было склонить владельцев капитала к риску. Кабинеты финансовых компаний заполнили высоколобые математики, запутавшие управление финансами до такой степени, что собственники и члены правлений часто вынуждены были им полностью доверяться. Тем более что такие же математики получали нобелевские премии по экономике за работы, в которых с математической строгостью доказывали: ребята не беспокойтесь, на финансовых рынках все в порядке, финансовые и экономические кризисы вообще уходят в прошлое. Под фактический контроль финансовых менеджеров переходили и деньги рядовых граждан, аккумулированные в различных коллективных фондах.

Криминальная история банкиров-жуликов стара, так же как и история банков. Но в нулевые годы финансовое мошенничество достигло рекордных масштабов. Топ-менеджеры многих финансовых учреждений действовали как настоящие отпетые мошенники. Широкое распространение получили различного рода фальсификации, подделки отчетности, взятки аудиторам, бессмысленные поглощения. Падение морали стало актуальной темой общественного дискурса по проблеме корпоративной культуры. Новое поколение наемных руководителей-жуликов проявило себя во всей «красе» уже в начале нулевых годов. В 2001 г. разорилась самая успешная за всю корпоративную историю США энергетическая компания Enron. Оказалось, наемные топ-менеджеры регулярно фальсифицировали отчетность, завышая прибыль в стиле пресловутых советских приписок. В итоге компания обанкротилась, а многие ее акционеры разорились. Та же история повторилась с телекоммуникаци-

онной компанией WorldCom. Как выяснилось, руководство компании с 1999 по 2002 г. подделывало отчетность. В 2003 г. WorldCom вынужден был объявить себя банкротом. «Кризис 2008 года как будто вскрыл огромный нарыв на теле корпоративной Америки: оказалось, что десятки инвестиционных банков, строительных и финансовых компаний, страховщиков и девелоперов обманывали своих клиентов и друг друга. Большинство дел не дошли до суда, но расплачивались за грехи эффективных менеджеров акционеры — компании или разорялись, или платили многомиллионные штрафы» [5].

Свою долю в подготовке финансового кризиса внесли и новые IT- технологии. В настоящее время торговые роботы осуществляют большую часть финансовых операций на рынке ценных бумаг, что существенно повышает риски. Финансовые компании вкладывают миллиарды долларов только для того, чтобы ускорить электронные торговые сделки на несколько миллисекунд. Это возможно только в системе, где большие деньги делаются с бешеной скоростью, но и с огромными рисками.

Основой основ современного финансового кризиса является кризис платежеспособного спроса, порождающий долговой кризис. Помимо отмеченных факторов, падению платежеспособного спроса во многом способствовало старение населения. Все новомодные теории о светлом будущем «экономики серебряных волос» — очередной самообман. Старение населения принципиально меняет структуру потребительского спроса и даже структуру экономики. Старение населения неизбежно приводит к снижению потребительского спроса и, напротив, росту нагрузок на государственные бюджеты и социальные программы, приводит к сокращению производительного слоя населения и снижению качества человеческого капитала. Одной из важнейших причин фактической депопуляции населения в западных странах является кризис в системе «семья — работа». Два основных института общества — институт семьи и экономика — как бы блокируют друг друга. Рождаемость снижается из-за неприемлемого с точки зрения интересов общества и личности, навязанного выбора «либо семья — либо карьера», а снижение рождаемости приводит к снижению производительного потенциала общества и к перегрузке экономики непроизводительными расходами. А ведь впереди массовый выход на пенсию поколения «беби-бумеров».

Таким образом, к нынешнему кризисному состоянию денежных и финансовых систем привела целая цепочка взаимосвязанных объективных процессов в капиталистической экономике, связанных с фундаментальным противоречием капиталистической организации общества. К. Маркс определил это противоречие как противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения. В современной формулировке это базисное противоречие можно определить как несоответствие между постоянно растущей способностью общества к про-

изводству благ и отстающей или падающей потребительской способностью населения. Такая система не в состоянии поддерживать денежную и финансовую стабильность на достаточно долгий период времени, постоянно поддерживать растущий или хотя бы просто стабильный массовый потребительский спрос. Деньги постоянно и во многом стихийно мигрируют по различным рыночным площадкам, «омертвляются» в денежных активах либо вообще исчезают в неэффективных (невозвратных) инвестициях. Рыночная экономика располагает всеми необходимыми внутренними системами самонастройки. Финансовые и экономические кризисы как раз и являются такими системными механизмами саморегуляции. Однако масштабы опасных последствий с каждым таким кризисом нарастают и становятся неприемлемыми по социальным и политическим причинам. Это объективная реальность, она и создает проблемное поле для денежных и финансовых регуляторов, которым часто приходится выбирать, по их мнению, меньшее из зол. А поэтому любые действия политической и финансовой элиты в условиях системного кризиса всегда уязвимы для критики.

В конечном счете финансовые кризисы в любой экономике — рыночной или раздаточной (советской) — связаны с накоплением критической массы неэффективных инвестиций. Если несбалансированное распределение денег, угнетающее потребительский спрос, еще можно регулировать обычными методами кредитно-денежной и фискальной стимулирующей политики, то потерянные или замороженные в неэффективных инвестициях деньги уже не вернуть на рынок. Это безвозвратно потерянные ресурсы и труд. Есть гипотезы о том, что неэффективными оказались инвестиции в новую экономику знаний. В результате торговый баланс между фабриками товаров и фабриками знаний оказался не в пользу последних, что и привело к разбалансировке мировых финансов. Возможно, это тоже одна из причин мирового финансового кризиса. Деньги либо уходят с потребительского рынка в сферу финансовых спекуляций, либо омертвляются в неэффективных (невозвратных) инвестициях, либо превращаются в «беспризорный» капитал, который вообще непонятно кто контролирует. Участникам рынка и финансовым властям приходится постоянно лавировать, вести сложную игру по согласованию интересов.

Эта сложная динамика денежных и финансовых отношений воспроизводится с тех пор, как экономика перешла на стадию всеобщего товарного производства. М. Вебер как-то определил историю как постоянную борьбу социальных групп по определенным характерным для данной эпохи правилам. Социальная история денег является убедительным примером такой интерпретации исторического процесса. «Денежная игра», социальные конфликты по поводу денег рано или поздно завершались пусть и несправедливыми, вынужденными, но компромиссами, то есть признанными

основными участниками «денежной игры» общими правилами в области денежных и финансовых отношений.

Первая исторически знаковая победа частных денег была зафиксирована созданием частного национального Банка Англии (1694), а высшие достижения связаны с созданием ФРС как частного национального банка США (1913). Сейчас не представляется возможным оценить все последствия достигнутого доминирования частных денег, как и реальное распределение власти между политическими, промышленными и финансовыми элитами. Но ясно, что во время финансового кризиса 2007–2008 гг. большие финансовые компании спасали за счет рядовых налогоплательщиков, в расчете на то, что денежный капитал в лице крупных финансовых корпораций вытянет всех из кризиса, как Мюнхгаузен вытянул себя из болота за волосы.

Во время кредитного ажиотажа финансовые учреждения накопили массу рискованных долговых обязательств. Мировая экономика стояла на пороге глобальной финансовой катастрофы. Финансовые власти были вынуждены приступить к изъятию этих токсичных активов, скупке неликвидных ценных бумаг на балансы центральных банков. Эту политику критики обозначили как приватизацию прибыли и национализацию убытков. В результате опасно выросли государственные долги. И здесь неожиданно выявились новые проблемы, ставшие серьезным препятствием на пути стабилизации денежных и финансовых рынков. Оказалось, что рискованные эксперименты с денежными системами столь же опасны, как и объективные противоречия в экономике. Стало понятным, что денежные и социальные системы должны быть достаточно когерентны. Самым ярким примером нарушения этого фундаментального с точки зрения социологического понимания денег принципа является незавидная судьба евро — валюты стран еврозоны. Это пример социального конструирования, опасно опережающего эволюцию социальных процессов. Капитал, естественно, стремится к росту прибыли. Иначе он гибнет. Простейший путь достижения этой цели — расширение рынков и минимизация препятствий для торгового оборота. Форсированное введение евро инициировали крупные компании и банки стран лидеров ЕС. Свою лепту внесли политик-демагоги и различной масти идеалисты. Проект был изначально крайне политизирован, и трезвые критические голоса ряда авторитетных экономистов и финансистов никто не хотел слушать. Введение единой валюты для столь различных экономик, специфических этнических и культурных сообществ, к тому же с фиксированной за долгую историю национальной и культурной идентичностью, неизбежно стало очень рискованным социальным экспериментом. Единая валюта с необходимостью предполагает определенный уровень социальной солидарности, общественного согласия (лучше добровольного, чем принудительного) по поводу распределения благ в пределах данного экономического и политического сообщества, например согласия на безвоз-

межданные денежные трансферты дотационным регионам. В противном случае единая валюта может стать источником обострения социальных конфликтов как на национальном, так и на международном уровне, что собственно и происходит сейчас в еврозоне.

Предполагалось, что введение единой валюты будет способствовать выравниванию конкурентоспособности экономик стран, входящих в валютный союз. Но события развивались в прямо противоположном направлении. Южному легковесу предложили на равных, то есть по единым правилам, состязаться на экономическом ринге с нордическим монстром. Результат был предопределен. Северные компании успешно захватывали южные рынки, северные банки охотно кредитовали эту безжалостную экспансию. Южные страны были вынуждены перестраивать и упрощать отраслевую структуру собственных экономик. Производство товаров с высокой добавленной стоимостью концентрировалось на севере. На юге развивалась сервисная экономика. Догоняющее потребление финансировалось за счет внешних заимствований. Крупные германские банки, например, выделяли кредиты на льготных условиях, так как такие кредиты, хотя и не явно, были товарными, под закупку товаров тех же германских производителей. На все это накладывались культурные различия в трудовой этике, традиции семейственности и родства, ритмика повседневной жизни, коррупция и безответственность политического класса.

К тому же южные страны понесли значительные потери в результате обострения глобальной конкуренции. Финансовый кризис 2007–2008 гг. поставил такие страны, как Греция, Португалия, Ирландия, просто на колени. Стоимость заимствований на открытых рынках резко выросла, и ряд стран был вынужден обратиться за помощью ЕЦБ. Кризисные страны еврозоны оказались в экономическом тупике. В ответ на предоставление помощи Германия потребовала финансовой консолидации, то есть снижения бюджетных дефицитов, повышения налоговой дисциплины, снижения государственных расходов и т. п. Не имея возможности провести девальвацию собственной валюты (поскольку таковой просто не было), кризисные страны в целях повышения конкурентоспособности были вынуждены прибегнуть к так называемой внутренней девальвации. Что среди прочего означало снижение затрат на заработную плату, сокращение занятости, принуждение к более интенсивному труду. Политика экономии привела к снижению платежеспособного спроса и, соответственно, к экономической рецессии, что, в свою очередь, сократило налоговую базу и снова воспроизводило бюджетные дефициты. Целый ряд стран еврозоны оказался в ловушке: надо как-то выбираться из долговой ямы, экономить, но как при этом обеспечить экономический рост. По важнейшему в сложившейся кризисной ситуации вопросу — тратить или экономить — развернулись острейшие дискуссии, которые пока не дают результатов. Сто-

ронники финансовой стабилизации за счет жесткой экономии предпочитают традиционные методы борьбы с долговым и экономическим кризисом, даже если это связано с социальными и политическими рисками. Неокейнсианцы категорически с этим не согласны. По их глубокому убеждению, политика «затягивания поясов» в период кризиса губительна. Пресса иронично назвала первых «экономляне», а вторых — «кругманыне» — по имени их лидера лауреата Нобелевской премии по экономике (2008) Пола Кругмана. Причем экономические рецепты неокейнсианцев отличаются особой радикальностью. Даже обычно левый журнал *The New Republic* по этому поводу вынужден был заметить: «...“экономляне” заслуживают уважения: они хотя бы говорят о невкусной, но полезной овсянке на завтрак, тогда как “кругманыне” разговаривают только о сладком десерте» [6].

Весь этот спор напоминает спор лилипутийцев в романе Дж. Свифта о том, с какого конца разбивать яйцо. «Экономляне» верят в то, что старые проверенные рецепты борьбы с кризисом хотя и очень болезненны, но позволяют быстрее пережить трудные времена. Они призывают не забывать об уроках Великой стагфляции 1970-х гг., опасаются последствий искусственного стимулирования экономики. Градус этих яростных споров в СМИ зашкаливает, оппоненты обвиняют друг друга в профнепригодности и даже в корыстной заинтересованности. Но все это на публике и для саморекламы. В принципе, все эксперты предлагают одно и то же: лавировать между Сциллой мягкой монетарной политики и Харибдой политики «затягивания поясов». При этом почти все согласны, что в любое время может прилететь «черный лебедь», крайне редкое, непредсказуемое событие, после которого наступит катастрофа. Книга финансового гуру Нассима Талеба «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» продержалась семнадцать недель в списке бестселлеров «*New York Times*» и переведена на 27 языков. Вся структура мирового капитала покоится на шатком обеспечении — американских государственных облигациях. Если этот долг рухнет в результате роста доходности по облигациям, а это раньше или позже произойдет, проиграют все, рухнет все здание мировой финансовой пирамиды. Какие-то спекулянты (шортисты) успеют закрыть короткие позиции, но их прибыль будет несопоставима с размерами общих убытков.

Сейчас все эксперты призывают страны Южной Европы к реформам, однако это понятие слишком неопределенно. Обычно рекомендуют дерегулирование рынков, особенно рынка труда и ряд других законодательных реформ. Но подобных реформ явно недостаточно. Потребуется перестройка всей политической системы ЕС, переформатирование экономической географии стран еврозоны, основательные изменения в региональном разделении труда. Недостаточно создавать новые рабочие места в кризисных странах, даже если найдутся инвесторы, надо еще найти рынки сбыта для

продукции этих новых производств, и это при сжимающемся мировом потребительском и инвестиционном спросе. Желаящих уступить хотя бы часть своих внутренних рынков, тем более оплатить весь банкет, попросту нет. Германия всеми силами сопротивляется обобществлению долговых обязательств стран еврозоны через введение евробондов. От развала еврозону удерживает только страх перед экономическими, социальными и политическими последствиями. Даже если несколько более или менее благополучных стран еврозоны попытаются разогнать буксующий тяжеловесный состав евроэкономики, не факт, что у них хватит сил. А вот шансы на то, что, спасая утопающих соседей, Германия, например, может сама утонуть, высоки.

История валюты «евро» особенно убедительный пример рисков, порождаемых несогласованностью денежной и социальной системы. Это еще один важный социальный фактор нынешнего финансового кризиса. Экономика вообще лишь одна из подсистем общества (Т. Парсонс). Экономические и социальные последствия скороспелого решения, игнорирующего мнения весьма авторитетных экспертов, оказались крайне тяжелыми. Евро стало королем без королевства. Единая денежная система не может нормально функционировать без соответствующей политической надстройки, без той или иной формы государственности и солидарности. А создание такой политической надстройки, в свою очередь, предполагает наличие соответствующего исторического и социокультурного фундамента. Все предшествующие попытки создать подобные региональные валюты заканчивались неудачно именно по этой причине, единая валюта предполагает единый территориальный суверенитет, единый бюджет и налоговую политику. Подобные валютные союзы, если и создаются, живут до первого серьезного кризиса. Даже в СССР, гораздо более консолидированном союзе, чем какое-либо из возможных политических объединений стран еврозоны, в трудные времена и при первых признаках ослабления центральной власти между республиками и регионами начались затяжные споры на сакраментальную тему: «кто кого кормит». Важно также иметь в виду, что кризис денежной системы в СССР (так называемый «деревянный рубль») существенно подрывал общенациональную и гражданскую идентичность, что также стало одной из причин распада федеративного государства и введения в бывших республиках собственных валют. Экономическая теория предъявляет четкие требования к единой валютной территории, но выполнение этих требований в еврозоне по социальным, политическим и культурным причинам крайне затруднительно.

Под влиянием затяжной рецессии в Европе растет недовольство евроинтеграционной политикой. В Германии набирает силу партия «Альтернатива для Германии», которая требует выхода из еврозоны. «Слабейшим в евроклубе не место», — заявляют лидеры этой партии. Критические голо-

са нарастают и в других странах. Во Франции лидер правонационалистической партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен после президентских выборов 2012 г. заявила: «...сражение за Францию только началось», в том числе имея в виду противодействие процессам евроинтеграции и зависимости от международных финансовых организаций. За «Национальный фронт» проголосовали 20 % избирателей.

Такой авторитетный эксперт, как Ларс Кристенсен, основатель Saxo Bank, например, вообще считает, что только распад еврозоны поможет победить кризис в Европе: «Уберите евро, и через какое-то время вы получите отличное место для жизни на месте нынешних пожарищ. Но если вы верите в евро и готовы его защищать, дела будут идти все хуже». Он также считает, что европейская бюрократия будет до последнего защищать этот проект: «В ЕС появляется все больше и больше людей, которым нужна только власть, много власти. Уже сейчас часть важнейших решений принимается без всяких голосований, принимается людьми, которых никто не выбирал. Европа движется в очень плохом направлении, в направлении полутоталитарного общества. Это происходит под лозунгом «Больше ЕС, больше Единой Европы», которую надо защитить любой ценой... Это определенно не работает, но политики продолжают делать то, что не работает. У них один ответ на все: нужно делать больше. Они делают больше, но от этого всем становится хуже» [7].

Критически настроены к будущему валютного союза многие авторитетные экономисты. Нобелевский лауреат по экономике Эдмунд Фелпс (2006) в интервью телеканалу «Блумберг» так описывает ситуацию: «Мы продолжаем наблюдать за развитием европейского эксперимента. На мой взгляд, пока трудно сказать, будет ли он в итоге успешным. Никто не может гарантировать, что он не провалится. Кризис обнажил огромные прорехи в структуре еврозоны. Практически все страны в той или иной степени подвержены бегству капитала и оттокам валютных средств. Мы наблюдаем “бегство” банковских депозитов из одних стран еврозоны в другие. Мне трудно поверить, что в текущей ситуации есть страны, которые хотят прямо сейчас присоединиться к Евросоюзу и вступить в еврозону. Это все равно что сказать: “Посмотрите, какой красивый дом. Ну да, сейчас он горит. Но мы все равно должны купить его!”» [8].

Современная ситуация на мировых денежных и финансовых рынках формировалась в процессе длительного исторического соперничества государственных и частных финансов. Нынешний кризис своего рода подведение итогов одного из этапов этого сотрудничества-соперничества. В системе не должно быть бесплатных денег для государства. За деньги надо платить и платить Международному банковскому картелю. Только он может обеспечить денежную стабильность и эффективное управление финансами. В этом суть идеологии банковской элиты, которую она последо-

вательно исповедовала на протяжении последних столетий. По аналогии с известным выражением «война слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам» банкиры как бы заявляли: «Деньги слишком серьезное дело, чтобы доверять их политикам». В этом собственно и состоял смысл продолжавшегося столетиями конфликта между властными и финансовыми элитами, соперничества, в котором баланс противостоящих интересов и сил постоянно менялся, но при неизменном усилении экономических и политических позиций международного частного банковского капитала. И нельзя сказать, что «банкиры-душегубы» совсем уж не правы. Большие деньги слишком большой соблазн для власти и для политиков. Но это в равной степени касается и банковского сообщества. Следовательно, в идеале денежная и финансовая система должна обеспечивать взаимный социальный контроль со стороны основных классовых групп общества над денежными отношениями и вместе с тем не препятствовать инициативам финансового капитала — этой основы основ современного капитализма.

В стандартном циклическом кризисе мягкая денежная политика стимулирует деловую активность и потребительский спрос, а рост экономики позволяет стабилизировать финансы, возвратиться к нормальным процентным ставкам. Но нынешний кризис системный, и одними финансовыми манипуляциями здесь не обойтись. Деньги, конечно, кровь экономики, но одного переливания крови будет недостаточно. Сначала финансовые власти попали в ловушку падающего по объективным причинам потребительского спроса и были вынуждены запустить печатный денежный станок, затем оказались в классической ловушке ликвидности и, наконец, столкнулись с тем, что Нуриэль Рубини назвал «ловушка на выходе». Все прекрасно понимают, что поддерживать практически нулевые учетные ставки опасно, что рано или поздно надо прекратить скупку токсичных активов на балансы центральных банков, что такая финансовая политика разрушает нормальную работу рынков. Но выход из этой политики может оказаться еще опаснее, чем вход. Продолжение мягкой монетарной политики ведет к надуванию пузырей на рынках различных активов. Чем это может закончиться, показал финансовый кризис 2007—2008 гг. В то же время поднять учетные ставки и закрыть программы «количественного смягчения» — значит на корню убить даже весьма сомнительные ростки экономического роста. «Отказаться от политики нулевой процентной ставки и закрыть программу количественного ослабления будет очень сложно: чуть быстрее, и реальная экономика скатится в пропасть, чуть медленнее, и кругом начнут появляться пузыри, которые потом разрушат финансовую систему» [9].

Старые российские «проклятые» вопросы «кто виноват?», «что делать?», похоже, начинают овладевать умами интеллектуалов и на благополучном Западе. СМИ, документальный кинематограф заполнили разоблачительные

сюжеты. Оптимисты надеются проскочить между каплями дождя, признавая, что это будет трудно, но, в принципе, возможно. Моралисты во всем винят алчных банкиров и уже всех вычислили. Критически настроенные аналитики смотрят в корень: виноваты плохие деньги, ссудный процент и кредитная эмиссия на основе частичного покрытия. Но общество без ссудного процента, без кредитных денег это уже не капитализм. Тогда что? На этот вопрос не смог ответить даже К. Маркс. В современной капиталистической миросистеме накопилось слишком много дисбалансов. Для выхода из кризиса внутрисистемных ресурсов самонастройки уже не хватит. Придется запускать мотор экономики вручную, с помощью инструментов, которые сейчас туманно называются «нетрадиционной денежной и финансовой политикой». Глобализму придется отступить. Впереди мир, скорее всего, ждет регионализация мировых рынков, создание валютных зон, усиление протекционизма, валютные войны, глобальное соперничество за ресурсы и военные конфликты. Первыми признаками этого нового мира можно считать форсирование проекта евроатлантической региональной экономической зоны на основе объединения экономик Европы и Северной Америки. Г. Киссинджер с недавнего времени настойчиво предлагает инкорпорировать в этот переформатированный союз и Россию, завершив тем самым процесс глобального объединения Запада перед неизбежным противостоянием с другими региональными валютными и экономическими зонами, прежде всего с Юго-Восточной Азией.

Библиографические ссылки

1. *Рубини Н.* Ловушка на выходе // URL : [http:// www.forexpf.ru/ news/2013/05/19/aj1f-lovushka-na-vykhode.html](http://www.forexpf.ru/news/2013/05/19/aj1f-lovushka-na-vykhode.html). Дата обращения: 19.05.2013.
2. Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности в 2007 г. // URL : <http://expert.ru/expert/2011/34/ne-hvetaet-klassa/media/99854/>. Дата обращения: 07.07.2013.
3. *Валлерстайн И.* Экономическое восстановление, которого не будет // URL : http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/ekonomicheskoe_vosstanovlenie_kotorogo_ne_budet/. Дата обращения : 20.07.2013.
4. Цит. по: Политическое измерение мировых финансовых кризисов // Феноменология, теория, устранение. М. : Науч. эксперт, 2012.
5. Отпетые мошенники: как топ-менеджеры разоряют своих акционеров и компании // URL : <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=3432133>. Дата обращения: 09.08.2013.
6. *Кинсли Майкл.* Ошибочные нравоучения Пола Кругмана о политике жесткой экономии // The New Republic. 16. May. 2013.
7. *Кристенсен Ларс.* Интервью порталу «Финмаркет» // URL : [http:// www.finmarket.ru/z/ nws/hotnews.asp?id=3265491](http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=3265491). Дата обращения: 19.03.2013.
8. *Фелкс Э.* Евросоюз – это горящий дом, не лезьте в него! // URL : <http://www.vestifinance.ru/articles/27841>. Дата обращения: 23.05.2013.
9. *Гурова Т., Ивантер А.* Эти двое и экономический рост // Эксперт. 2013. № 26(857).

2 ДЕНЬГИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ДЕНЕГ

Цивилизация и деньги, денежное обращение развивались параллельно. Деньги являются универсальным условием социального обмена, платформой многих форм социальных отношений. Проникая во все сферы общественной жизни, деньги, однако, традиционно не рассматривались как социологическая категория. Положение стало меняться лишь в последние десятилетия. Стало понятно, что без учета «фактора денег» невозможен полноценный социологический анализ не только современного общества, но и научная интерпретация важнейших событий европейской и мировой истории. Были опубликованы первые специальные исследования, в рамках которых постепенно формируется предметная область новой дисциплины «социологии денег» (У. Бейкер, Н. Додд, Маргрит Кеннеди, Вивиан Зелизер, Дж. Арриги, М. Аглиетта, А. Орлеан, Б. Лиетар и др.)¹. Растет интерес к эмпирическим исследованиям социальных аспектов «проблемы денег», появились первые учебные курсы по социологии денег. Программы курсов обычно включают такие разделы, как социальные функции денег, деньги как социокультурный феномен, экономическая

¹ Лиетар Б. Душа денег. М., 2007; Бернар А. Л. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. М., 2007; Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием. М., 2006; Арриги Дж. Двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006; Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы. М., 2005; Кеннеди М. Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому. М., 2001; La Monnaie souveraine / М. Aglietta, А. Orléan (éds). Paris: Editions Odile Jacob, 1998; Додд Н. Социология денег: экономика, разум и современное общество (1994); Бейкер У., Джиммерсон Дж. Социология денег (1992).

социализация, типы потребительского поведения, деньги в системе ценностных ориентаций личности и др.

Поскольку предметная область социологии денег находится в стадии формирования, то многие ее методологические и теоретические проблемы еще только предстоит разработать. Деньги как социальный феномен выходят за рамки предметных границ традиционных общественных наук. Л. Н. Толстой определял деньги как худшую форму рабства. М. Вебер находился под глубоким впечатлением эмансипирующей роли денег. Оноре де Бальзак утверждал, что «деньги — это шестое чувство, позволяющее нам наслаждаться пятью остальными». К. Маркс присоединился к словам У. Ю. Гладстона о том, «что даже любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствование по поводу сущности денег». Такие взаимоисключающие оценки социальной роли денег объясняются амбивалентностью, противоречивостью социальных проявлений денег, своего рода сложной «диалектикой денег». Деньги объективируют себя как нечто между добром и злом, свободой и рабством, насилием и доверием, как феномен, не поддающийся строгим определениям. «Тайна денег» часто являлась причиной различных мистификаций и своего рода «денежных культов». Деньги становились главным «героем» многочисленных литературных сюжетов, занимали важное место в системе ценностей исторических обществ от Античности до наших дней. К. Маркс был одним из первых, кто в своем научном анализе вышел за пределы чисто экономического исследования феномена денег. К. Маркс обращал внимание на то, что по отношению к обществу деньги выполняют не только экономические функции, но и способствуют формированию особого типа социальных отношений, порождающих отчуждение и товарно-денежный фетишизм. Причем К. Маркс понимает денежный фетишизм как исторически универсальное явление. В «Капитале» К. Маркс цитирует Софокла (497–406 гг. до н. э.):

Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодеяния творить...

Софокл. «Антигона»

На ранних стадиях развития капитализма деньги и финансовые системы в целом еще не проявили себя во всей полноте социального и экономического потенциала и поэтому воспринимались марксистами как чистая функция-посредник, от которой можно и нужно избавиться в будущем без ущерба для экономики и общественного производства. К. Маркс воспринимал молодой промышленный капитализм как стареющее общество, достигшее критической стадии развития внутрисистемных противоречий.

Эта темпоральная ошибка проявила себя во всей полноте уже при первых попытках ортодоксальных марксистов построить «общество без денег» (политика военного коммунизма в Советской России). Стало ясно, что такое общество утопия, в которую, как это ни странно, верил один из величайших экономистов К. Маркс. Но одновременно в Советской России начался поиск новой модели денежного обращения и финансовой системы. Были ликвидированы кредитная эмиссия денег частными банками и частное присвоение ссудного процента. Советские банки превратились в обычные предприятия, выполняющие естественные посреднические функции по обслуживанию реального сектора экономики и торгового оборота. Советские деньги наделялись новым социальным содержанием. Уникальные практики советской денежной и финансовой системы еще будут востребованы. Тем более что современная западная экономическая наука оказалась в глубоком концептуальном кризисе перед лицом нынешнего глобального финансового и экономического кризиса именно по причине упрямого отказа признать деньги не только экономической, но и социальной категорией. В ноябре 2012 г. ряд экспертов Международного валютного фонда выступил с предложением поднять ставку банковского резервирования до 100 %, то есть покусились на святая святых: кредитную эмиссию денег частными банками как основу могущества современной финансовой олигархии. Конечно, это лишь мнение отдельных экспертов МВФ, но еще совсем недавно подобные предложения со стороны официальных лиц, представляющих влиятельный международный финансовый институт, были бы просто невозможны и воспринимались бы как коммунистическая ересь.

К. Маркс лишь наметил перспективы социологического анализа денег. В целом, однако, оценивая деньги как чисто дисфункциональное явление, ортодоксальные марксисты понимали деньги как абсолютное зло. В противоположную крайность в той или иной степени впадали социологи культурологического направления. В отличие от К. Маркса, Г. Зиммель анализировал деньги как особую форму культуры. Кстати, подобной точки зрения придерживаются многие западные социологи, изучающие превращение социальных отношений в инструментальную рациональность. Современные социологи делают акцент на символической и коммуникативной роли денег. Сущность денег как социального феномена, по мнению Н. Лумана и Ю. Хабермаса, заключается в выполнении ими функций механизма коммуникации, они способствуют расширению горизонта деятельности в социальных системах. Похожие суждения относительно вопроса денег и свободы встречаются также в работах Т. Парсонса. Ю. Хабермас, изучая превращение социальных отношений в инструментальную рациональность, указывает на то, что в современных обществах экспансия денег приводит к реификации общественных отношений. Люди и вещи начина-

ют цениться в зависимости не от их собственных свойств, а от их денежной стоимости.

Г. Зиммель не отрицал анализа К. Маркса, но делал акцент на анализе денег как чистой формы социальности («социации»), освобождающей индивида от жесткого контроля традиционных институтов, открывающей новые горизонты формального равенства, платой за которое становится всеобщее «проституирование» общественных отношений. По этому поводу М. Вебер не без иронии отметил: «...священная книга современного общества — книга бухгалтерского учета. Бог — деньги». В целом, однако, ни марксистская социология, ни культурологический анализ денег в работах Г. Зиммеля и М. Вебера не вышли за рамки количественной и инструментальной концепции денег, сформировавшейся в классической политической экономии XIX в. Экономическая теория исходила из товарного происхождения денег, деньги всего лишь временно замещают товары, служат мерой стоимости и средством товарного обращения. Значительным шагом в разработке социологической теории денег стали исследования М. Аглиетта, А. Орлеана, а еще ранее К. Поланьи. Характерной особенностью этих исследований стало существенное обогащение социологической и культурологической базы научного анализа денег. В новейших исследованиях деньги уже не рассматриваются как простой эпифеномен процесса разделения труда и товарного обмена, не объявляются результатом чисто рационального выбора членов общества.

Любое теоретизирование по поводу денег предполагает концептуализацию понятий «обмен» и «отношения обмена». Деньги и обмен парные категории. Вызывает удивление сложившаяся ситуация, когда экономические и социологические теории обмена сосуществуют параллельно, практически не соприкасаясь. Скорее всего, это объясняется сложностью и недостаточной формализованностью социологических моделей для их применения в экономической теории. Однако упрощенные модели обменных отношений, применяемые в экономической теории и экономических теориях денег, сталкиваются с принципиальными теоретическими проблемами при объяснении реальных процессов функционирования денег и денежных систем.

Неоклассические теории отношений обмена, столь популярные среди экономистов, постулируют институционально организованные формы обмена в товарных обществах как изначально заданные. Исторически наличные институциональные формы обмена в современных обществах понимаются как онтологически первичные, вневременные социальные формы. При этом реальные отношения обмена в теоретических моделях максимально упрощаются в целях более удобной работы по экономическому анализу и прогнозированию. М. Аглиетта выделяет три базовые гипотезы, на основе

которых строятся теории рационального обмена между суверенными субъектами: гипотеза номенклатуры, постулат о стабильности и суверенности системы предпочтений и принцип убывающей полезности. Гипотеза номенклатуры, сформулированная Карло Бенетти и Жаном Картелье, предполагает возможным описание совокупности благ (товаров) еще до обоснования возможности такого описания в конкретных обществах и до процедур конкретных обменных отношений. Социальный мир представляется в виде большого супермаркета с готовой номенклатурой предложений и покупателями с готовыми стандартными предпочтениями. Обменные отношения в этом случае, естественно, легко предсказуемы, их можно столь же легко просчитать и спрогнозировать. В современных потребительских обществах отношения обмена действительно стандартизованы, и экономические теории рационального обмена предоставляют привлекательные модели описания таких социальных отношений. Но они не отвечают на вопросы: как возникли эти стандартизованные номенклатуры благ, почему они признаны социальной системой в качестве стандарта, например потребительского стандарта среднего класса? Что может случиться, если система не сможет обеспечить привычную номенклатуру благ или под влиянием иррациональных стимулов суверенные субъекты начнут хаотично менять свои предпочтения в обменных операциях? Как вообще возникают новые потребности и новые рынки? Критикуя подобную фетишизацию номенклатуры благ, М. Аглиетта и А. Орлеан справедливо замечают: «Трудно представить себе такую нелепость, ведущую к самым серьезным последствиям: гипотеза номенклатуры далеко не безобидна, она неизбежно приводит к неполноценному анализу обмена. Ее изначальная хитрость — и ее внутренняя граница — состоит в том, что анализ потребительской стоимости выносится за пределы теоретического поля, чтобы рассматривать стоимость только как естественную характеристику, которая свойственна предметам и может быть описана независимо от какого-либо учета общественных отношений обмена. В свете этой гипотезы мир предметов — это нечто вроде “резервуара полезности”, который уже имеется в наличии и который свободно доступен для удовлетворения потребностей людей и необходимых в связи с этим сделок» [1, с. 24].

Весьма уязвима для социологической критики и вторая основная гипотеза теории рационального обмена: постулат о стабильности и суверенности системы предпочтений. Эта гипотеза наделяет агентов, вступающих в отношения обмена intersубъективными мотивациями, стабильно скоррелированными с заданной номенклатурой благ. Предполагается, что участники обмена изначально наделены множеством общих для них ориентиров, благодаря которым они смогут взаимно координировать свои действия. Поэтому отношения обмена рациональны, бесконфликтны, стабильны, поскольку участники обмена с самого начала помещены

в структурированный номенклатурой благ социальный мир. Участники вообще могут обойтись без денег. Достаточно доверительных расписок или просто «честного слова». «Неоклассический индивид, пресловутый homo economicus, определяется, следовательно, с самого начала в рамках такого отношения к предметам, которое является устойчивым и подчиненным ему. Здесь нет никаких блужданий, никакой неопределенности, никакого соревнования с другими. Индивид суверенен и автономен в том смысле, что он полностью господствует над законом своего желания. Он — существо транспарентное, и его абсолютное самообладание выражается в наличии комплекса устойчивых предпочтений, который определяется исключительно в терминах количеств потребляемых товаров без какого-либо упоминания других субъектов и их собственного потребительского выбора. Homo economicus не чувствует никакой зависти; в нем нет никакой жажды социального признания: “полнота”... субъекта выражается в его полном безразличии к другим. Для него важно только уединенное потребление товаров. Никакие другие узы не привязывают его к обществу» [1, с. 25].

Но, пожалуй, наиболее спорной является третья гипотеза теории рационального выбора: принцип убывающей предельной полезности. Гипотеза предполагает наличие у индивидов естественной способности к самоограничению. В советской социологии в таких случаях употребляли термин «разумные потребности». Коммунистический проект исключал какое-либо принудительное ограничение «растущих материальных потребностей», но предполагалось, что высокие духовные потребности личности естественным образом ограничат потребительский фетишизм. Сам термин «потребительское общество» в советской социологии употреблялся как символ социальной и культурной деградации. Предполагалось, что разумное ограничение материальных потребностей будет компенсироваться неограниченным ростом потребностей духовных. Сторонники теории рационального выбора также были вынуждены включить в свою модель «принцип самоограничения». Конечно, социальный мир, основанный на добровольной аскезе, выглядит как утопия, но история знает многочисленные примеры массового аскетического поведения, например популярные сейчас на западе движения «аутсайдеров» и «опрошенцев». Подобные социальные эксперименты, однако, выходят за пределы отношений обмена в товарных обществах. Предполагать, что насыщение материальных потребностей сделает отношения обмена простыми и рациональными, достаточно рискованно. Гипотеза построена на характерной идеализации природы человека: «делает из homo economicus существо расчетливое и мудрое, существо разумное в своей основе, осуждающее излишества в чем бы то ни было: ему абсолютно чужда бесконечность желания. Речь идет о том, что называется принципом убывающей предельной полезности, который по-

стулирует, что желание потреблять исчерпывается по мере того, как растет потребленное количество. Отсюда понятно, что не так-то легко заключить деньги в подобные аналитические рамки. К тому же этот принцип говорит нам, что отношение homo economicus к товарам не нарушается каким бы то ни было фетишизмом: он всегда готов отказаться от потребления какого угодно блага X, как только ему предлагают благо Y со сравнимыми характеристиками. Нельзя представить себе более спокойной, без всякого невроза, связи с предметами. Предметы служат разумным и умеренным потребностям. Очевидно, что тот, кто принимает всерьез homo economicus, должен видеть в нем не современного человека, погруженного в конкурентную борьбу, живущего с чувством неуверенности в других, а продукт очень высокой цивилизации, человека, предавшегося настоящей аскезе, благодаря которой он окончательно освободился от страсти по отношению к другим. Как всегда и в противовес своим собственным претензиям, неоклассическая экономическая теория никоим образом не является объективным описанием мира. Она конструирует будущий мир, пришествие которого она старается ускорить собственным анализом. Эта утопия легко узнается как утопия торжествующего индивидуализма. Отношения между людьми, источник подчинения и принуждения, из нее полностью уходят, уступая место исключительно отношениям к предметам в пространстве формальной свободы и бесконечной технической гонки. Товарный фетишизм доводится здесь до своего пароксизма» [1, с. 25–26].

Понятно, что данная гипотеза слишком упрощает реальное взаимодействие людей в социальных группах. Но главное в том, что она ошибочно постулирует результат, который может быть лишь достигнут в некоторых социальных группах в процессе социального конструирования, как исходную онтологическую предпосылку любых отношений социального обмена. В целом классические и неоклассические экономические теории обмена не позволяют построить удовлетворительную с научной точки зрения модель реальных отношений обмена, а следовательно, и концептуально приемлемую теорию денег. Именно поэтому экономисты обычно избегают вопросов о происхождении или тем более о «сущности» денег. Деньги как электричество: мы не знаем природу электромагнитных сил, но прекрасно ими пользуемся. Принципиально иной, по сути социологический подход к исследованию денег и отношений обмена предлагают известные французские экономисты М. Аглиетта и А. Орлеан: «В нашей теоретической конструкции незавершенность денег является следствием принудительного (насильственного) характера товарных отношений, который всегда сохраняется. Возникновение всеми признанных денег означает не устранение насилия, а его внешнее закрепление, экстерниоризацию в посредническом принципе, суверенитете» [1, с. 36].

М. Аглиетта и А. Орлеан настойчиво повторяют, что исходить из теории рационального выбора, предполагающей наличие неких абстрактных независимых и суверенных субъектов, значит заведомо обрекать себя на полное непонимание социальной природы денег. Более того, саму автономию участников отношений обмена, их суверенность надо не постулировать, а объяснять процессами институционализации общественных отношений, понимать в том числе как следствие монетизации общества. Основная трудность в придании деньгам теоретического статуса, по мнению М. Аглиетта и А. Орлеана, проистекает из ограниченного понимания субъекта экономической деятельности, так называемого «*homo economicus*», некоего идеального рационального индивида или группы индивидов. Действительно, в трудах многих антропологов и социологов (К. Маркс, К. Леви-Стросс, З. Фрейд и др.) убедительно доказано, что такого субъекта в реальности нет. Модель «*homo economicus*» — пример некорректного применения метода абстрагирования, нарушения принципа диалектики абстрактного и конкретного. При этом независимо от того, исходим ли мы из теории полезности или трудовой теории стоимости, получается, что обмен и деньги являются результатом стоимости, существующей еще до разделения труда, конкретного процесса труда и обмена. Участники экономических отношений существуют как бы изначально, до всяких процессов социализации и социальных отношений. Именно такое упрощенное понимание социальных отношений лежало в основе монетаризма Чикагской школы и соответствующих монетаристских практик неолибералов. Денежный обмен в данном случае не является следствием социализации, а понимается как инструмент уже предсуществующих товарных отношений.

В концепции М. Аглиетта и А. Орлеана деньги не являются «надстройкой», инструментом, обслуживающим обмен между абстрактными экономическими субъектами. «Наш исходный пункт прямо противоположен позиции сторонников чистой экономики. Последние исходят из понятия экономического субъекта, вводимого для того, чтобы сделать рынок независимым от какой-либо социальной детерминации, никак не связанной с логикой, которую интериоризирует субъект. Для этих миссионеров экономического либерализма в голове каждого индивидуального субъекта всегда находится все общество в целом! Для нас же, напротив, никакой экономики не может быть вне сети институтов. Деньги — это первый из институтов» [1, с. 18].

М. Аглиетта и А. Орлеан решительно отказываются от различных версий гипотезы об идеализированном рациональном экономическом субъекте, как и от порожденных этой гипотезой различных теорий денег. Иначе просто невозможно объяснить многие дисфункциональные явления в сфере денежного обращения и денежных отношений: ажиотажные пани-

ки на финансовых рынках, фондовые спекуляции, финансовые пузыри и т. п. В конечном счете первичные формы обменных отношений неизбежно проходят стадии институционализации, в результате которых формируются денежные системы. Оригинальность подхода М. Аглиетта и А. Орлеана состоит в исследовании институционализации денег как процесса, основанного на конфликте интересов, результатом которого, однако, является потенциал согласия. В основу авторской концепции взята теория социальных институтов Рене Жирара: «Институт есть продукт насилия, которое возрастает, сосредоточиваясь на одном и том же объекте, что имеет неожиданным последствием трансформацию данного объекта в посредника, способного регулировать конфликты» [1, с. 17].

М. Аглиетта и А. Орлеан четко артикулируют исходные онтологические предпосылки концептуализации феномена денег и видят такие предпосылки в амбивалентной природе человека и социальных отношений. «Гипотеза Рене Жирара имеет решающее значение для понимания природы человеческих институтов (в том числе института денег. — *А. Л.*) и логики их функционирования. Согласно этой гипотезе происхождение институтов связано с неистовством человеческого желания, а их нормализующее влияние на него — с внешним характером по отношению к напору желаний, которые сталкиваются и мешают друг другу. Как любопытна амбивалентность человеческих институтов!»...но «именно она дает ключ к пониманию денег. Именно она несет в себе то, что отличает логику институтов от чистого межсубъектного соперничества, — суверенитет. Нельзя понять посредническую роль институтов, не пролив свет на тайну суверенитета и его атрибутов» [1, с. 18]

Традиционные теории денег, включая марксистскую концепцию, неявно исходят из предпосылки, что всякому обмену предшествует готовая структура — стоимость, измеряемая в затратах времени абстрактного труда или предполагающая априори способность индивидов к рациональному выбору из готовой номенклатуры потребительских стоимостей, способность ранжирования предметного мира по принципу полезности. Из таких абстрактных постулатов, в принципе, невозможно вывести институт денег, как и вообще любой социальный институт. Суть в том, что не абстрактные экономические субъекты порождают деньги, а, напротив, «через посредство денег субъекты поддерживают отношения с чем-то иным, чем они сами, — социальным, выступающим в качестве института» [1, с. 21–22].

В концепции М. Аглиетта и А. Орлеана теоретическое определение денег возможно только в случае, если обмен понимается как процесс, в ходе которого происходит социализация участников отношений обмена. Кстати, одним из результатов такой социализации являются и современные денежные типы личности и потребительские стандарты. Этот процесс зара-

нее не предполагает наличия социальной субстанции в виде абстрактной стоимости или абстрактных индивидов, вступающих в симметричные отношения обмена с уже готовыми системами предпочтений. Распространенные экономические теории обмена и денег рисуют мир, в котором социальные связи уже прочно установлены. Номенклатура товаров известна и удовлетворяет всех участников обмена, все из них удовлетворены предложением и не стремятся к чему-то новому, не желают ничего, что выходит за пределы привычного образа жизни, и все участники (продавцы и покупатели) готовы рационально удовлетворять предсказуемые потребности и интересы друг друга. Это мир, в котором господствует маркетинг.

Задача объяснения того, как возникает такое согласие между обменивающимися лицами (пресловутое рыночное равновесие), вообще не ставится, как и вопрос о социальной природе стоимости: стоимость естественное свойство товаров, а деньги — всего лишь весы для измерения стоимости. С этой точки зрения балансы всех обменных отношений обеспечены совпадением естественной структуры спроса и предложения. Однако все реальные рыночные практики свидетельствуют: при отсутствии соответствующих институтов режим *laisser-faire* не действует, по крайней мере достаточно длительное время, без соответствующих регулирующих институтов социальный баланс обменных отношений не достижим. Либеральная модель отношений обмена принципиально индивидуалистична, все участники отношений обмена суверенны и не связаны между собой, а баланс отношений формируется спонтанно. Такая модель отношений обмена применима лишь к периодически возникающим стационарным состояниям, когда правила обмена не оспариваются участниками. «Но она совершенно не применима, когда ставится задача понять логику обмена. В частности, в этой схеме нет никакой необходимости в существовании денег. Чему они могли бы служить в мире, где отношения между обменивающимися лицами полностью определяются принципом стоимости? Самое большее — облегчать сделки, как только определены отношения обмена. Отсюда понятно, почему... теория общего равновесия, составляющая главный элемент современной экономической теории, рассматривает экономику без денег! Ход рассуждения, столь ценимый неовальрасианцами и состоящий в том, чтобы ввести деньги *ex post* как нечто облегчающее товарооборот (когда отношения обмена уже определены), доказывает глубокое непонимание ими феномена денег» [1, с. 27].

Доминирующие в современной экономической теории концепции обмена исходят из факта предсуществования товарного общества и не ставят вопрос о генезисе товарных отношений и роли денег в этом историческом процессе. Вообще вопрос о товарных отношениях и деньгах похож на вопрос о том, что первично: курица или яйцо. На самом деле первичен

процесс общественного разделения труда. В процессе разделения труда конституируются обменные отношения и деньги, которые, в свою очередь, являются необходимым условием углубления общественного разделения труда, даже если речь идет о самых примитивных формах денежных отношений. М. Аглиетта и А. Орлеан представляют методологическую альтернативу таким образом: «Следует рассуждать совсем иначе: нельзя рассматривать обмен, неявно предполагая, что товарное общество уже сформировано. Следует порвать с теорией ценности и заменить ее анализом денег как процесса, благодаря которому товарные общества структурируются и приходят к устойчивому состоянию. Говоря схематично, экономисты привыкли рассматривать цену исходя из стоимости, в то время как ее основание нам надо искать в деньгах. “Стоимость versus деньги” — такова, на наш взгляд, основная теоретическая альтернатива» [1, с. 27].

Неверно представлять историческую картину так, как будто деньги появляются в ответ на запрос участников товарных отношений. Напротив, именно институционализация первичных форм натурального обмена, то есть «производство денег», формирует такие базовые социальные роли, как «продавец» и «покупатель», создает социальное пространство, которое мы привычно обозначаем термином «рынок» и приписываем этому социальному пространству мистические свойства самоорганизации безотносительно ко всей системе общественных отношений. Таковую иллюзию создает наличие «готовых» развитых форм рыночных отношений, в которых деньги часто выступают лишь в качестве инструмента обмена. В действительности эти товарные отношения сами являются следствием монетизации социального взаимодействия в сфере производства материальных благ и услуг. «Иначе говоря, то, что неоклассическая теория выдвигает в качестве постулатов, есть как раз то, что истинная теория товарного обмена должна раскрыть. Все эти обменивающиеся лица — безразличные друг к другу, с упорядоченными желаниями, находящие полное удовлетворение в имеющихся товарах — составляют вопрос, а не ответ! Надо думать именно о возможности возникновения подобной социальной конфигурации, в то время как экономисты-ортодоксы поступают наоборот: они предполагают, что такая ситуация уже сложилась, и затем доказывают, что — в данных условиях — экономика стремится к социально эффективному равновесию. Но разве могло бы быть иначе, если все было сделано (постулировано), чтобы так и было?» [1, с. 28].

В исследовательском проекте, который предлагают М. Аглиетта и А. Орлеан, методологические ориентиры прямо противоположны: процесс возникновения, производства и распространения денег признается имманентным по отношению к процессу формирования товарного общества. «Чтобы решить эту задачу, надо отказаться от идеи стоимости (ценно-

сти) и исходить из самого обмена и содержащегося в нем насилия. Именно это сделал Маркс в первом томе «Капитала»» [1, с. 29].

В своем оригинальном исследовании М. Аглиетта и А. Орлеан, по существу, продолжают марксистскую традицию анализа «диалектики капитала», рассматривая феномен денег как диалектический процесс саморазвития денежных отношений. Вместе с тем концептуализация феномена денег и денежных отношений осуществляется ими на основе стандартных категорий социологической теории: социальная связь, социальные действия, социальные отношения, социальные институты, суверенитет, социализация. «Нет денег без доверия» — в концепции авторов это означает, что деньги являются следствием определенного типа социального взаимодействия. Даже золото, по их мнению, было фидуциарными деньгами. «Доверие проистекает из разных источников, которые мы определяем следующим образом: повседневная практика, бдительность регулирующих властей, а также проект общества, предлагаемый гражданам. Мы различаем, следовательно, три формы доверия: методическую, иерархическую и этическую. Центральная роль, принадлежащая здесь социальным представлениям и моральной связи, доказывает, что чистой экономики не существует. Невозможно противопоставлять политику и экономическую рациональность» [1, с.11].

Авторы рассматривают историю денег как становление «самоориентирующейся конвенции» и символизации денежных единиц. Доверие к деньгам обеспечивается их договорной (конвенциональной) природой и ей же подрывается. Любая денежная система колеблется между двумя полюсами: централизацией и фракционированием, государственными и частными деньгами, универсализацией и производством множественных денег. Деньги амбивалентны и всегда сохраняют потенциал насилия. Именно поэтому конечная цель денежной политики состоит в поддержании общественного доверия к деньгам, денежным системам и денежным отношениям, поскольку деньги должны способствовать поддержанию социальной сплоченности.

Баланс насилия и доверия в процессе легитимизации денег всегда хрупок и может быть легко нарушен, например во время финансовых кризисов. Деньги в таких постоянно повторяющихся ситуациях убегают от самих себя, прячутся в защитных товарных активах, иногда под отрицательный процент. Именно это мы собственнo и наблюдаем в ходе нынешнего финансово-экономического кризиса. Трудно даже представить, что случится, если рухнет доверие к единственной, по сути, мировой валюте — доллару. Поскольку деньги всегда ограничивают частные интересы, они являются источником постоянных конфликтов на всех уровнях социальных и международных отношений. В понимании М. Аглиетта и А. Орлеана деньги — это всегда социальный процесс, принципиально неравновесная система,

которая постоянно продуцирует колебания от состояния относительно социального согласия до острых и даже глобальных социальных конфликтов. «Деньги — не только и даже не столько экономическое благо. Они в определенном смысле отражают общество в целом. Поэтому можно говорить, что их законность основана на суверенитете. Но очень часто комментаторы и граждане видят в деньгах только звонкую монету и банкноты, пригодные для операций купли-продажи. Они не понимают, что за этой благопристойной внешностью скрываются силы, способные перемолоть и индивидов, и нации» [1, с. 11].

М. Аглиетта и А. Орлеан полагают, что исходной точкой анализа денег должно стать элементарное общественное отношение, содержащее собственный закон (противоречие), являющееся источником развития. Таким отношением является товар, понимаемый как общественное отношение, как противоречивое единство потребительной и меновой стоимости, как сложное, противоречивое переплетение процессов социального взаимодействия. Только такой, то есть социологический, подход позволяет выйти за рамки традиционной количественной теории денег, для которой социальные отношения вторичны или несущественны. Насилие и доверие — универсальные атрибуты любой социальной системы. Это особенно ярко проявляется на примере социальной истории денег. К. Маркс ошибался, когда полагал, что социальное насилие может быть устранено путем обобществления производительных сил и под влиянием технического прогресса. Тем не менее марксистский подход к анализу денежных отношений до сих пор представляет научный интерес.

Анализ стоимости К. Маркс начинает с исследования элементарного отношения обмена, простой или случайной формой стоимости: «Тайна всякой формы стоимости заключена в этой простой форме стоимости. Ее анализ и представляет поэтому главную трудность» [2, с. 58]. Когда X товара A стоит Y товара B , «...первый товар играет активную, второй пассивную роль. Стоимость первого товара представлена как относительная стоимость или он находится в относительной форме стоимости. Второй товар функционирует как эквивалент, или находится в эквивалентной форме. Относительная форма стоимости и эквивалентная форма — это соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключающие или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением стоимости ставятся в отношение друг к другу... Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга... Находится ли данный товар в относительной форме стоимости или в противо-

положной ей эквивалентной форме — это зависит исключительно от его места в данном выражении стоимости, т. е. от того, является ли он товаром, стоимость которого выражается, или же товаром, в котором выражается стоимость» [2, с. 58–59].

Как видно, уже в элементарном отношении обмена возникает конфликт по поводу определения эквивалента, каждая из сторон стремится занять активную позицию относительной формы стоимости. «Это соперничество двух обменивающихся лиц в определении эквивалента может быть разрешено лишь благодаря наличию особого посредника — денег... Таким образом, обмен может быть лишь тройным отношением, ибо он должен постоянно “изгонять” насилие, подтверждая вновь и вновь легитимность опосредствующего этот обмен института» [1, с. 29]. Выходит, что в товарном обществе деньги и товар конституируют друг друга. Углубление разделения труда, дифференциация интересов и возрастающая в связи с этим асимметричность социального пространства отношений обмена создают конфликтную ситуацию, которая и является имманентным источником развития исторических форм обмена, ситуацию, требующую снятия противоречий в «ином», в том, что не является агентом отношений обмена, но что должно их включить в «снятом» виде. Этим третьим участником, нормирующим обменные отношения, содержащим в себе обе стороны противоречия, обеспечивающим «единство и борьбу противоположностей» в системе разделения труда и обмена, являются деньги как базисный институт общества. Важно иметь в виду, что деньги «снимают», но не ликвидируют противоречий обменных отношений.

Сейчас никто из теоретиков-экономистов не отрицает институциональной природы денег. Но для понимания феномена денег этого недостаточно. Оригинальность подхода М. Аглиетта и А. Орлеана в том, что они не ставят вопрос в стиле, что первично — «структуры или действия», не ограничиваются анализом функционирования денежной экономики, а ориентированы на исследование процесса превращения экономики натурального обмена в денежную экономику. Деньги (структура) и обмен (действие) не существуют по отдельности. Они воспроизводят друг друга в сложном взаимодействии принуждения и согласия, насилия и доверия. Деньги не являются завершённым институтом. Денежные отношения это всегда процесс: «Деньги — даже в рамках совершенно зрелых экономик — должны постоянно доказывать свою легитимность, подтверждая лежащее в их основе доверие и борясь с беспрестанным появлением эмбриональных денег, ставящих под вопрос их монополию. Иначе говоря, деньги развиваются не из какого-то удаленного во времени начала, данного раз и навсегда, о котором бесполезно говорить, если мы интересуемся современным функционированием товарных экономик» [1, с. 32].

При всех методологических и теоретических достоинствах социологическая концепция денег французских экономистов, однако, не выходит за рамки нормативной теории денег. Между тем, как будет показано ниже, деньги не только нормативная реальность, но и реальный актив. Кроме того, деньги оказывают влияние не только на отношения обмена, но и на другие фундаментальные характеристики социальных систем: социальное пространство, социальное время, мораль и культуру, на все виды социальных отношений. Исследование М. Аглиетта и А. Орлеана стало важным достижением на пути предметного самоопределения социологии денег, поскольку деньги рассматриваются прежде всего как социальный институт. Институционализация денег представлена как непрерывный процесс воспроизводства сменяющих друг друга исторических форм денежных отношений, процесс, в котором задействованы все важнейшие социальные взаимодействия, отношения и институты общества.

Понимание денег как социальных отношений, далеко выходящих за пределы их собственно экономического бытия, открывает новые перспективы в исследовании социальной природы денег и социальной роли финансовых институтов. К сожалению, термин «социальные отношения» сплошь и рядом употребляется без определений как очевидный. В связи с этим возникает ощущение неудовлетворенности, недоговоренности. О чем собственно идет речь? Являются ли деньги всего лишь институтом, закрепляющим некие важные для социальной системы отношения, то есть средством, а не целью или содержанием (платформой по определению Я. Щепаньского) этих отношений. Как соотносится инструментальная и нормативная трактовка денег с очевидными фактами, когда деньги являются не инструментом нормативной регуляции операций обмена и распределения товаров, а целью в качестве ресурса богатства и влияния? Сторонники популярной в последнее время нормативной (конвенциональной) концепции денег акцентируют внимание на процессах легитимизации «денежной игры», социальной множественности денег. Однако вне поля зрения оказываются вопросы о том, в чьих интересах (путем насилия или добровольного принятия) устанавливаются правила денежных практик. Неявно предполагается, что в интересах всего общества (принцип суверенитета), так как все граждане заинтересованы в надежных гарантиях, закрепляющих их права на результаты своего прошлого, настоящего и будущего труда. Как государство призвано обеспечивать безопасность всех, так и деньги, основанные на общественном доверии, обеспеченном принципом суверенитета, гарантируют права всех граждан и одновременно принуждают их к исполнению социальных обязательств. При этом не ясно, на чем основывается легитимность денег, их признание обществом в качестве института защиты интересов всех. Ведь это доверие может быть

результатом манипуляций в интересах господствующего класса, а финансовая система может быть откровенно несправедливой. Почему все достаточно развитые общества постоянно сталкиваются с кризисом доверия к институту денег, обычно сопровождающимся социальными потрясениями, классовыми конфликтами, крушением государств, революциями.

Другим популярным направлением социологических исследований, помимо анализа денег как социального феномена, стали исследования денежных систем, анализ социальных последствий господства денежного капитала и проникновения денег в социальные сферы, традиционно находившиеся вне пределов их влияния. Практикуемые денежные системы постоянно подвергались критике на протяжении тысячелетий. Оппоненты ставили под сомнение не столько сам институт денег, сколько денежные системы, основанные на монополии денежной эмиссии и ссудном проценте на денежный капитал. История обществ полна многочисленными попытками избавиться от первородного греха денежных отношений — ссудного процента. Даже в наше время во многих мусульманских странах широко применяется беспроцентный кредит (исламский банкинг). Критика ссудного процента всегда была убедительна не только с моральной точки зрения, но и справедливо указывала на негативные, часто разрушительные экономические последствия безудержного ростовщичества. Еще недавно казалось, что карикатурные образы алчных средневековых ростовщиков ушли в прошлое. Но последний глобальный финансовый кризис показал, что ростовщичество живет и здравствует. Ростовщичество просто приобрело респектабельность, скрывается за дверями шикарных офисов, уютно расположилось во властных кабинетах. Если средневековые ростовщики разоряли непутевых аристократов и воинственных королей, то современные «банкстеры» умудрились загнать в долговую яму всю западную экономику. Не менее актуальной проблемой на протяжении всей истории денег была также проблема денежных монополий. Многочисленные локальные сообщества, местные общины постоянно предпринимали попытки создания собственных местных денег в целях стимулирования местного производства и торговли.

Как показал Б. Лиетар, поиски «идеальных денег», денежных систем, способных обеспечить процветание и более справедливое распределение благ, восходят к древним временам. Современные деньги, основанные на кредитной эмиссии и ссудном проценте, получили всеобщее распространение сравнительно недавно, в XVII в. Предполагается, что ссудный процент стимулирует конкуренцию, экономический рост и социально-позитивную мотивацию. Этот тип денег стал настолько привычным, что трудно представить возможной какую-либо другую общественную форму. Между тем история свидетельствует, что существовало много денежных

систем, альтернативных нынешним необеспеченным и кредитным деньгам. Оппоненты концепции денег с демереджем (отрицательным процентом) справедливо указывают, что все практики применения таких денег были локальными, направленными на решение местных хозяйственных и социальных проблем и никогда не являлись реальной альтернативой основной национальной или глобальной денежной системе. Однако Бернар Лиетар обнаружил, по крайней мере, два исключения: «Мы жили с идеей получения дохода от процентов на деньги веками, так что даже намерение платить за деньги звучит странно для современного обозревателя. Однако такая система существовала несколько веков, по меньшей мере в двух цивилизациях, и привела к прекрасным экономическим и социальным результатам». В эпоху династического Египта и центральный период европейского Средневековья (X–XIII вв.) отрицательные деньги существовали параллельно с обычными деньгами и играли важную роль в макроэкономике». Б. Лиетар назвал этот союз дуэтом денег Инь и Ян. Он обратил внимание на то, что «валюты, которые не подвержены инфляции, но имеют плату за хранение, представляют собой необычный интерес, потому что они рожают совершенно иные модели коллективного поведения, порожденного (иными. — А. Л.) деньгами, чем те, с которыми мы знакомы сегодня» [3, с. 10]. В частности, они стимулируют сотрудничество, повышают возможности роста жизненного уровня рядовых членов общества и, не допуская неприемлемой концентрации денег в одних руках, сглаживают социальную напряженность.

Возможно, величайшим реформатором в истории человечества был пресловутый библейский персонаж — Иосиф, проданный ревнивыми братьями за двадцать сребреников измаильтянам, которые привезли его в Египет. Ловкий молодой человек сделал блестящую карьеру, предложив фараону, по сути, новую денежную систему, которую сейчас принято называть деньги с демереджем. «В случае с Египтом единицами такой валюты (валюта Инь. — А. Л.) были грубые осколки глиняной посуды, называемые «острака» (ostraka). По сути, эти осколки были расписками за депозиты, сделанные фермерами на местных складах: фермер сдавал зерно и получал «остраку». В германских землях в Средние века это были «брактеаты» (bracteaten), тонкие серебряные пластинки, которые выводились из обращения и заменялись новыми каждый год. В обеих цивилизациях эта была ломкая, «временная» валюта — но фермер мог прожить большую часть своей жизни, вообще не встречаясь с какой-либо другой. Лишь сравнительно редко, при покупке или продаже земли, выплате приданого или выкупа, пользовались запасами валюты Ян. А письменные исторические свидетельства сообщают исключительно о таких операциях, потому что только в этих необычных «важных» ситуациях иногда составлялись документы»

[3, с. 10]. Иосиф изобрел египетскую денежную систему, связанную с системой хранения продуктов, которая прекрасно работала в течение длительного времени, стимулируя денежное обращение, торговлю и производство.

Похожие денежные практики Б. Лиетар обнаружил и в средневековой Европе: «...в 930 году н. э. английский король Этельстан установил, что каждый небольшой город должен иметь свой собственный монетный двор! В контексте этой традиции местных лордов растущий доход благодаря “Renovatio Monetae” (буквально “возобновление чеканки”, а я буду использовать слова “новая чеканка” как синоним) был установлен повсюду. Например, в 973 году Эдгар полностью изменил чеканку английского пени. Едва ли не шесть лет спустя молодой король Этельред II начал чеканку новой монеты. Он повторял это с тех пор через примерно равные интервалы. Главной мотивацией было то, что королевские казначеи давали только три новые монеты за четыре старых, что было эквивалентно налогу в 25 % каждые шесть лет на любой капитал, содержащийся в монетах, или примерно 0,35 % в месяц. Таким образом, новая чеканка была грубой формой платы за хранение. Важно также понимать, что пока существовал связанный со временем налог за хранение, не было снижения стоимости самой валюты. Содержание драгоценных металлов в сменяющихся валютах было постоянным, и применялось суровое наказание, если чеканящий монеты допускал примеси или делал их слишком легкими» [3, с. 9].

Б. Лиетар обнаружил, что денежные практики с налогом за хранение денег совпали с периодами необычного экономического процветания как в Древнем Египте, так и в средневековой Европе. Вообще интерес к подобным экспериментальным денежным системам никогда не угасал. А в наше время идея денег с демереджем стала особенно популярной среди диссидентствующих интеллектуалов. Их библией стала книга Маргрит Кеннеди «Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому» (1993). Для социологии денег исследования Б. Лиетара интересны тем, что на основе исторического материала была продемонстрирована тесная связь между типами денежных систем и коллективными формами социального поведения. Процентные деньги и деньги с демереджем имеют различную социальную природу, ориентированы на различные социальные мотивации и экономические функции. Конечно, в условиях современной экономики исключительное использование таких денег может быть только ограниченным, например в качестве параллельных местных денег, и такие деньги могут «работать» исключительно как общественные, но не как частные деньги. «Банкстеры» и здесь учуяли возможность наживы: уже обсуждаются планы (Япония) перехода на электронные деньги с отрицательным процентом к 2014 г. и величиной демереджа в 4 %. Перед угрозой финансового Армагеддона мировое сообщество все

более осознает опасности, вытекающие из господства монопольных и ничем не обеспеченных денег. Яростные споры неокейнсианцев и монетаристов зашли в тупик. Безумная закачка денег в систему в рамках неокейнсианской политики уже загнала мировую экономику в ловушку ликвидности, с другой стороны, призывы монетаристов вернуться к золотому денежному стандарту не более чем утопия. В любом случае поиск альтернатив будет связан с новым пониманием социальной природы денег, с поиском новых денежных систем. Б. Лиетар сформулировал и предпринял попытку исторического обоснования гипотезы о влиянии денежных систем на поведение людей и социальные системы. Эта гипотеза, конечно, нуждается в дальнейших проверках, но она является значительным этапом в формировании предметной области социологии денег.

В настоящее время социологический интерес по вопросу денег сместился в сторону исследований социальных последствий господства финансового капитала, исторических исследований денежных систем и фактической множественности денежных практик (С. Гезелль, К. Поланьи, С. Московичи, Б. Лиетар, М. Аглиетта, В. Зелизер и др.). Здесь следует выделить прежде всего теорию «свободных денег» Сильвио Гезелля и теорию «множественных денег» Вивиан Зелизер. Теория С. Гезелля опиралась на многочисленные, хотя и локальные, практики использования беспроцентных денег и даже денег с отрицательным процентом. По мнению некоторых историков экономики, теория С. Гезелля не менее, если не более, революционна, чем экономическая теория К. Маркса. По этому поводу Дж. М. Кейнс выразился вполне определенно: «Я убежден, что будущее научится больше у Гезелля, чем у Маркса». Возможно, именно поэтому теория денег С. Гезелля долгое время подвергалась всеобщему замалчиванию в официальной социологической и экономической науке.

С. Гезелль в работе 1929 г. «Теория свободной экономики» также рассматривал деньги прежде всего через их экономические функции, но указывал на самодостаточность функций денег в качестве средства обмена, утверждая, что деньги не могут быть одновременно средством обмена и сбережения. Если, по К. Марксу, системный порок капитализма в несправедливом распределении прибавочной стоимости и в деньгах как абстрактной форме выражения и присвоения стоимости, то у С. Гезелля «зло» — в кредитной природе денег, а возвращение деньгам их естественных функций предполагает ликвидацию процентных денег. Радикальные марксисты не видели другого выхода из противоречий социальной системы капитализма, кроме уничтожения денег как таковых. С. Гезелль, напротив, предлагает систему «здоровых денег», способную преодолеть пороки денежного фетишизма. В финансовой системе, которую предлагает С. Гезелль, невозможно «делать деньги из денег». А именно этот «великий соблазн», по мнению многих аналитиков,

стал основной причиной всех предыдущих экономических кризисов, в том числе и нынешнего глобального системного кризиса современного финансового капитализма. Концепция С. Гезелля и его последователей указывает на кредитные деньги и ссудный процент как основную причину денежного фетишизма и циклических кризисов и, что особенно важно, связывает общественную форму денег и финансовых систем с типами мотиваций коллективного и индивидуального поведения.

Теоретически существует множество денежных систем, альтернативных современным необеспеченным и кредитным деньгам, но трудно представить замену «старых денег», так сказать, мирным путем, без глобальной финансовой катастрофы. «Своеобразие темы, однако, заключается в том, что все модели свободных денег изначально создавались не в качестве альтернативы глобальной финансовой системе, а как локальная инициатива, способная облегчить жизнь мелкой общине, поселку, городу, самое большое — области или графству. Существует даже синоним для обозначения разновидностей Freigeld Сильвио Гезелля — *community currencies*, местные валюты. Идея же полной замены национальных валют свободными деньгами возникла гораздо позже — в период окончательного отлета денежной фантазии от реальности товаров и услуг (в начале 80-х гг. прошлого века)» [4]. В любом случае тема денежных инноваций будет все более актуальной в теоретической экономике и социологической теории. Вообще удивительно, что имя человека (С. Гезелля), которого Дж. М. Кейнс ставил выше самого К. Маркса, столь долго замалчивалось в научной среде и в СМИ. Конечно, автор труда «Естественный экономический порядок» (1906) был экономистом-любителем, но ведь анализ противоречий денежной системы, основанной на кредитной эмиссии и ссудном проценте, представленный С. Гезеллем, сохраняет научную ценность до наших дней. В 1933 г. один из ведущих специалистов в области теории денежного обращения и кредита Ирвинг Фишер по этому поводу писал: «Медицина многим обязана неподготовленным умам, по крайней мере, умам, неподготовленным в медицине. Даже Пастер, будучи профессиональным ученым, не был доктором, а ларингоскоп усовершенствовал, многие утверждают — даже изобрел, — видный испанский певец Мануэль Гарсиа. Недавно скончавшийся Сильвио Гезелль был немецким предпринимателем и квазиэкономистом. Он жил в Аргентине и многие свои работы писал по-испански. В 1890 г., находясь в Аргентине, Гезелль предложил заменить деньги “марочными сертификатами”, теми самыми, что сегодня получили столь широкое распространение в нашей стране» [4].

Во времена Великой депрессии различные версии «свободных денег» широко применялись в Австрии, Швейцарии, Германии, США. При этом часто достигались впечатляющие результаты: сокращалась безработица, возрастала экономическая активность, местная торговля, ликвидировался

дефицит денег. Но распространение подобных денежных практик угрожало монополии центральных банков на денежную эмиссию, и местные инициативы решительно пресекались, несмотря на положительные результаты. Идея «новых денег» С. Гезелля была чрезвычайно проста и легко применима на практике. «Новые деньги» не обесценивались в инфляции, а просто в той или иной форме облагались налогом в зависимости от срока, на который они выводились из оборота. Копить деньги становилось невыгодным, деньги охотно возвращались в реальный сектор экономики, что стимулировало производство и торговлю, то есть решалась задача, которую сейчас никак не могут решить нынешние финансовые регуляторы ведущих экономик мира. Масса эмиссионных денег, созданных центральными банками, упрямо не желает направляться в реальный сектор и уходит на спекулятивные финансовые рынки, втягивая мировую экономику в длительную депрессию.

Деньги, по мнению С. Гезелля, должны быть только инструментом обмена, и более того. Основной порок действующих денежных систем он видел в том, что деньги «исчезают из обращения всякий раз, как возникает повышенная в них потребность, и затапливают рынок в моменты, когда их количество и без того избыточно». С. Гезелль настаивал, что кредитные деньги создают слишком большие соблазны для мошенничества и ростовщичества и, несмотря на их экономическую привлекательность, должны быть выведены из употребления. Причем он высказывал эти идеи во времена, когда действовал золотой стандарт, существенно ограничивавший денежную эмиссию. Важно также, что С. Гезелль не ограничивался традиционной критикой кредитных денег, а как экономист-практик разработал вполне конкретный проект денежной реформы. «Деньги в современной их форме превратились в идеальный товар, что и обуславливает их незаинтересованность в обслуживании рынка традиционных товаров и услуг, откуда они изымаются для самоудовлетворения — будь то в форме срочных депозитов, ценных бумаг, облигаций, опционов, фьючерсов, warrants, вопов и сонма производных» ценных бумаг [4].

С. Гезелль пришел к выводу о том, что функции денег как средства обращения и средства сбережения несовместимы. Действительно в практикуемых денежных системах деньги являются одновременно и товаром, и не товаром (символической субстанцией, посредником). В этом собственно и состоит фундаментальное противоречие действующих денежных систем. Революционность идей С. Гезелля состояла в том, что он предложил совершенно необычный для современников проект налога за пользование деньгами. «Только деньги, которые устаревают, подобно газетам, гниют, как картофель, ржавеют, как железо, и улетучиваются, как эфир, способны стать достойным инструментом для обмена картофеля, газет, железа и эфира. Поскольку только такие деньги покупатели и продавцы не станут

предпочитать самому товару. И тогда мы станем расставаться с товарами ради денег лишь потому, что деньги нам нужны в качестве средства обмена, а не потому, что мы ожидаем преимуществ от обладания самими деньгами» [5]. Новейшие исследования по истории денег и денежных систем подтвердили, что идеи С. Гезелля не были очередной утопией, что деньги с демереджем успешно применялись в самых различных исторических обстоятельствах. Несомненно, что если прогнозируемый «финансовый Армагеддон» все-таки случится, многие экономические регионы вернуться к практике местных валют с демереджем, возрастет и интерес к научным исследованиям в этой области экономики и социологии. Теория «свободных денег» имеет много сторонников и у них есть серьезные основания заявлять: «Приоритет свободных денег над кредитными, наблюдаемый у истоков европейской цивилизации, служит лишним доказательством (в дополнение к традиционному христианскому запрету на ростовщичество) нашей навязчивой идеи: банковский капитализм, доминирующий в современной экономике, отнюдь не является органичным развитием общественных отношений, а лишь фиксирует общее поражение Традиции, нанесенное ей чуждой морально-этической системой» [4].

Мечты о земном рае без ссудного процента сопровождают европейскую историю уже более двух тысяч лет. Многочисленные, в том числе инициированные властями, попытки обуздания ростовщичества всегда заканчивались поражением. Последняя и самая масштабная программа изъятия ссудного процента в пользу общества ушла в историю вместе с падением СССР. Б. Литер в своей книге «Душа денег» приводит вроде бы убедительные исторические примеры благотворного влияния на экономику и общество денежной системы, препятствующей ростовщичеству и вообще накоплению денежного капитала. Но, во-первых, речь идет об экономиках, не сопоставимых с современными. Во-вторых, пока это только гипотезы. Историки, например, объясняют бурное развитие экономики в странах Северо-Западной Европы в X–XIII вв. не столько с особенностями монетарной политики, сколько чрезвычайно благоприятными климатическими условиями. В те времена на территории современной Британии собирали щедрые урожаи пшеницы и винограда. Наступившее в XIV в. похолодание (малый ледниковый период) обрушило экономику этих стран. Малый ледниковый период оказал огромное влияние на экономическую и политическую историю средневековой Европы, в том числе и на монетарную политику.

Вообще представить общество, в котором полностью отсутствует денежный капитал, а все сбережения сохраняются только в форме реальных активов, невозможно. Это, по-видимому, очередная утопия. Но сосуществование валют Инь и Ян в денежных системах вполне реалистично. Возможно, такое сосуществование «старых» и «новых» денег и есть наилуч-

шее решение проблемы баланса между различными функциями денег и, соответственно, построения более эффективной экономики и более справедливого общества. Другой возможный вариант решения «вечной» проблемы ростовщичества, то есть проблемы присвоения ссудного процента частными кредиторами, был представлен советской денежной системой, основанной на обобществлении банковской деятельности. Сейчас этот опыт забыт, но в будущем он может быть востребован.

Еще одной оригинальной концепцией, открывающей новые перспективы социологического анализа феномена денег, следует признать «теорию множественных денег» известного американского социолога Вивиан Зелизер.

Книга В. Зелизер «Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы» (1994) справедливо признана лучшим современным исследованием в области социологии денег. «Вивиан Зелизер написала интересную и информативную книгу, в которой показано, что смысл денег намного богаче..., чем это могла предположить экономическая теория со всеми своими замечательными уравнениями. Деньги и в самом деле являются средством обмена. Но это только начало», — так оценил выход в свет книги В. Зелизер президент Американской экономической ассоциации Джон Гэлбрейт (*The New York Times Book Review*). Не менее высоко оценил исследование В. Зелизер Пьер Бурдьё: «Превосходно написанная, наполненная оригинальными и теоретически выверенными архивными материалами и иллюстрациями, книга «Социальное значение денег» является образцом скрупулезного и инновативного исследования не только для экономической социологии, но и для всех социальных наук». Если французские экономисты М. Аглиетта и А. Орлеан вскрыли методологические ограничения классической и неоклассической экономической теории денег, то В. Зелизер обнаружила нечто подобное уже в классической социологии — а именно противопоставление денег и общества как самостоятельных реальностей.

Классики признавали огромное цивилизационное влияние денег, но сами деньги выносились за пределы социальности, противопоставлялись обществу как нечто «не живое — живому», как обезличенное число, обезличивающее мир человеческих отношений. «Такой подход строится на двух взаимодополняющих и при этом отчасти независимых друг от друга суждениях общего характера — назовем их теорией обособленных сфер и враждебных миров. Теория обособленных сфер выделяет две самостоятельные области, в которых действуют разные принципы: рациональность, эффективность и планирование в одном случае и солидарность, чувство и импульсивный порыв — в другом. Как утверждает в данной теории, логично ожидать, что два этих типа организации приведут к различным результа-

там (и делают это по-разному). Теория враждебных миров заявляет, что, вступая во взаимодействие, отдельно стоящие сферы “заражают” друг друга. Их смешение, говорится в этой теории, пагубно для обеих сфер: вторжение инструментальной рациональности в мир чувств иссушает его, а вмешательство чувства в рациональные транзакции ведет к неэффективности, фаворитизму, проявлению особого расположения к своим знакомым и другим формам коррупции. Утверждается, что между близкими социальными отношениями и экономическими транзакциями существует четкая грань, и всякое взаимодействие между этими двумя сферами называется морально “заразным”. Следовательно, близкие отношения развиваются успешно, только если люди ограждают их достаточно прочными барьерами. Таким образом, в социальных системах в состоянии порядка данные сферы не пересекаются» [6, с. 25].

Подобный методологический дуализм, по мнению В. Зелизер, противоречит социологической традиции системного, целостного подхода к исследованию общества, порождает неприемлемый редукционизм. Экономические редукционисты рассматривают внеэкономические межличностные отношения как особые проявления экономической (денежной) рациональности. Социологи, ориентированные на исследование культуры и политики, редуцируют мир человеческих отношений к миру ценностей и убеждений, исключая всякую расчетливость и рациональность в пространстве культуры и межличностных отношений. При этом и те и другие «не дают адекватной интерпретации взаимодействия интимных социальных связей и формализующих институтов — денег, рынков, бюрократий и специализированных ассоциаций. Те, кто внимательно наблюдает за работой этих институтов, всегда отмечают наличие (порою граничащее с избытком) в самом их сердце интимных социальных связей» [6, с. 26].

В. Зелизер предлагает третий, альтернативный путь, путь «наведения мостов» между миром близких межличностных отношений и безличными опосредованными социальными связями, полагая, что во всех социальных средах одновременно существуют разные связи. В. Зелизер исследует повседневные денежные практики в американском обществе, связанные с преподнесением подарков, социальным обеспечением и страхованием, экономикой домашних хозяйств, начиная с конца XIX в. На тщательном подобранном эмпирическом материале она стремится опровергнуть укоренившиеся в теоретической социологии со времен Г. Зиммеля и М. Вебера представления о всепоглащающей рациональности «денежной цивилизации». Конечно, и до В. Зелизер социальные антропологи, историки и психологи ставили под сомнение универсальность современных денег, их единственность и нейтральность по отношению к повседневным социальным взаимодействиям. Но работа В. Зелизер стала первым масштабным эмпирическим

исследованием современных повседневных денежных практик, и результат оправдал ожидания автора (книга «Социальное значение денег» получила в 1996 г. премию Американской социологической ассоциации).

Вообще-то реальная связь между миром ценностей, семейным кошельком и миром денег никогда не была секретом для маркетологов, рекламистов, торговых и страховых агентов, биржевых брокеров, спекулянтов. Даже как-то странно, что социологи так долго не критически воспринимали различные версии концепций «возрастающей рациональности», в то время как экономисты-практики и бизнес не заморачивали себе головы подобными абстракциями. Как справедливо заметил В. Радаев, дело не в обезличивающей рационализации, не в том, что деньги уничтожают мир ценностей, а в постоянной игре социальных обстоятельств, ценностей и интересов. Так описываемое В. Зелизер традиционалистское сопротивление британцев страхованию жизни в 40-е гг. XIX в. было сломлено «благодаря тому, что ценностные ориентиры, вызывающие сопротивление страхованию жизни, были в конечном счете вытеснены другими ценностными ориентирами, которые этому страхованию благоприятствовали» [7, с. 107]. Ценности всегда эволюционировали вместе с конкретными материальными и денежными интересами. В мире повседневности люди не воспринимают деньги как чистую абстракцию, только лишь как универсальную единицу измерения. Они наделяют деньги смыслами, специфическими содержаниями. В зависимости от социального контекста их применения деньги постоянно формируются и переформируются посредством множества сетей социальных отношений и разнообразных смысловых систем: деньги честные, трудовые, дармовые, грязные, мужские, женские, детские, церковные и т. п. В. Зелизер называет этот процесс «социальным производством денег», а свою концепцию — теорией множественности денег. «Деньги не являются ни культурно-нейтральными, ни социально-анонимными. Деньги могут “превращать” ценности и социальные связи в числа, однако ценности и социальные отношения в ответ трансформируют сами деньги, наполняя их смыслом и встраивая в социальные паттерны» [8, с. 62].

Во-первых, В. Зелизер обращает внимание на то, что наличие множественных денег типичное явление для большинства денежных систем и, напротив, привычная для нас стандартизация денежных единиц — явление сравнительно новое. В США, например, стандартизация национальной валюты была завершена только в 1933 г. А в XIX в. в обороте находились тысячи разных банкнот, эмитированных местными правительствами и банками. «В традиционных обществах деньгам приписываются особые качества и особая ценность, не зависящая от их количества. На одни деньги можно было купить еду, на другие — жену, третьи — можно было подарить на свадьбу, четвертыми — откупиться за нанесенное оскорбление.

“Неправильные деньги” либо просто не принимались, либо серьезно девальвировались по стоимости. Подобные явления хорошо изучены экономическими антропологами. К. Поланьи называл это “целевыми деньгами”, М. Дуглас — “первобытной купонной системой”. М. Вебер также указывал на существование денег, которые могли использоваться только женщинами или только мужчинами, являлись исключительным правом определенного сословия. Однако, вопреки многим предсказаниям, целевые деньги в современном обществе никуда не исчезли. Сплошь и рядом государством, коммерческими и общественными организациями выдаются “связанные” деньги, предназначенные на строго определенные цели (гранты на исследования, потребительские и ипотечные кредиты, социальные пособия)» [7, с. 111].

В современном мире существует множество национальных валют, различающихся не только экономическим, но и политическим, социальным статусом. Доллар в кошельке гражданина какой-либо развивающейся страны это совсем не тот доллар, который обращается на территории США, и если такие доллары возвращаются на «родину», они стерилизуются, то есть выводятся из обращения. Статус резервной валюты обеспечивается не только состоянием национальной экономики, но и политическим, военным влиянием. При этом страна или союз стран, обладающих резервными валютами, получает исключительные привилегии в мировой торговле, дополнительные инструменты в проведении монетарной политики и эксклюзивное право на эмиссионную ренту, то есть на эксплуатацию конкурирующих экономик.

Во - в т о р ы х, в современных экономиках постоянно создается множество денежных суррогатов: кредитных денег, различных видов облигаций, производных ценных бумаг и др. Современный международный рынок производных ценных бумаг (деривативов) достиг фантастической величины в 1,4 квадриллиона долларов по номиналу¹. Как вообще можно управлять таким портфелем ценных бумаг? По сути, это быстро растущая раковая опухоль в теле мировой экономики. Но участники этого квазирынка могут придавать ему свой собственный социальный смысл и даже

¹ Дериватив — производный финансовый инструмент, дериватив (англ. derivative) — договор (контракт) реализации для его сторон прав и/или исполнение обязательств в отношении базового актива, который лежит в основе данного финансового инструмента (контракта). Цена дериватива связана с изменением цены базового актива, но не обязательно является его копией. По своей сути дериватив представляет собой соглашение между двумя сторонами, по которому они принимают на себя обязательство или приобретают право передать определенный актив или сумму денег в установленный срок или до его наступления по согласованной цене.

рассматривать его как симптом экономического здоровья и безопасности. Сумасшедшее размножение различных денежных суррогатов превратило мировую экономику в огромное казино, и никто не может предсказать, чем закончится эта «игра». Долги растут, а эффективность долга становится отрицательной.

В 1980-е гг., когда В. Зелизер проводила свои пионерские исследования, денежные рынки не были столь сложными и запутанными, как это имеет место сейчас. Поэтому В. Зелизер сконцентрировала интерес на анализе производства целевых денег в повседневных денежных отношениях. Люди особенно тщательно контролируют деньги и их целевое распределение в сложных, например с моральной точки зрения, ситуациях социального взаимодействия. В. Зелизер приводит возможную классификацию таких форм социального взаимодействия и целевых денег (табл. 1) [8, с. 61– 62].

Таблица 1

Форма социального взаимодействия	Целевые деньги
Возникновение или распад социальных связей	Расходы на уход за детьми, алименты
Настойчивое стремление управлять другими	Взятки; денежные жетоны в тюрьмах или лечебницах для душевнобольных; ограничивающие условия в завещании
Установление или поддержание неравенства	Социальное обеспечение бедных, деньги для детей, женские «деньги на булавки»
Поддержание тонких статусных различий	Чаевые почтальонам или сиделкам
Участие в делах, сопряженных с риском и неопределенностью	Пожертвование денег для получения благосклонности божественных или сверхъестественных сил
Поддержание близких отношений	Одалживание или дарение денег друзьям или родственникам; плата половым партнерам; денежная компенсация за моральный или эмоциональный ущерб
Установление или поддержание индивидуальной или групповой идентичности	Пожертвования на благотворительные мероприятия или организациям, основывающимся на расовой, этнической или тендерной принадлежности; пожертвования в пользу религиозных организаций; завещание наследства в пользу учебных заведений

Форма социального взаимодействия	Целевые деньги
Сопровождение ритуальных обрядов	Плата, подношение, подарок на свадьбу, похороны, крещение, бар-мицва
Отстаивание или сохранение чести	Вира (взыскание с виновника денежного возмещения. – А. Л.)
Урегулирование неразрешимого конфликта интересов	Плата за вынашивание и рождение или воспитание ребенка – вознаграждение кормилицам, выплаты на «черном рынке», плата за усыновление, выплаты приемным родителям за содержание ребенка, оплата внутренних органов или донорской крови
Поддержание нелегальных социальных отношений	Шантаж, покупка наркотиков, вознаграждения осведомителям, плата любовнице

Исследование повседневных денежных практик показало, что отношение к деньгам одной и той же формы различно в зависимости от источника их получения и предполагаемого целевого назначения. Зарплаты, доходы от ценных бумаг, депозитов, рента, взятки и подарки, субсидии, благотворительность, то есть одинаковые по форме деньги и действия, имеют различную смысловую коннотацию в повседневной культуре и межличностном общении. В. Зелизер в основном ориентировалась на исследование денежных отношений в мире повседневности: домашнее хозяйство, семейные отношения, межличностные контакты, обыденные ситуации и т. п. Но в современном понимании пространство повседневности значительно шире, оно включает новые формы повседневных взаимодействий (интернет-контакты, флешмобы, молодежные тусовки и т. д.). Можно, например, говорить о мире повседневности финансовых рынков, постоянно порождающих новые денежные суррогаты и новые интерпретации денежных практик.

Вообще обвинение в адрес денег, якобы «иссушающих» мир человеческих чувств, превращающих личность в счетную машину, часто не справедливы. М. Вебер использовал термин «формальная рациональность» для обозначения особого типа социальных связей, но он всегда напоминал, что речь идет об идеальных типах, концептуальных моделях для типологизации эмпирической реальности, которая сама по себе всегда выходит за рамки подобных типологий. Социальная реальность, в принципе, не может быть исчерпывающе представлена в системе понятий. Аналитик всегда может

обнаружить в реальности процессы, не совпадающие или прямо противоположные тем, которые фиксируются в принятой им концептуальной модели описания и понимания социального мира. У современных моралистов, например, есть основание предъявлять к «денежной цивилизации» прямо противоположные претензии. Современный дискурс переполнен обвинениями денежной культуры в греховности, падении нравственности, иррациональном самоуничтожении. На это обстоятельство обращал внимание еще М. Вебер, утверждая, что закон возрастающей рациональности в конечном счете приводит к прямо противоположному результату — росту совокупной иррациональности в истории современных обществ. Исследования В. Зелизер стали значительным этапом на пути предметного самоопределения социологии денег, особенно это касается микросоциологии денег. Открылись новые перспективы для эмпирических исследований повседневных денежных отношений и денежной культуры. Именно такого рода первичной информации не хватало классикам, размышлявшим о влиянии денег на общество и культуру.

Несмотря на значительные достижения, в том числе и российских, социологов¹, в целом ни классическая, ни современная социология не смогли предложить какой-либо концептуально завершенной социологической теории денег, хотя классики вполне осознавали значение этой проблемы для социологической теории. В условиях дефицита социологического предложения экономисты, в принципе, заняли нигилистическую позицию по отношению к вопросу о генезисе и социальной природе денег. Академическая экономическая наука в XX в. вообще постепенно сводила социологическое содержание своей дисциплины к минимуму. Исчез из употребления сам термин «политическая экономика». Как справедливо отмечал Ф. Энгельс, отказ науки от всякой философии часто оборачивается использованием ее наиболее упрощенных форм. Примерно в такой ситуации оказалась и классическая экономическая теория. Социологическим фундаментом экономических теорий денег по-прежнему остаются концепция рационального выбора и теории обмена, инициированные

¹ Политическое измерение мировых финансовых кризисов. М., 2012; *Камасонов В. Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М., 2013; *Зарубина Н. Н.* Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социол. исслед. 2005. № 7; *Фенько А. Б.* Люди и деньги: очерки психологии потребления. М., 2005; *Глузман С. А.* Деньги в мифологическом сознании человека: вчера и сегодня. СПбГУ, 2007; *Абрамова С. Б.* Социологический подход к исследованию денег: основания и перспективы // Изв. Урал. гос. ун-та. 2009. № 4; *Васильчук Ю. А.* Социальные функции денег // Мировая экономика и междунар. отношения. 1995. № 2; *Шептун А. А.* Философия денег // Вопр. философии. 1999. № 7.

из самой экономической среды. Теории рационального выбора, как и теории обмена, крайне упрощают индивидуальное и групповое социальное поведение, исключают из анализа сложные формы социальных отношений, основанных на господстве и подчинении, насилии и доверии, подражании и тем более на таких факторах, как коллективное бессознательное. «В этой области продолжает преобладать подход, сводящий деньги к роли инструмента, облегчающего обмен... Здесь не находит никакого отклика идея о том, что деньги являются не следствием рынка, а условием его существования» [1, с. 9–10].

Методологический редукционизм в понимании социальной природы денег часто опирается на обычный здравый смысл. Обывателю трудно представить, что деньги в его кошельке — это всегда долг, что за безобидной внешней чувственностью денег скрываются силы, способные изменить ход истории. Любопытный гражданин может испытать состояние шока, столкнувшись с реальной историей денег и финансов. Многие исторические события предстанут для него в ином свете, чем они представлены в официальных учебниках по истории. Например, мало кто знает, что каждый из пяти убитых президентов США вступил в серьезный конфликт с интересами финансовой олигархии. Не вышла за пределы инструментальной концепции денег и современная неоклассическая экономическая наука. В конечном счете нынешний кризис в зоне евро связан именно с таким узкоинструментальным пониманием социальной природы денег. Универсальная денежная единица (евро) была принудительно навязана обществам с различными историческими, социальными и культурными традициями. Подобные денежные практики свидетельствуют о дефиците знания о природе денег, денежных систем и денежных отношений.

Именно поэтому институциональное понимание денег, так убедительно представленное в публикациях М. Аглиетта и А. Орлеана, как и культурологические интерпретации денежных отношений, должны быть дополнены новыми методологическими подходами, в частности онтологическим анализом. Э. Дюркгейм призывал изучать социальные факты «как вещи». Деньги как раз и являются таким социальным фактом. Они не просто следствие и итог эволюции социальных отношений обмена и рационального выбора, не просто институт, регулирующий операции обмена и распределения ресурсов. Во всех обществах деньги являются «предметом», активом к обладанию которым стремятся всеми доступными средствами, преступая и нормы морали, и нормы права. Если в доиндустриальных и индустриальных обществах многие активы (земля, натуральная земельная рента, недвижимость, промышленный капитал и др.) успешно конкурировали с финансовыми активами, то в современных обществах деньги приняли форму господствующего универсального капитала, доминирующего над

всеми другими активами (физическим капиталом). Конечно, и в качестве капитала деньги требуют доверия и нормативного регулирования. Они также должны быть инструментальны, то есть эффективно выполнять свои обычные экономические функции. Однако бесконечно растущая сложность финансовых инструментов и финансового права сделали деньги легкой добычей «банкстеров», самым привлекательным ресурсом богатства и власти. В современных обществах «большие деньги» делают владельца максимально свободным в использовании капитала в любых формах партнерства или господства. Проблемы возникают только в ситуациях острых экономических кризисов, когда «сумасшедшие деньги» в панике носятся по миру в поисках защитных активов, в качестве которых обычно выступают другие более надежные валюты, товарные или сырьевые активы.

С онтологической точки зрения деньги такая же реальность, как разделение труда. Разделение труда и деньги две стороны одной медали — процесса общественного производства. Разделение труда не возможно без обмена результатами труда. Даже в простейших формах натурального обмена содержится основной принцип денег — социальное взаимодействие с целью обмена благами, взаимодействие, в ходе которого каждая из сторон производит калькуляцию потребностей, приобретений или потерь. Но появление денежных форм обмена, денежных практик принципиально меняет базовые характеристики социальных систем, переводит их в состояние нового качества. Прежде всего это касается таких атрибутов социальных систем, как социальное пространство и социальное время. «Дело в том, что категории времени и пространства воспринимаются историками, как правило, лишь в качестве объективных “форм существования материи”». При этом не обращают должного внимания на то, что “материя” истории в высшей степени специфична, что категории пространства и времени не могут совершенно равнозначно применяться к природе и к обществу. Мы подчас не сознаем, что пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково. Констатация этого факта, подтверждаемого данными многих наук — лингвистики, этнологии или культурантропологии, истории искусств, литературоведения, психологии, — имеет огромное значение и для исторической науки, в особенности для истории культуры. Как уже подчеркивалось выше, человек руководствуется в своей практической деятельности и в своем сознании этими и иными основными категориями картины мира, и от того, как он их интерпретирует, во многом зависит его поведение, поведение социальных групп и развитие целых обществ» [10, с. 45]. Проблема,

однако, в том, что социальное пространство и время существуют не только в субъективном восприятии, в культуре, но и объективно, как пространственная среда и ритм социальных контактов и взаимодействия.

Пространственный контакт, даже если это виртуальное пространство общих моральных принципов, является первичным условием появления, сохранения и развития любых сообществ. Уже в самых простейших денежных практиках мы имеем дело с социальным конструированием нового пространственно-временного континуума социальных систем, которое воспринимается впоследствии как естественное состояние, находит отражение в «зеркале культуры». Первобытные сообщества существовали в условиях «разорванного» локального социального пространства и вне глобального времени. «В традиционных обществах пространство так же, как и время, осознается в его соразмерности человеку: не существует универсальных и объективных единиц измерения и членения пространства, линейной перспективы, формируемой сторонним наблюдателем. Человек и локальный социум отождествляют себя с обживаемым конкретным пространством, разделяют его черты и свойства. Пространственная локализация и автохтонность являются важнейшими аспектами идентичности... В традиционных обществах социальные статусы и роли определялись принадлежностью или отношением к местному сообществу, а вовсе не наличием денег или их формой. Переход из одного локального мира в другой был сопряжен с большими трудностями и качественными изменениями всего строя жизни, преодолеть которые деньги не были способны: богатый “чужак” в традиционных сообществах все равно оставался неравноправным» [9, с. 28–29].

Но даже в архаичных обществах деньги структурировали пространство хозяйственной деятельности, определяли границы территории общих рынков, производили отбор участников совместной хозяйственной деятельности и обмена, которые разделяли коллективную ответственность за создание и перераспределение благ. Участники этих совместных денежных и хозяйственных практик становились носителями общей идентичности [1, с. 300]. Многие авторы подчеркивают особую коммуникативную роль (функцию) денег, но любая коммуникация возможна только при наличии общей пространственной среды, пространства социальных контактов. Деньги, таким образом, являются одновременно и средством и условием денежной и хозяйственной коммуникации. Однако особенно ярко роль денег как одного из важнейших факторов конструирования социального пространства проявляется в современных обществах. «На наших глазах реальные пространства, территории с их историческим прошлым, устоявшимся хозяйственным укладом, населением и сложившимся образом жизни реструктурируются под действием логики глобальной эко-

номики финансов... В границах традиционных территорий также происходят изменения пространственной локализации социальных групп и институтов» [9, с. 27].

Национальные денежные системы создавали изоморфное (однородное) социальное пространство, то есть создавали первичные и совершенно необходимые условия для развития разделения труда и организованной совместной хозяйственной деятельности на определенной территории. Но дальнейшее углубление разделения труда и стремление к росту производительности капитала требовали вовлечения пространств национальных экономик в общее экономическое и социальное пространство растущих рынков, то есть требовали новой среды пространственных контактов. В этом собственно и состоял первичный социальный и экономический смысл создания и всех последующих реформ международных денежных и валютных систем. «Наиболее существенное влияние на трансформацию социальных конструктов пространства, как и времени, оказала сформировавшаяся на рубеже XX–XXI вв. двойственность денег: наряду с деньгами реального производства в условиях глобализации возникли виртуальные деньги и виртуальная финансовая экономика. Виртуальные деньги являются деньгами семиотическими, то есть информацией, чистыми деньгами-символами, освободившимися от “осязаемой” формы... от любой референции в реальной действительности, в том числе и от реальности рынка, и меновых стоимостей. Они образуют собственное виртуальное пространство, живущее по своим законам и трансформирующее пространство реальное. Экономическая деятельность, ранее тесно связанная с пространственной локализацией и пространственными же связями, на уровне глобальных финансов становится надпространственной в смысле независимости от конкретных пространств и безразличия к ним» [9, с. 27]. С точки зрения социальной онтологии это означает, что социальная реальность приобрела новое, «четвертое» измерение (пространство глобальных финансовых связей). Это новое качество преодолевает локальные пространственные ограничения национальных экономик. Именно эволюция денежных и финансовых систем инициировала эти фундаментальные изменения социальных систем, на основе которых будут формироваться и новые формы глобального культурного пространства. По своим историческим последствиям влияние этого «четвертого» измерения социального пространства превзойдет все предшествующие социальные революции, поскольку создается новая пространственная среда, открывающая возможность для множества принципиально новых форм социальных контактов, взаимодействий, отношений и институтов.

Денежные практики меняют не только характеристики социального пространства, но и социальное время. В культуре каждого общества су-

существует определенный комплекс представлений о социальном времени и практики, формирующие отношение людей и общества ко времени. Но и сама культура существует во времени, воспринимает объективные ритмы, заданные исторически определенным способом жизнедеятельности общества или, как выразился бы К. Маркс, «способом производства». «Связь с универсальными деньгами рынка обусловила и специфические характеристики социального времени капиталистических обществ. Открытие связи денег и времени ускорило распространение представления о калькуляции как основе рационального использования времени. Выходящее за рамки натурального хозяйства производство потребовало объективного, более не связанного с естественными ритмами человеческой жизни или природными циклами, измерения времени труда и ускорило внедрение механизмов измерения отрезков времени. Эти отрезки – сутки, часы, затем минуты – в необратимом движении и ритмичной смене задавали объективную, отчужденную от человека регулярность. Появление часов на городских башнях в XIII–XV вв. обеспечило универсализацию этой регулярности. Происходил процесс постепенного движения от очеловеченного, проживаемого, конкретного и локального времени естественного цикла к объективному, разделенному на абстрактные и универсальные промежутки времени массового производства и рынка» [11, с. 54].

Социальное пространство и время являются «конструктами» в том смысле, что они являются следствием общественной деятельности человека и одновременно – объективным условием воспроизводства общественной жизни. В этом историческом процессе социального конструирования пространства и времени особую роль играют денежные практики. Деньги создают своего рода пространственно-временной континуум социальных систем. Когда говорят «время – деньги», имеют в виду собственно не деньги как таковые, а возрастающую продуктивность и интенсивность социальных процессов. В данном случае основное социальное уравнение товарного общества можно представить как социальное пространство, деленное на скорость социальных процессов, равно социальное время. Деньги изменяют темпоральные характеристики социального взаимодействия, ритмику социальных процессов. Деньги великий акселератор социального времени. Известный афоризм Бенджамина Франклина «время – деньги» очень удачно подчеркивает эти изменения, эту возрастающую ценность социального времени для групп и индивидов. Для современного менеджера время часто более ценный ресурс, чем деньги, а управление временем приобретает первостепенную важность. Возрастающая социальная значимость времени является прямым следствием «денежной цивилизации», в которой деньги становятся мерой времени. Каждая культура переосмысливает объективные характеристики социального пространства-времени и пред-

лагает свои культурные коды, своего рода единицы измерения и оценки социального времени. Афоризм «время – деньги», например, стал социокультурной максимой общества модерна [11, с. 51]. Не случайно новое восприятие времени обычно связывают с американской традицией и образом жизни. Американцы раньше других народов осознали новую ценность времени и долгое время воспринимались иностранцами как склонные к неразумной спешке во всем, чтобы они ни делали.

Люди всегда задумывались над превратностями судьбы и времени, но никогда в предшествующие эпохи время не ценилось столь высоко и тем более не отождествлялось с деньгами. Если бы средневековый ремесленник или купец, по крайней мере до позднего Средневековья, услышал выражение «время – деньги», он просто не понял бы его смысла. «Современные категории времени и пространства имеют очень мало общего с временем и пространством, воспринимавшимися и переживавшимися людьми в другие исторические эпохи. В так называемом примитивном, или мифологическом, сознании эти категории не существуют как чистые абстракции, поскольку само мышление людей на архаических стадиях развития было по преимуществу конкретным, предметно-чувственным. Их сознание охватывает мир одновременно в его синхронной и диахронной целостности, и поэтому оно “вневременно”» [10, с. 46]. Как образно сформулировал суть новой эпохи А. Я. Гуревич: «Циферблат со спешащей секундной стрелкой вполне мог бы стать символом нашей цивилизации». Добавим, вместо цифр на этом циферблате мы увидим денежные знаки.

Деньги влияют не только на скорость социальных процессов, но и на ритмику общественной жизни. Волны финансовых бумов и кризисов совпадают с колебаниями занятости и безработицы, культурной и повседневной активности. Затянувшийся современный финансовый кризис надолго оставил без работы почти половину молодежи ряда стран Южной Европы, а жизнь без работы что-то вроде социального летаргического сна. Тому, кто не был в такой ситуации, можно порекомендовать поучительный документальный фильм «Жизнь без работы». Застойная безработица как бы замораживает время и даже обращает его вспять в форме люмпенизации целых слоев населения. К. Маркс вообще полагал, что в обществах, основанных на частной собственности на средства производства, на эксплуатации, человек отчуждается от своих социальных форм существования, от процесса труда, от результатов труда, от государства, то есть оказывается вне социального пространства и времени, поскольку его «родовая сущность» сводится к простому физическому выживанию. Денежные практики способны не только ускорять, но и замедлять социальное время или деформировать его. «Так, в период рыночных преобразований в России одной из основных для всего общества стала проблема быстрого обогащения, “быстрых

денег”. Вопрос о том, как заработаны деньги, трансформировался в “за сколько времени” можно заработать определенные деньги. В социальном и культурном плане оказались обесценены формы деятельности, которые требуют длительных усилий и денежная отдача от которых “отнесена” в будущее. Напротив, высоко привлекательными стали занятия, приносящие быструю прибыль» [11, с. 52].

Как движущаяся физическая масса деформирует физическое пространство и время, так и денежная масса воздействует на течение социального времени и формы социального пространства. Пользуясь этой аналогией, можно сравнить денежную массу в обороте с массой движения в физике (инерционная масса), а деньги, фиксированные в качестве активов, с гравитационной массой. Скорость движения (оборота) денежной массы также меняет характеристики социального пространства-времени.

Деньги как социальный феномен обладают множеством свойств и проявлений, но самыми удивительными из них являются социальные свойства кредитных денег. Именно по поводу кредитных денег и их влияния на общественную жизнь уже тысячи лет ведутся самые яростные интеллектуальные баталии. Кредитные деньги являются фантастическим генератором социального времени. Если физическое время нельзя накопить, одолжить, купить, то социальное время, например время жизни компании, продается и покупается. Если бы И. И. Ползунов имел возможность взять кредит, а в России в то время не было развитой кредитной системы, то изобретателем паровой машины считался бы он, а не Дж. Уатт, получивший заем на строительство своей машины.

Кредитные деньги можно с полным основанием считать одним из величайших не столько изобретений, сколько достижений человечества. По существу, была создана уникальная машина времени, позволяющая управлять производством, распределением и потреблением социального времени. Даже простой потребительский кредит позволяет заемщику опередить время, приблизить будущее к настоящему. С помощью этой удивительной «социальной машины времени» можно украсть будущее у конкурентов и даже неродившихся поколений, но можно и обанкротиться, то есть быть выброшенным за пределы социального пространства и времени.

Исторически кредитные отношения агрессивно вторгались в традиционный уклад жизни до товарных и переходных обществ и поэтому встречали упорное сопротивление не только со стороны «собственников традиционной культуры» (а культура также является социальным капиталом в руках господствующего класса), но и со стороны общественного мнения. Ростовщики вполне справедливо воспринимались как «торговцы временем», то есть тем, что не принадлежит людям и, так сказать, находится в полной юрисдикции Бога. «Первой сферой деятельности, в которой

деньги обнаружили одновременно свою способность к росту и непосредственную связь со временем, явилось банковское дело и ростовщичество. Однако именно в резком моральном осуждении этих форм деятельности нашли отражение представления о принципиальной невозможности и недопустимости утилитарного отношения ко времени, о том, что это творение Бога (богов), предназначенное в равной степени для всех людей, не может быть источником наживы индивидов. Ростовщики, взимавшие ссудный процент, занимались «торговлей временем», то есть продавали то, что ими не создано и им не принадлежит, являясь исключительно собственностью Бога. Ростовщичество рассматривалось как кража у Бога, наиболее страшная и постыдная из всех возможных краж. Поэтому прибыль, извлекаемая не из производства и торговли реальным товаром, а из способности денег прирастать, обращаясь во времени, рассматривалась в европейском средневековье как один из самых тяжких грехов» [11, с. 54].

Слово «кредит» происходит от латинского «kreditum» и переводится не только как ссуда, долг, но и как «верую», «доверяю». Поэтому кредит — это особое, основанное на доверии, социальное отношение по использованию ресурса времени. Понятия «деньги» и «время» близки, но неэквивалентны. С помощью кредита можно купить социальное время, но ни физическое, ни социальное время сами по себе не превращаются в деньги. Физическое время распределено между людьми в основном справедливо, для всех сутки включают 24 часа, год — 364 дня. Распределение же социального времени зависит от денег. Бедность может лишить смысла существования, «выбросить» из социального времени целые поколения людей. В современном мире человек должен уметь управлять как собственным физическим, так и социальным временем, а управление социальным временем это, по сути, управление деньгами.

Анализ денег как особой формы социальных отношений, влияния денежных практик на формирование базисных онтологических свойств социальных систем, эволюцию культуры и ценностей — ведущее направление исследований социологии денег. Несколько на периферии оказались исследования денег в качестве «капитала». Понятно, что такие исследования непосредственно затрагивают классовые интересы и находятся под давлением господствующей идеологии. Между тем современные деньги в качестве капитала характеризуются всеми атрибутивными свойствами капитала как такового. К. Маркс рассматривал капитал как особый тип социальных отношений, единственный в условиях всеобщего товарного производства, в ходе которого создается прибавочная стоимость и прирастает общественное богатство. Наемный труд и производственный капитал конституируют друг друга. К. Маркс очень удивился бы, узнав, в каких масштабах в современной экономике деньги делаются из денег, а не из реальной экономики.

Как известно, К. Маркс то ли недооценивал, то ли не понимал роли частной инициативы, полагая, что частный капитал может быть устранен без ущерба для общественного производства. Крушение «красного проекта» показало, что это не так. Вместе с тем в настоящее время мы являемся свидетелями системного кризиса «либеральной экономической утопии». В советской системе кризис общества неизбежно вытекал из неадекватного ограничения социальных и экономических функций денег и полного отказа от использования денег в качестве частного финансового капитала. В современной западной экономике он прямо связан с утратой общественного контроля над финансовой системой. Однако для научного понимания причин глобального финансового, экономического и социального кризиса недостаточно проследить метаморфозы экономической и финансовой политики. Дело не только в глупости или безответственности политиков, росте экономических и финансовых рисков, жадности банкиров.

Произошли фундаментальные изменения в социальной природе денег и роли финансовых систем в жизни общества. В стандартной ситуации денежная форма капитала — это деньги, предназначенные для инвестирования, на них приобретается физический капитал. В то время как современный финансовый капитал может сохранять свою денежную форму без обращения в физический капитал, меняя лишь текущего владельца. Современный финансовый капитал представляет собой совокупность особых социально-экономических условий (финансовый капитализм), когда денежная форма капитала позволяет получать прибыль без формального обмена денег на товары.

В современных обществах деньги окончательно утратили свою первоначальную невинность. Ушли в прошлое деньги, которые «невозможно напечатать», то есть исчезла естественная опора, на которой строилась легитимность денег, общественное доверие к деньгам как социальному институту. Доверять друг другу людям и социальным группам гораздо сложнее, чем доверять золоту или любому другому активу, на который невозможно установить монополию. Частная монополия на любые формы денежной эмиссии в принципе не совместима с общественным доверием к деньгам как социальному институту. «Дайте мне управлять деньгами страны, и мне нет дела, кто и какие законы в ней издает», — цинично заявил по этому поводу в свое время Мейер Ротшильд. «Бумажные деньги» — это всего лишь расписка покупателя продавцу, заверенная органом в государстве, которому это право принадлежит по закону. Контроль над таким органом и составляет суть бесконечной войны «злата и булата». В 1913 г. «злато» одержало историческую победу. На долларовых банкнотах вообще нет никакого указания на государство США, напротив, там прямо указано «Банкнота Федеральной резервной системы», то есть банкнота частного банка, за кото-

рую государство США формально не несет никакой ответственности. И вся эта эмиссионная монополия осуществляется вопреки прямому запрету на частную эмиссию денег, установленному Конституцией США. Получается, что частный эмиссионный центр может игнорировать любую формальную или неформальную нормативную регуляцию денежного обращения и денежной эмиссии, а инструментальный потенциал денег использовать в своих эгоистических интересах.

В о - в т о р ы х, в современном мире принципиально изменились масштабы и вес финансового сектора в структуре современной экономики. В предкризисный 2007 г. 50 % совокупной прибыли компаний США приходилось на долю финансового сектора, то есть в два раза больше, чем в начале 1980-х гг. «Когда финансовый сектор заглатывает такую большую долю прибылей, уже нельзя сказать, что он служит торговле и производству или обеспечивает их существование. Скорее он становится своеобразным откупщиком. Он больше похож на средневекового лорда, который выкачивает ренту из своих крепостных, не давая ничего взамен» [14]. А это означает, что произошли принципиальные изменения в распределении баланса собственности и власти в среде различных групп господствующего класса, появились новые основания для внутриклассовых конфликтов правящих элит.

В - т р е т ь и х, государство и общество практически утратили контроль над денежной эмиссией. Кредитно-денежная эмиссия частных банков (как любят по этому поводу выражаться СМИ, «делание денег из воздуха и электричества») затопила финансовые рынки ничем не обеспеченными виртуальными деньгами, различного рода денежными суррогатами в виде производных финансовых инструментов. Все это вызвало хаос на фондовых, финансовых, сырьевых рынках. Мировая финансовая система все больше приобретает черты глобальной финансовой пирамиды, спекулятивные цены дезориентируют инвесторов. Таким образом, ставятся под сомнение не только нормативные основания денег, но и инструментальные (рыночные) функции денег.

Наконец все больше проявляется автономизация финансового капитала от официальных институтов власти и общества, необычный рост влияния и властного потенциала финансовых рынков в масштабах глобального общества. В своих классических формах капитал (земельный, торговый, промышленный) проявлял себя в основном публично, стороны базовых социальных отношений труд и капитал вступали в открытый конфликт или искали социальные формы позитивного взаимодействия. История этих публичных классовых отношений составляет основное содержание социальной истории западного общества XIX–XX вв. Асимметричность отношений (классовые антагонизмы) микшировались или частично преодолевались

в ходе напряженной классовой борьбы, формирования новых социальных институтов (государство социального партнерства и др.). Безусловно, и при традиционном индустриальном капитализме существовали многочисленные скрытые формы финансового господства, подкупа власти, коррупция, криминальная эксплуатация, но они, по крайней мере, не были доминирующими. Каждый «пролетарий» знал, кто является хозяином латифундии, фабрики, завода. Противники или соперники, что называется, знали друг друга «в лицо». Дымящиеся трубы индустриальных кварталов зримо демонстрировали силу и мощь промышленного капитала, так сказать, демонстрировали, кто здесь хозяин. Становление финансового капитализма принципиально изменило формы классовых отношений в современных обществах. А форма, как известно, не существует вне содержания.

Финансовый капитал вывел за пределы публичности значительную часть своего властного потенциала. Это уже не «открытое общество», а стремительно укрепляющаяся система анонимной власти финансовых рынков. Причем достоверно определить масштабы и пределы могущества современных «финансовых воротил», анонимного финансового капитала фактически невозможно. Юридическим собственником является, как правило, банк-хранитель, на имя которого открыт счет в ценных бумагах. Настоящий собственник (бенефициар) тщательно скрыт за длинной цепочкой финансовых посредников. «В таком случае имя окончательного собственника может быть недоступно не только для обычных людей (прессы и т. п.), но и для официальных властей. К тому же кроме официальных правовых отношений, могут существовать и неофициальные, то есть когда действует не закон, а некая сложная система “понятий”... “Имена” окончательных лиц, осуществляющих власть, не должны быть на слуху вообще» [12]. Весьма показательны, что любые попытки Конгресса США провести аудит Центрального банка (ФРС) или раскрыть получателей масштабного вливания эмиссионных денег в экономику наталкиваются на упорное сопротивление со стороны могущественных финансовых кланов, а ведь любое вливание денежной ликвидности в систему в пользу отдельных социальных групп означает соответствующее незаконное перераспределение собственности. Именно рост властного могущества заставляет международную финансовую олигархию уходить в тень.

Важно также отметить, что, как и любые денежные практики, финансовый капитал еще в большей степени меняет темпоральные и пространственные измерения современных обществ. Наподобие черной звезды финансовый капитал искажает социальное пространство и время в зоне своего влияния. Традиционное «время – деньги» оборачивается ситуацией, когда «деньги – время». «Деньги не спят!» Безумная кредитная гонка предкризисных лет была не чем иным, как гонкой за временем по принципу: умри ты сейчас, а я потом. Биржевые торговые роботы мгновенно извлека-

ют из малейших колебаний цен на различных рынках спекулятивную прибыль. Триллионные массы виртуальных денег мгновенно перемещаются по виртуальному финансовому пространству, совершая пиратские набеги на экономики целых стран или укрываясь от закона в офшорных пиратских гаванях. Это уже другой мир, мир господства финансового капитала. Правительства развитых стран униженно прогибаются перед требованиями финансовых рынков, безропотно выкупают долги, созданные рискованными частными инвестициями и финансовыми спекулянтами, перекладывая груз выплаты долгов на плечи рядовых налогоплательщиков. Глядя на это, экономические гуру, сохранившие научную совесть, предсказывают надвигающийся финансовый «идеальный шторм». Интернет заполнен апокалиптическими сюжетами, гневными обвинениями в адрес «банкстеров», на площади выходят антиглобалисты, сторонники движения «Захвати Уолл-стрит», возмущенные потребители ведут уличные бои с полицией, требуя спасти рабочие места, а не банки. Складывается впечатление, что дьявол спустился на землю в облике анонимного финансового капитала по определению порочного и переполненного злой волей.

В этом хаосе мнений социология денег позволяет рационально осмыслить происходящие трансформации денег и финансовых систем. Финансовый капитализм с точки зрения социологической теории является новой стадией развития капиталистического общества. Промышленный капитал на ранних стадиях развития тоже не отличался особой гуманностью. Но западное общество сумело обуздать непомерные аппетиты промышленного капитала настолько, что капитал стал массово дезертировать в развивающиеся страны. Примерно также будут развиваться отношения между наемным трудом, обществом и финансовым капиталом. Общественный запрос на поиск новых форм денежной и финансовой политики постоянно растет. И поиск таких новых форм постоянно ведется (например, Проект Базельского комитета по банковскому надзору Базель III). Радикальные критики, определяющие нынешний кризис как системный и предрекающие наступление новой реальности, так же неопределенны в своих высказываниях и прогнозах, как и в свое время коммунисты в размышлениях по поводу коммунистического будущего человечества.

Важно понимать, что эволюция денежного капитала в финансовый капитал порождена внутренней логикой и внутренними противоречиями рыночной экономики. Развитые общества столкнулись с первыми непредвиденными последствиями научно-технического прогресса. Рост капиталоемкости общественного производства постоянно увеличивает долю совокупного дохода, приходящую на капитал, и уменьшает долю труда в совокупном доходе. В результате обостряется классический кризис недопотребления и перепроизводства. На одном полюсе скопилась огромная масса свободных частных

денег, не находящих производительного приложения, на другом — не хватает денег даже для сохранения сложившихся стандартов массового потребления. Ситуация осложняется миграцией промышленного капитала в развивающиеся страны. Только за последние 20 лет США передали на аутсорсинг в развивающиеся страны 50 млн производительных рабочих мест, частично заместив их менее производительными рабочими местами в сфере услуг.

Десятилетия процветания во времена кредитного бума привели к стремительному росту массы свободных частных денег, хлынувших на финансовые рынки. Проблема осложнялась тем, что эта концентрация финансового капитала в частных руках пришлась на завершающий период длительного экономического цикла — «зимы Кондратьева». Падающие доходы на производительный капитал в рамках действующего технологического уклада также выводили деньги из реального сектора экономики. Инвестиции в новую экономику (экономику знаний) тоже не оправдали ожиданий. В итоге в мировой экономике сложилась крайне тяжелая ситуация. Рыночные дисбалансы достигли критической массы. Скептически настроенные аналитики предрекают катастрофу, оптимисты надеются на скорую смену технологического уклада и появление новых драйверов роста.

Конечно, переход к новому технологическому укладу будет для общества болезненным. Как шутят злые языки: кризис это временно — лет на двадцать. Но «большие деньги» рано или поздно вернуться в реальную экономику. Произойдет и расчистка мировых финансовых балансов, финансовые пузыри лопнут, фиктивные капиталы обесценятся. В конце концов, мировая экономика не впервые оказывается в ловушке ликвидности. Будут установлены новые балансы интересов между финансовым и индустриальным капиталом, между финансовым капиталом и обществом, как это случилось в индустриальную эпоху между промышленным капиталом и наемными работниками. Другое дело, какую цену за это придется заплатить. Международная финансовая олигархия свои господствующие властные и экономические позиции без боя не сдаст.

В настоящее время глобальные угрозы исходят также от политиков, упорно избегающих прописывать мировой экономике хотя и горькие, но необходимые лекарства. Между тем в рамках рыночной экономики, в принципе, существует возможность успешной борьбы с циклическими кризисами. Даже если нынешний микст из кейнсианской и монетаристской антикризисной политики окажется неудачным, скорее всего, будут найдены другие методы противостояния кризису и эгоизму финансового капитала. Ведь никаких более или менее ясных альтернатив современной рыночной экономике ее могильщики, по крайней мере в обозримой перспективе, не предлагают. Современные деньги не смогут заменить ни деньги с демереджем, столь популярные среди «прогрессивной общественности», ни так называемые

множественные (социальные) деньги, ни местные деньги, ни региональные валюты. В современных и будущих экономиках деньги сохраняют свои традиционные экономические функции при возрастающей роли денег в качестве финансового капитала. Любая достаточно сложная экономика с необходимостью предполагает связь между прошлым, живым и будущим трудом, и такая связь может осуществляться только в форме финансового капитала.

Но общество будет вынуждено взять под значительно более эффективный контроль денежную и кредитную эмиссию и укротить спекулятивные финансовые рынки. Можно, например, привести в порядок долговые рынки, решительно списав долги, созданные международными финансовыми спекулянтами при одновременном дополнительном фондировании социально значимых участников рынка. Тем более что созданное во время кредитного бума реальное богатство (социальная и транспортная инфраструктура, недвижимость и др.) при любом развитии событий останется в распоряжении общества.

Классовые интересы и социальное поведение финансовых групп, представляющих финансовый капитал, в основном повторяют логику действий традиционного промышленного капитала: социальная агрессивность, корпоративный эгоизм, склонность к криминальному экономическому поведению. В современных обществах финансовый капитал достиг пика своего влияния. Основные и часто судьбоносные для общества и граждан решения, определяющие экономическую динамику на длительную перспективу, мировые инвестиционные потоки, состояние рынка труда, зарплат, социальных гарантий, принимаются в кабинетах руководителей крупнейших международных банков и стоящих за их спинами бенефициаров. Финансовые лобби взяли под свой контроль политические институты и СМИ, часто действующие в ущерб не только всему обществу, другим группам господствующего класса, но и против своих собственных долговременных интересов. Предстоящая принудительная гуманизация финансового капитала будет проходить под лозунгом «Не общество для денег, а деньги для общества».

Проблемное поле социологии денег будет формироваться в направлении от анализа социальной природы денег к исследованиям финансового капитала как исторически новой формы социально-классовых отношений. Деньги всегда связаны с асимметрией социальных отношений, являясь источником неравенства и социальных конфликтов. Мировые деньги распространяют социальное неравенство на глобальное общество, порождая валютные и торговые войны. В начале 70-х гг. прошлого века саудовские шейхи были крайне удивлены, когда США предложили им гарантии безопасности в обмен всего лишь за обязательство продавать нефть на мировых рынках исключительно за доллары. В это же время США в одностороннем порядке отказались от золотого обеспечения своей валюты. В последующем доллар

был навязан мировому сообществу как, по сути, единственная мировая валюта. Была создана исторически уникальная финансовая империя, система глобального социального, экономического и политического неравенства, предоставляющая США колоссальные преимущества. Масштабы этой неоколониальной денежной империи особенно четко проявились в ходе развития последнего финансового и экономического кризиса. Стало особенно ясно: кто управляет деньгами и денежным капиталом, тот управляет миром. Прекрасной иллюстрацией к этому тезису являются рассуждения Нобелевского лауреата по экономике Н. Рубини. Призывая не опасаться безудержной долларовой эмиссии, Н. Рубини пишет: «У США есть своя собственная валюта, и почти весь долг — государственный и частный — номинирован в долларах. Таким образом, правительство страны в отличие от правительства Греции просто не может остаться без денег... В результате практически нет никакого риска, что Америка объявит дефолт по своему долгу» [13]. Конечно, Америка не объявит дефолт, но лишь до тех пор, пока США будут в состоянии навязывать свою волю мировому сообществу.

Предметное самоопределение социологии денег как отраслевой социологической дисциплины продолжалось на протяжении всего XX в. С начала 1950-х гг. представление о деньгах как социальных отношениях стало преобладающим. Социальные отношения стали признаваться в качестве исходной категории для научного анализа экономических процессов, в том числе анализа денег и денежных отношений. Г. Зиммель, несколько утрируя, указывал на то, что главное качество денег в их количестве. Г. Зиммель был не прав. Основное социальное качество денег заключается в их способности аккумулировать результаты труда прошлых и настоящих поколений, гарантировать право на участие в распределении богатства, власти и престижа в настоящем и будущем. Деньги не менее чем культура связывают поколения и обеспечивают непрерывность общественной жизни («латентное условие» существования социальных систем, по определению Т. Парсонса). Просто неконтролируемый рост количества денег как раз и разрушает это их основное качество, подрывает способность денег быть универсальным ресурсом, по поводу которого разворачивается система базисных социальных отношений капиталистического общества.

Проблема денег ставит перед теоретической социологией сложные задачи. Не случайно почти каждая книга или статья по проблемам социальной природы денег начинается с рассуждений о принципиальной сложности денег как социального феномена, о «тайне денег», их мистической сущности и т. п. По нашему мнению, эта «таинственность» денег во многом связана с идеологизацией денежных отношений. Утверждения о том, что «деньги любят тишину», что «считать деньги в чужом кармане — дурной тон» и пр., просто маскируют классовые интересы. Многие тайны «грязных денег» дей-

ствительно скрываются от общества вполне сознательно заинтересованными социальными группами. К тому же академическое сообщество часто вводит по поводу денег самоцензуру. В 2008 г. в США рухнули две крупнейшие ипотечные компании и банк «Леман Бразерс» со 150-летней историей, что стало началом кризиса всей мировой финансовой системы. Дотошные журналисты бросились за комментариями к мировым академическим светилам в области экономики и финансов. Естественно, никаких путных объяснений они не получили, но выяснилось, что большинство из этих «авторитетов» благополучно состояли членами советов директоров или советниками крупных финансовых компаний и вообще, что называется, были «на содержании».

Социологи, в свою очередь, как правило, ограничивались институциональными и культурологическими исследованиями феномена денег. За редким исключением, в основном при исследовании денег в обществах с неразвитыми товарными отношениями, в социологии денег доминировал функциональный подход со всеми его известными познавательными ограничениями. В лучшем случае деньги рассматривались как сложный конфликтный социальный процесс, в ходе которого деньги конституируются в качестве социального института. Предлагаемый нами методологический подход можно определить как онтологический анализ денег. Любая научная дисциплина исходит из неких начальных определений по отношению к объекту своего исследования, на основе которых обычно формируется особая научная парадигма. Таким исходным онтологическим суждением в марксистской социологии, например, является утверждение «человек есть совокупность всех общественных отношений», хотя для философии такого понимания природы человека явно недостаточно. Деньги как онтологическая реальность также проявляют себя по-разному в различных отношениях. «Единые деньги» наподобие единого христианского Бога выступают, по крайней мере, в трех ипостасях: как институт (норма), как символ (механизм коммуникации) и как капитал, то есть ресурс (предмет, вещь), ресурс вокруг которого и по поводу которого в товарно-денежных обществах формируются базовые социальные отношения, прежде всего отношения собственности. Это «божественное» триединство денег и создает основные методологические трудности для социологической теории денег.

Все выделенные «ипостаси» существуют одна через другую, но analytically различимы. На наш взгляд, наиболее актуальным для развития современной социологической теории денег является исследование денег в качестве финансового капитала, поскольку именно в этом качестве деньги проявляют себе не только как форма (институт), но как содержание системообразующих социальных отношений, классовых интересов, позволяющих в определенном смысле определить современные развитые общества как капиталократии.

Библиографические ссылки

1. *Аглиетта М. и Орлеан А.* Деньги между насилием и доверием. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
2. *Маркс К.* Капитал. Т. 1.
3. *Льетар Бернар.* Душа денег. М., 2007.
4. *Голубицкий С.* Свободные деньги Сильвио Гезелля (Freigeld) // Бизнес-журнал. 2007. № 18.
5. *Silvio Gesell.* The Natural Economic Order. Part 4. Ch. 1 Free Money.
6. *Зелизер В.* Социальное значение денег. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. С. 25.
7. *Радаев В. В.* «Доллар доллару рознь»: культурно-исторический подход к денежным отношениям // Экономич. социология. 2014. Т. 5. № 1.
8. *Зелизер В.* Создание множественных денег // Экономич. социология. 2002. Т. 3. № 4. www.ecsoc.msses.ru. С. 58–72.
9. *Зарубина Н. Н.* Влияние денег на социальное конструирование пространства // Ист. психология и социология истории. 2012. Т. 5. № 1.
10. *Гуревич А. Я.* Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007.
11. *Зарубина Н. Н.* Влияние денег на социальное конструирование времени. Динамика нелинейности // Социол. исслед. 2007. № 10.
12. Суверенные деньги против гегемонии банкиров // URL : <http://xkarel.livejournal.com/14545.html>. Дата обращения: 07.06.2013.
13. *Кругман П.* Это не «фискальный обрыв», это бомба // URL : <http://www.vestifinance.ru/articles/20451>. Дата обращения: 03.12.2012.
14. *Соммерс Дж.* Что ждет мировую экономику? // URL : <http://aftershock.su/?q=node/34347>. Дата обращения: 29.07.2013.

2.2. ДЕНЬГИ И ОБЩЕСТВО, ДЕНЬГИ И КУЛЬТУРА

Со времени выдающихся исследований Г. Зиммеля и М. Вебера тема отношений между «цивилизацией денег», обществом и культурой остается в центре внимания теоретической социологии. За это время стали весьма популярными представления о принципиальном конфликте денег и культуры. Влияние денег на культуру и общество чаще всего рассматривается как процесс разрушения традиционных, по сути, христианских ценностей. Растущая под влиянием денег и денежных практик рационализация общественных и межличностных отношений представляется как опасная перспектива. Современное общество рисуется как пространство обезличенных социальных связей, а деньги, выражаясь словами К. Маркса, как «сердце бессердечного мира». Причем если К. Маркс рассматривал религию как институт отчуждения и порабощения личности, то современная секуляризация понимается часто как невосполнимая утрата, а утверждение ин-

струментальной рациональности даже в повседневной культуре представляется как неизбежная и дорогая плата за экономический прогресс. Ставится под сомнение вера в Разум и весь великий просвещенческий проект. Однако проблема влияния денег на культуру и общество выходит далеко за рамки проблемы рационализации культуры. В о - п е р в ы х, деньги и денежные институты сами являются элементом культуры, таким же, например, как власть и политические институты. «Социальные науки понимают культуру прежде всего реалистически, то есть как совокупность продуктов человеческой деятельности, причем продукты эти могут быть материальными, а могут быть и идеями, отвечающими определенным условиям... Культура — это все материальные и нематериальные продукты человеческой деятельности, ценности и признанные способы поведения, объективированные и принятые в любых общностях, передаваемые другим общностям и последующим поколениям». В культуру включаются и материальные продукты, и системы ценностей, социальные институты и образцы поведения, и системы деятельности. «В культуре важно то, что принято или имеет шансы быть принятым группой, что может быть передано другим индивидам или группам» [1, с. 42].

В о - т о р ы х, деньги не угрожали и не угрожают состоянию общественной морали, поскольку моральный прогресс зависит от исторического прогресса в целом, а традиционные общества с неразвитыми рыночными отношениями нельзя представить как более гуманные и человеческие. Денежные отношения могут вступать в конфликт с другими видами социальных отношений, особенно традиционными институтами, но такие конфликты в системе общественных институтов типичны и неизбежны, поскольку каждый институт стремится к расширению своего влияния и претендует на полномочия других институтов. Тем не менее деньги и цивилизация, деньги и прогресс всегда шли рука об руку.

Деньги как социальный институт, помимо предусмотренных экономических функций, проявляют себя и за пределами чисто экономических отношений, в ряде социальных взаимодействий деньги дисфункциональны, можно обнаружить и скрытые, латентные влияния денег на общественные отношения. Естественно, что институт денег переживает трансформации, присущие всем другим институтам. Общество заинтересовано в том, чтобы денежные и финансовые институты функционировали исправно, поддерживали социальный порядок в сфере денежных отношений, способствовали экономическому росту, росту социального и политического потенциала государства. Как и другие институты, деньги функционируют на основе формальных бюрократических организаций (финансовые власти, центральные и коммерческие банки, налоговые учреждения и др.), они подвержены своего рода «болезням», присущим всем социальным институтам. М. Вебер называл социальные институты «фабриками по про-

изводству социальных связей». Институт денег является такой «фабрикой» по производству и воспроизводству социальных связей в самых различных сферах общественной жизни, от отношений обмена, распределения ресурсов и капитала до семейных отношений и искусства. Институту денег присущи все типичные функции социальных институтов: удовлетворение различного рода общественных потребностей, воспроизводство общественных отношений, регулятивная функция, интегративная функция, обеспечение стабильности социальных отношений, накопление и передача социального опыта, коммуникативная функция. Денежные отношения также соответствуют общим принципам социального взаимодействия, являются одной из разновидностей социальных отношений. Социальные отношения обычно определяют как систему нормированного социального взаимодействия по поводу определенных целей (платформы взаимодействия). Особенность денег как социального феномена в том, что деньги являются одновременно и социальной нормой, регулирующей отношения обмена, и целью, предметом, платформой отношений. **Денежные отношения — это отношения посредством денег и по поводу денег.** А это означает, что деньги в качестве универсального ресурса неизбежно проникают практически во все сферы общественной жизни.

Экономисты выделяют пять основных экономических функций денег: мера стоимости, средство обращения, средство накопления и сбережения, средство платежа и мировые деньги. Но помимо экономических функций деньги выполняют по отношению к обществу также ряд специфических социальных функций. Существуют различные классификации социальных функций денег, но все они исходят из того, что со времени своего возникновения деньги являлись социальным институтом. При этом часто упускается из виду, что влияние денег на общество определяется также и тем, что деньги — это ценность, универсальный ресурс, доступ к которому влияет, например, на такие статусные характеристики, как богатство, власть, престиж, что деньги могут выступать не только в качестве инструментальной, но и терминальной ценности. Деньги оказывают воздействие на общественную жизнь по различным каналам социального влияния, но главный из них — система социального целеполагания. Целеполагание органично связано с ценностями, потребностями, интересами, мотивами, ориентациями и установками. Деньги являются одной из приоритетных социальных ценностей в любом обществе, основанном на товарно-денежных отношениях, они открывают возможности для удовлетворения самых разнообразных потребностей, непосредственно влияют на интересы социальных групп, наконец, деньги являются таким же мощным мотивационным стимулом, как власть, вера, идеология.

В определенных ситуациях деньги превращаются в доминирующую (терминальную) ценность. Современное общество потому и называется капи-

талистическим, что производство капитала становится основной целью господствующего класса, непосредственно влияющей на принятие решений на всех уровнях социального взаимодействия. При этом даже политическая власть уступает место капиталу, превращается в социальную машину, работающую на расширенное воспроизводство денежного капитала. Финансовый капитал является основой основ капиталистического общества и в качестве базисной ценности находится в центре системы социального целеполагания. Такое положение сложилось не сразу. Соперничество «злата» и «булата» продолжалось столетиями с переменным успехом. И эта историческая эпопея завершилась тем, что сейчас обозначают терминами «финансализация», «финансокрация», «капиталократия». Фактически система целеполагания не только национальных сообществ, но и глобального общества попала под полный контроль международного финансового капитала.

Т. Парсонс, как известно, выделил в любой социальной системе четыре основные подсистемы: адаптации, интеграции, целедостижения и латентность (формула AGIL). Основные функции этих подсистем выполняют соответственно: экономика, право, политика и культура. Роль денег в системе адаптации исторически первична и вполне понятна. Однако на протяжении всей истории деньги усиливали свое проникновение во все подсистемы общества. И первой их целью, а часто и жертвой, была политическая власть. Конечно, власть денег вытекает прежде всего из их экономических функций. Но по мере развития товарно-денежных отношений политическая власть все более и более попадала в зависимость от денежного капитала, вынуждена была, что называется, делиться властью с частными деньгами, то есть все более и более допускать денежный капитал к системе принятия политических и социальных решений, то есть к системе социального целеполагания. С иронией, но с большой долей правды гласит один из политических принципов Тодда: «Неважно, что вам говорят, — вам говорят не всю правду. Неважно, о чем говорят, — речь всегда идет о деньгах». Суть исторического процесса проникновения денег во власть удачно выражена в афоризме: «Маленькие деньги — базар, средние деньги — рынок, большие деньги — политика».

Проникновение «больших денег» в политику, однако, часто бывает опасным и для политиков, и для банкиров, и, конечно, для общества. Еще Шарль Монтескье заметил: «Финансисты поддерживают государство, как веревка — висельника». В итоге создается крайне противоречивая система социального целеполагания, неспособная сбалансировать интересы основных игроков и угрожающая нормальному развитию всей социальной системы. Это особенно хорошо видно на примере последнего глобального финансового кризиса. С 70-х гг. прошлого века финансовые кланы взяли под полный контроль назначение руководителей финансовых властей

в США. Под их давлением были приняты политические решения, загнавшие мировое хозяйство в ситуацию полной неопределенности. Традиционная антициклическая денежная политика уже не работает, а чем закончатся нынешние монетаристские эксперименты — никто не знает. Но вместе с тем большие деньги не могут быть вне политики. Это стало ясно еще в Англии в XVII в. Успешное управление денежным капиталом, то есть базовым ресурсом общества, без участия самих владельцев капитала — полный абсурд. Современная история дала нам пример создания эффективной системы социального целеполагания на базе компромисса интересов денежного, промышленного капитала и наемного труда, а именно реализации проекта «государства социального партнерства» в северных странах Западной Европы. Реализация этого проекта — исторически уникальное достижение западно-европейских социал-демократов. Деньги, власть и наемный труд пошли навстречу друг другу. Проект «государства социального партнерства» — единственный социальный проект, который история пока еще не поставила под сомнение. Но и этому великому проекту угрожает конкуренция с новыми экономиками, основанными на эксплуатации квалифицированной, но дешевой рабочей силы и быстрорастущей власти нуворишей.

Не менее впечатляющей является история и роль денег в процессах интеграции социальных систем. Исторически деньгам предшествовали социальные связи и зависимости, основанные на простейших формах разделения труда, обмена, морали, обычая и традиции. Но именно деньги стали великим интегратором в качестве социального института и яблоком раздора в качестве самого привлекательного экономического и социального ресурса. Со времен Ф. Тенниса многие эксперты полагают, что в атомизирующемся обществе деньги оказываются чуть ли не единственным интегрирующим институтом, способным связать массу разобщенных индивидов в социальное целое. Это, конечно, явное преувеличение. Тем не менее «мир, связи, в котором опосредованы деньгами, гораздо обширнее и разнообразнее мира, основанного на естественных, межличностных или идеологических связях. Традиционная общность потребляет лишь то, что производится внутри нее; с введением рыночных отношений люди получают доступ ко всему, что можно купить за деньги, к товарам и продуктам, информации и услугам» [2, с. 14].

Такие традиционные институты социальной интеграции, как мораль, обычное право, религия, достаточно долго и успешно сопротивлялись росту социального влияния денег. Денежные отношения выносились за пределы традиционной социальной территории хозяйственной деятельности и передавались в руки маргинальных социальных групп, находившихся за пределами социальной структуры, на которых не распространялось местное обычное право и религиозная мораль. В традиционных обществах интеграция обеспечивалась хозяйством и институтами, ориентированными

на удовлетворение потребностей местного сообщества. Долгое время извлечением денежной прибыли за счет внешней торговли и ростовщичества занимались «чужаки», не попадавшие под регламентацию местных институтов. «Этот феномен известен социологам и историкам как особая предпринимательская активность этнических и религиозных меньшинств, обусловленная их слабыми социальными связями с местным окружением. Изначально вовлеченные в межличностные связи автохтоны должны были следовать принципам личной лояльности, из которых вытекает позиция “дара” или “услуги”, а не эквивалентного обмена, патернализма, а не формально-безличных сделок и договоров. Но рыночный обмен и денежные отношения требуют известной свободы и независимости от социальных ограничений, обусловленных автохтонностью» [3, с. 29]. Денежные отношения подрывали эту локализацию местных сообществ, создавали объективное пространство для формирования больших социальных объединений. Например, развитие первых государств было связано с внедрением денежного обращения, чеканки монет и постепенным распространением взимания налогов в денежной форме, наряду с натуральными сборами. И хотя натуральные формы обмена и налогообложения преобладали вплоть до позднего Средневековья, уже в древних государствах появляются финансы как важнейший интеграционный институт любого государства.

Углубление разделения труда неизбежно ведет к дифференциации, к усложнению социальной структуры общества. Традиционные институты уже не могут в достаточной степени обеспечить интеграцию этого нового социального разнообразия групп, ценностей и интересов. «Развитие отношений обмена ведет к их большей самостоятельности, независимости, дает возможность действовать для достижения своих индивидуальных интересов. С другой стороны, роль “интегрирующих” общественных институтов ослабевает: меньшее влияние на жизнь людей оказывают родственные, семейные связи; власть ослабляет свой контроль за экономической сферой, позволяя ей функционировать на основе спроса-предложения, на основе рыночного регулирования, и, как следствие, уменьшается ее значение в других сферах общественной жизни. Даже культура уже не оказывает такого интегрирующего влияния, как прежде, поскольку, с одной стороны, обособляется в отдельную сферу общественной деятельности, а с другой — сама дифференцируется, распадается на узкие, специализированные отрасли. В этих условиях усиливающейся атомизации общественного организма деньги выполняют важную роль в качестве одного из интегрирующих элементов, объединяющих общество, который не только не препятствует, но, наоборот, стимулирует дальнейший процесс развития разделения труда и дифференциации» [4, с. 43–44].

Интеграция в общество посредством денег расширяет пространство доступных социальных контактов и связей, открывает доступ в ранее закры-

тые сообщества, позволяет уменьшить давление традиционных социальных, культурных, этнических и религиозных барьеров. На основе денежных отношений формируются новые идентичности и социальные группы. Например, широко известные «финансовые» меньшинства: «...изгнанные, преследуемые и обездоленные приговорены к постоянной миграции и готовы сменить место жительства в любой момент – циркулировать. Эта навязываемая им мобильность усиливает некоторое сходство между ними и мобильными деньгами. Первые перемещают вторые, вовлеченные в водоворот обмена, при котором легче избежать вмешательства и контроля» [5, с. 415].

Развитие интеграционных процессов возможно только на основе роста социальных контактов и социальной мобильности. Деньги являются одним из самых эффективных ускорителей социальной мобильности. Человек с деньгами если и не чувствует себя «своим» в новой для него социальной среде, по крайней мере, может к этой среде адаптироваться, не опасаясь преследований и изгнания. Аборигены косо смотрят на «чужаков», но охотно принимают их деньги. Эффективность социальной интеграции зависит не только от роста численности социальных контактов, но и от их интенсивности. Денежный оборот ускоряет «социальный оборот», интенсивность социального взаимодействия. В меньшую единицу времени совершается больше социальной работы, «спать» некогда не только деньгам, но и людям, вовлеченным в денежный оборот. Но особенно важным для социальной интеграции является то, что деньги изменяют масштаб социальных контактов, удлиняют цепочки социальных связей, позволяют устанавливать удаленные связи, вплоть, например, до удаленной работы. Так, рынок *freelance* (удаленная работа) сейчас является самым быстрорастущим сегментом рынка труда в развитых странах.

Эти новые дальние связи часто формируются в ущерб ближним межличностным взаимодействиям, действительно лишая нашу жизнь значительной части интимности, чувственности, эмоциональности. «Чтобы не впасть в отчаяние и ничтожество, чтобы не утонуть в человеческом море, индивид старается избегать того, кто рядом с ним, своего соседа по лестничной площадке, своего коллегу по работе. Взамен он стремится установить контакты с удаленными существами, не знакомыми, ограждая себя от риска чрезмерной близости и оставляя за собой возможность прервать отношения в любой момент. Он одновременно хочет узнать об удаленном и сохранить дистанцию» [5, с. 457].

Лучше всего об этой важной тенденции свидетельствует стремительное развитие социальных сетей в интернет-пространстве. Как выразился С. Московичи, люди, «живя в обществе одних, стремятся разделить общество других». Парадокс состоит в том, что деньги, способствуя формированию более широких идентичностей и социальных связей, в то же время

укрепляют массовое чувство одиночества. «Действие больше не происходит лицом к лицу или телом к телу, но посредством представления, которое наполняет пропасть, отделяющую близкое от дальнего. Можно поверить, что современное одиночество вместо того, чтобы быть состоянием изоляции, отсутствием отношений, в конечном счете, выражает дистанцию по отношению к самому себе, общность с теми, кто находится не здесь» [5, с. 458]. Социальные философы, однако, склонны преувеличивать эти действительно имеющие место тенденции. В их работах, как правило, отсутствует надежная и репрезентативная эмпирическая информация и, следовательно, делаются преувеличенные выводы о деструктивных функциях денег в современном обществе и культуре. Между тем есть много свидетельств о том, что близкие социальные связи и межличностные отношения по-прежнему занимают важное место в жизни современного человека и даже проникают в сферу действия формальных институтов. Специалисты в области менеджмента, например, спорят о последствиях распространения неформальных отношений в корпоративной среде.

Оказывая существенное воздействие на социальную среду, денежные отношения воздействуют одновременно на психологический климат и повседневную жизнь. Обладание деньгами укрепляет чувство стабильности, но одновременно деньги способствуют созданию атмосферы риска, неуверенности в будущем. Как говорится, все течет, все меняется, и денежные рынки лучшее подтверждение этой сентенции. Любой финансовый кризис может оставить миллионы людей без работы, обесценить их сбережения. Институт денег, как и любые другие институты, основан на доверии, но похоже, чтобы сохранить это доверие, лучше не слушать и не смотреть новости, ежедневно сообщающие о финансовых банкротствах, биржевой лихорадке, массовых финансовых мошенничествах. Одна из причин нынешнего затянувшегося экономического кризиса – состояние тревожных ожиданий, утрата доверия к финансовым институтам. В условиях «денежной цивилизации» люди вынуждены адаптироваться к неизбежным рискам. «Постоянная настороженность, внимание к изменениям финансовой ситуации и готовность немедленно реагировать на них – характерная черта современного человека, независимо от профессии и материального положения» [2, с. 15].

Интегрирующая социальная функция денег, как и дисфункция отчуждения, достаточно очевидны и хорошо исследованы. К сожалению, этого нельзя сказать о латентных скрытых социальных функциях денег. В основном этой темой занимаются психологи и социальные психологи. К таким скрытым влияниям часто относят негативное воздействие денег на социальную личность. Денежные отношения, по мнению некоторых социологов, вырывают человека из целостного контекста социальных связей, превращая его в специализированного «охотника за деньгами». Выска-

зываются предположения, что в культуре вообще размывается базисное основание: деление социального пространства на сакральное и профанное. Все социальные связи становятся утилитарными, социальные смыслы сводятся к двум простым целям: зарабатывать и тратить деньги. Под влиянием денег происходит даже чрезмерная для целей интеграции социальных групп стандартизация социальных мотивов и желаний. Действительно, воспроизводство денежного капитала требует платежеспособного потребительского спроса. И рост платежеспособного спроса в связи с развитием рыночного хозяйства с полным основанием можно считать величайшим достижением человеческой цивилизации. В истории не было и не будет обществ, которые добровольно предпочли бы аскезу массовому потреблению. К тому же потребление может быть креативным, способствовать творческому развитию личности. Современное общество, хотя и навязывает часто иррациональные с точки зрения общественных интересов потребительские стандарты, вовсе не воспроизводит некоего абстрактного «одномерного человека» в противовес якобы многомерному человеку традиционного общества. Одномерный человек точно такая же пустая абстракция, как и авторитарная личность. И чем отличается социальная личность, наделенная под влиянием денежных отношений способностью к калькуляции и рациональному мышлению, от личности, лишенной такой способности и реагирующей на все, с чем сталкивается чисто эмоционально? Пожалуй, только способностью к адекватному поведению.

Апологеты «чувственного мира», который якобы исчезает под влиянием расчетливой денежной цивилизации, забывают о фанатиках, в руки которых так часто попадали судьбы народов. Социальная дисфункция отчуждения вытекает не из способности денег быть универсальным измерителем ценностей, а из их функции капитала, из отношений собственности на капитал и присвоение прибавочной стоимости, то есть из отношений эксплуатации, когда одни социальные группы используются для несправедливого обогащения других социальных групп. Товарно-денежные отношения формируют особый тип культуры. Деперсонификация, консюмеризм, ложная система потребностей действительно являются характерными признаками современной культуры. Но одновременно современная рыночная экономика способствовала развитию творческого потенциала общества, открыла дорогу массовому просвещению и образованию, создала новые возможности для творческого развития личности. Влияние денег на общество и культуру противоречиво, и было бы ошибкой просто проклинать «денежную цивилизацию».

В рамках своей теории классового общества К. Маркс акцентировал внимание прежде всего на дисфункциональной, дезинтегрирующей роли денег. М. Гесс еще до К. Маркса назвал деньги квинтэссенцией отчуждения. Тема отчуждения и разрушительной роли денег и сейчас остается

ся одной из центральных в марксистской социологии. Деньги, безусловно, всегда были и остаются инструментом эксплуатации, одной из причин неприемлемого социального неравенства. Но это отдельная тема. В отличие от К. Маркса Г. Зиммель исследовал все аспекты влияния денег на общество, в том числе и позитивную интегрирующую функцию денег. Он, в частности, указывал на то, что деньги создают общее пространство ценностей и мотиваций. Конечно, в любом обществе существуют и сохраняются социальные группы с неденежным целеполаганием и мотивацией (религиозные объединения, идеологически ориентированные сообщества, различные субкультуры, группы девиантного поведения, контркультуры и т. п.). Тем не менее в современных обществах любой вид занятий от предпринимательства до благотворительности, от ведения домашнего хозяйства до занятий искусством нуждается в деньгах. При любом репрезентативном опросе о ценностях деньги всегда занимают почетное призовое место в иерархии ценностей наряду с ценностями семьи и здоровья. А общность ценностей — основа единства культуры и общества. В обществах с развитыми товарно-денежными отношениями деньги становятся не просто основным мотивом, но и важнейшим стимулом социальной и трудовой активности, в том числе социальной мобильности. Деньги — один из важнейших факторов производства социальной энергии. При всем критическом отношении к капитализму как социальной системе К. Маркс постоянно подчеркивал, что капитал открыл дорогу невиданному ранее развитию производительных сил общества.

Любые социальные системы основаны на стандартизации ценностных ориентаций и социальных мотивов. Деньги, как отмечал Г. Зиммель, приводят к общему знаменателю самые разнообразные потребности людей, выполняют одновременно функции универсального средства достижения цели и универсальной цели. Таким образом, деньги становятся универсальным эталоном, измеряющим степень достижения цели, социальный статус классов, групп и индивидов. Эта функция социального эталона создает иллюзию, что деньги сами по себе порождают социальное неравенство. Классовое и социальное неравенство является естественным следствием разделения труда и отношений собственности. Деньги не обладают какой-то имманентной функцией воспроизводства социального неравенства. Не деньги сами по себе, но исторически определенные денежные практики, а именно использование денег в качестве капитала, непосредственно влияют на воспроизводство классовый и социальной структуры капиталистического общества. Общества, существенно отличающиеся по уровню социального неравенства (коэффициенту Джени), обычно ничем не отличаются по типу используемой денежной системы. С. Гезель мечтал ограничить использование денег лишь функцией средства обращения. Скорее всего, это чистая утопия для товарно-денежной экономи-

ки. Подобные денежные практики лишили бы деньги их важнейшего качества — способности быть капиталом. Денежный капитал — самая совершенная форма капитала, придающая ему такие преимущественные качества, как ликвидность, мобильность, широкий горизонт возможных применений, обратимость и др. Естественно, что финансовый капитал, как и другие формы капитала, включен в систему конфликтных отношений между трудом и капиталом. В современных обществах финансовый капитал занимает высшие статусные позиции и несет прямую ответственность за растущее социальное неравенство и постоянно возникающие экономические кризисы. Однако грехи финансового капитала часто несправедливо приписываются деньгам как таковым, как универсальному средству обмена и социального взаимодействия. Конечно, денежные отношения «вмещиваются» в функционирование стратификационных систем общества, но не создают эти системы. Биржевой спекулянт может получить сомнительное богатство, множество участников рынка в современных обществах делают деньги из денег, то есть являются социальными паразитами. Стратификация — упорядоченное неравенство. История знает три основные системы стратификации: касты, сословия и классы. Современная классовая система стратификации базируется на частной собственности на капитал. Поэтому деньги участвуют в создании и воспроизводстве системы стратификации лишь в той степени, в какой общество ограничивает обществление капитала и не ограничивает присвоение прибыли на все формы частного капитала, и от того, как общество перераспределяет совокупный доход на капитал через систему фискальной политики. Богатство измеряется в деньгах, но не всякое богатство гарантирует высокий социальный статус. Нувориши часто вынуждены были добиваться общественного признания, покупая аристократические титулы или вступая в родство с уважаемыми, хотя и бедными, семействами. Деньгам вообще часто приписывают свойства, которые им непосредственно не присущи, а вытекают из характера производственных отношений. Г. Зиммель, например, часто ссылается на эмансипирующую роль денег. Деньги в данном случае лишь выражают характер общественных отношений, основанных на неограниченной частной собственности, свободе предпринимательства и свободной конкуренции, в том числе на рынке труда. Социальные свойства денег, следовательно, определяются характером общественных, и прежде всего производственных, отношений или общественной формацией по терминологии К. Маркса. Капиталистическое общество расширило пространство рыночных отношений, а деньги стали публичным индикатором социальных статусов и социальных зависимостей. В таком обществе буквально все поддается капитализации и измеряется в деньгах.

Деньги — важный элемент интеграционной подсистемы общества еще и потому, что являются одним из элементов, обеспечивающих экономическую и социальную коммуникацию. Каждый день множество участников

экономической деятельности ждут новостей с финансовых рынков, внимательно следят за валютными и фондовыми индексами. Деньги стали международным языком современной экономики. Часто этот язык используется для манипуляций и даже преднамеренного обмана участников рынка. В том состоянии, в котором сейчас находится мировая экономика, инвесторы с недоумением смотрят на скачущие фондовые индексы и ломают головы над тем, что это значит. Совсем недавно мировое сообщество получило урок такого «языкового» мошенничества — аферу на триллионы долларов. Ежедневно Британская банковская ассоциация устанавливает лондонскую межбанковскую ставку предложения по межбанковским кредитам Libor. На основе этой средней ставки формируются ставки по межбанковским корпоративным кредитам для всего мирового банковского сектора. И вдруг в конце 2010 г. возникли подозрения, что этой ставкой могли манипулировать. Под подозрение попали крупнейшие мировые банки. Скрывая, что стоимость заёмных средств растет, банки поддерживали видимость финансовой устойчивости. Известный финансовый эксперт Марк Саншайн так оценил ситуацию: «Несколько сотен людей, находящихся в одном городе и в непосредственной близости друг от друга, устанавливали ставку, которая влияла на рынок объемом в триллионы долларов. При этом контроля за процессом почти не было». По оценкам экспертов, выявленные злоупотребления банков по кредитам с использованием Libor достигают примерно 10 трлн долл. [6]. По существу, каналы международной финансовой коммуникации были использованы для совершения крупнейшего за всю экономическую историю мошенничества, и никто не понес существенного наказания. В современной экономике многочисленные денежные индикаторы постоянно рассылают сигналы о состоянии здоровья общества. Для нормального функционирования экономики важно, чтобы финансовые власти и участники рынков говорили на одном денежном языке, чтобы они одинаково интерпретировали сигналы денежных рынков.

«Способность денег устанавливать не только экономические, но и социальные связи отмечена еще К. Марксом, который назвал их “узами всех уз”». В социологической литературе деньги в качестве средства социальной коммуникации часто описываются прямо противоположными свойствами и характеристиками. В работах Г. Зиммеля, К. Поланьи, С. Московичи, М. Маклюэна и других исследователей деньги уподобляются “универсальному языку” современного общества. Ж. Бодрийяр рассматривает виртуальные деньги постмодернистской экономики как «код», которым “помечены” практически все сферы жизни. Э. Гидденс видит в деньгах одну из базовых “символических систем”, обеспечивающих освобождение общественных институтов от локальной привязки, их универсализацию в глобальном масштабе. В противоположность этому “универсалистскому” подходу В. Зелизер обосновывает

вает концепцию “создания множественных денег” как специфических “диалектов” различных социальных групп для разных типов отношений» [7, с. 3].

В архаичных обществах деньги также использовались для организации коммуникативного пространства и поддержания социальной структуры. Применялись различные виды денег для различных видов деятельности и обмена. Фрагментации социальных отношений соответствовала фрагментация денежных средств: одни натуральные деньги использовались как средство платежа, другие – как мера стоимости или накопления. Специальные деньги применялись для разрешения проблем в конкретных ситуациях. Например, одними предметами выплачивали подати, другими – платили за жену. Хозяйственные функции таких натуральных денег были вплетены в социальные коммуникации. Универсальные деньги, позволяющие связать и сопоставить различные социальные практики, появились только с формированием развитых товарно-денежных отношений. Такие деньги позволяли выйти за границы локальных сообществ, создавали новое коммуникативное пространство. Параллельно шел процесс символизации денег.

Современные деньги вообще утратили связь с деньгами, какими пользовалось общество еще несколько столетий назад. Начало процессу символизации денег положила чеканка монет. Металл, из которого сделаны монеты, утрачивает потребительские свойства и приобретает свойства, необходимые для средства обращения – унификация, стандартизация, государственные гарантии и нормы обращения. Деньги становятся просто посредниками, их потребительские свойства уже не имеют значения. От денег больше не требуются какие-либо физические свойства, кроме невозможности подделки. Появляется номинал, то есть символическое выражение обменной способности денежной единицы. «Важным для общества свойством номинала денежной единицы является его независимость от физических характеристик носителя... Появление номинала денежной единицы, то есть некоей условности, нарисованной на куске бумаги или выбитой на монете, стало для общества своеобразным ящиком Пандоры, дверью в другое – денежное – измерение мира. То есть вещи этого мира, помимо всем понятных и доступных физических измерений – объема, веса, цвета, формы, – обрели новое качество, новое измерение – стоимостное (или денежное). И это новое измерение стало жить своей жизнью, своей виртуальной жизнью, постепенно усложняясь, разбухая и вовлекая в условности своего существования все большую часть реального общества» [8]. Социальный мир всегда наполнен символами, закреплёнными в многочисленных мифах, обычаях, обрядах. Но денежная символизация доводит этот процесс до предельной точки, когда полностью утрачивается какая-либо связь, сходство между предметом и замещающим его символом. Номинал, чистое число, может быть приписано к любому предмету, идее,

отношению, словом, весь социальный мир может быть представлен в виде денежного знака.

Вершиной исторического процесса символизации денег можно считать появление «электронных» денег. Казалось бы, электронные деньги окончательно утрачивают связь с физическим миром, но это не совсем так. Связь между виртуальными финансами и миром реальной экономики напоминает отношения между сакральным и профанным миром в религиозной семиотической системе. Две эти области, в которых протекает жизнь верующего, взаимно исключают и взаимно предполагают друг друга. Фондовые биржи напоминают святилища, куда простой смертный предприниматель из реального сектора экономики может прийти, вознести молитву богу денег (поиграть на понижение или повышение) и укрепить надежду на финансовое чудо. Современная экономика, как и вся система социальных связей, стала настолько сложной, что для ее функционирования потребовалась еще более сложная управляющая система систем. Символические деньги, особенно электронные, стали такой новой коммуникативной и управляющей системой, которая, в принципе, не может слиться с управляемой, но и не может существовать без нее.

Любая коммуникация между людьми предполагает наличие общей знаковой системы. Одной из основных характеристик культуры является наименование, оценка явления с целью определения его места в социальном мире и социокультурном опыте сообщества. Осуществляется этот процесс с помощью приписывания явлениям значения и обозначения (знака). Деньги мы тоже называем денежными знаками. Но что обозначают денежные знаки?

Денежный знак обозначает место предмета, явления, события в пространстве обменных отношений, его способность быть представленным в другом предмете или услуге. Деньги как символические знаки упорядочивают предметный мир, делают обменные отношения понятными и предсказуемыми. Их главным свойством является способность максимально упрощать обменные отношения, так сказать, укорачивать товарообменные цепочки. Символические деньги идеально соответствуют своим основным функциям: меры стоимости и средства обращения. Но они также структурируют социокультурный мир, маркируют социальные роли, обеспечивают социальную связь между явлениями, ранее не совместимыми. Больше не надо смывать позор собственной кровью, достаточно выплатить штраф общими для всех денежными знаками, не надо вызывать обидчика на дуэль, проще наказать его денежной компенсацией, на всякий случай заключить брачный контракт и т. д.

Конечно, символические денежные системы не первые и не единственные. Каждая символическая система придает миру социальных фактов особые смыслы и ограничивает пространство или область своего приме-

нения. Например, религиозное представление о мире строится на противопоставлении сакрального и профанного. Каждая из этих областей наделяется определенными смыслами и репрезентируется в определенных символах-знаках. Символические деньги также наделяют социальные явления новыми коннотациями. Они делают безотносительное относительным, призывают к разговору всех со всеми. В отличие от других символических систем (религиозных, идеологических, моральных) денежная символическая система универсальна. Это своего рода эсперанто современного глобального общества, универсальный язык общения для всех, независимо от социальных и культурных барьеров. Символические деньги — это великий переводчик со всех символических языков мира. Как фотон является частицей-переносчиком электромагнитных сил, так и современные деньги стали универсальным посредником (средством коммуникации) в поле социального взаимодействия. Символические деньги принципиально меняют пространство социальной коммуникации. «Поэтому историческое становление единой валютной системы — символических денег — сопряжено с разрушением архаичного трайбализма и всех его социокультурных атрибутов, оно встречает явное или скрытое сопротивление и неприятие на всех этапах своего развития. Процессы становления единых рынков, формальных юридических отношений гражданского общества и единой национальной валюты на место множественных денежных единиц, служащих локальным целям, шли параллельно, и каждый из них был болезненной ломкой сложившихся принципов социальной коммуникации. Окончательное оформление денег в качестве единой символической системы было сопряжено не только с развитием рыночной экономики и превращением товарно-денежных отношений в доминирующие, но и базировалось на развитии других универсальных коммуникационных систем, среди которых принципиально важную роль сыграло книгопечатание» [7, с. 5].

Возможно, электронные деньги станут основой формирования нового типа социальной коммуникации, окажут такое же революционное воздействие на культуру, как книгопечатание. Уже сейчас деньги все активнее вторгаются в святая святых любой культуры — культурный отбор. В культуре будет сохраняться то, что получает санкцию не только в традиционных символических системах, но и то, что оценено в денежных знаках, находит достойное место в мире, пропущенном через фильтры денежных символов. Это не означает, что символические деньги обеспечивают безупречную оценку социальных явлений, что они выстраивают иерархию предпочтений, полностью отвечающую интересам всего общества и прогресса. На эту важнейшую функцию претендуют религия, мораль, экспертные группы, авторитет которых опирается не на деньги, а общественное признание. Соперничест-

во морали и денежной культуры — традиционное соперничество. Философы напоминают, что любое явление может превращаться в свою противоположность. И хотя эти уважаемые джентльмены в современном мире не обладают высокой капитализацией, к ним следует прислушаться. Утилитаризм денежных семиотических систем не только открывает новые перспективы, но и порождает новые проблемы. Символические деньги задают определенные иерархии ценностей по принципу капитализации, но эти иерархии могут вступать в противоречие с системами ценностей воспроизводимых другими символическими системами, то есть создавать глобальные конфликты в коммуникативной системе общества. Каким, например, может быть общение между успешным брокером-спекулянтом и безработным, предприятие которого закрылось в результате этих финансовых спекуляций.

Характерным примером нарушений в системе денежной коммуникации является нынешний глобальный экономический кризис. Деньги — не только средство коммуникации, но и ее содержание. Финансовое сообщество постоянно производит множество сообщений о состоянии рынков. Финансовые власти часто посылают рынкам непонятные сигналы. После очередного брифинга руководителей центральных банков участники рынка гадают: когда и будет ли прекращена политика дешевых денег? «Ситуация на рынках сегодня чем-то напоминает фантастическое кино. Герои таких фильмов вдруг оказываются в некой “неопознанной зоне” — высаживаются на неизведанной планете и заносят на космический корабль яйцо инопланетного монстра, спускаются в пещеру, появившуюся после падения метеорита, и выпускают на Землю споры ядовитых инопланетных растений и т. д. После этого жизнь в мире навсегда меняется. Подобный “эффект чужого” на финансовый сектор оказала политика нулевых ставок ведущих Централных банков» [9]. Реальный сектор экономики оперирует не только денежными символами, но и подчиняется предметной логике спроса и предложения. Во время кризиса он все чаще не может рационально интерпретировать сообщения, исходящие от финансовых властей, потому что они откровенно противоречат законам классического рынка, привычным для бизнес-сообщества правилам игры. Нормальная коммуникация между финансовым и реальным секторами экономики, между экономическими и социальными институтами общества нарушается. Известный российский экономист профессор В. Ю. Катаонов вообще интерпретирует исходящие в последнее время от финансовых властей сигналы об отрицательных процентных ставках как вопль утопающего: «Думаю, что даже у проницательного Маркса не хватило фантазии представить, что процент может стать отрицательным. Отрицательные процентные ставки по банковским депозитам — неизбежное следствие и свидетельство остановки развития реальной экономи-

ки... Отрицательные проценты по депозитам – признак того, что модель экономического и финансового строя, которая выстраивалась ростовщиками на протяжении XIX–XX вв., стала давать перебои и фактически разваливается на наших глазах. Мы становимся свидетелями (а отчасти и участниками) процесса перехода мира к другой финансово-экономической модели. Так что за введением банками отрицательных процентов могут последовать гораздо более серьезные события. Например, принятие банкерами решения об “обнулении” в глобальных масштабах всех финансовых требований и обязательств. В новой модели роль денег резко сократится, а их функции будут иными, чем сейчас» [10]. Правда, среди «специалистов» немало сторонников использования отрицательной процентной ставки как инструмента спасения рыночной экономики и реанимации рынка ссудного капитала, сектора корпоративного и потребительского кредитования.

Трудности перевода с языка финансовых рынков на язык товарного обмена возникают и по причине того, что символические деньги сами становятся товаром, создающим свои изолированные рынки. При этом финансовые рынки разрастаются до невероятных размеров и переходят на свой собственный сленг общения. Обычному предпринимателю просто не понять, о чем между собой говорят эти толпы брокеров, трейдеров и финансовых аналитиков. Гипертрофированное развитие финансовых рынков дало повод многим социальным философам рассматривать современные денежные системы как особую реальность, утратившую связь с предметным миром товарно-денежных отношений и вообще с социальными практиками потребительской культуры. Ж. Бодрийяр, например, считает, что символические деньги как знаки рынка в обществе постмодерна окончательно превращаются в симулякры, семиотические знаки, не имеющие означаемого объекта в реальности, то есть не имеющие ничего общего с реальными обменными отношениями [11, с.74]. Подобные рассуждения с точки зрения экономического анализа выглядят довольно странно. Но философы, как им и положено, раньше других «чувствуют», что в мире денег происходит что-то необычное. Действительно, рынки производных ценных бумаг разрослись до таких размеров, что превратили финансовый мир в фантастическое казино. На игровом столе лежат фишки стоимостью в 1500 трлн долл. Игроки перебивают эти фишки от проигравшего к выигравшему и обратно. При этом все прекрасно понимают, что нет такой кассы, в которой эти фишки можно обменять на реальные, так сказать, символические деньги. Этот рынок деривативов действительно выглядит как мир симулякров. Постмодернисты, по-видимому, просто мистифицируют нынешнее ненормальное состояние финансовых рынков, возникшее под влиянием растущих экономических рисков и безответственной кредитно-денежной политики.

Эти риски возникли объективно ввиду экспоненциального роста сложности социальной системы. Финансовые институты не успевают адаптироваться к новой экономической и социальной среде, стихийно возникают новые формы страхования рисков в виде различных экзотических финансовых инструментов, возникли серьезные проблемы абсорбции избыточной ликвидности. Финансовые рынки переполнены «бумажными» активами, не находящими применения в реальном секторе экономики. Самое время для «игровых» денег. В этом глобальном казино деньги утрачивают свои традиционные экономические и коммуникативные функции. Однако экономика не может существовать без обычных символических денег, и никакие семиотические деньги-симулякры их не заменят. Рано или поздно баланс финансовых и товарных рынков будет восстановлен. Но и «игровые» деньги-симулякры сохранятся, хотя, конечно, не в таких гипертрофированных масштабах. Любая денежная система производит побочный продукт, различные денежные суррогаты. Эти псевдоденьги не находят себе места в реальной экономике и перемещаются на площадки виртуальных казино. Утверждают, что казино никогда не проигрывает. Но в данном случае в псевдоказино играют на псевдоденьги и проиграют практически все.

Самые распространенные упреки к символическим деньгам как средству коммуникации касаются опасной формализации языка денег по принципу «мир есть число». Еще К. Маркс писал: «Так как деньги, в качестве существующего и действующего понятия стоимости, смешивают и обменивают все вещи, то они представляют собой всеобщее смешение и подмену всех вещей, т. е. мир наизуворот, перетасовку и подмену всех природных и человеческих качеств» [12, с. 296–297]. Многим мыслителям не нравилось свойство денег выражать конкретные ценности через абстракцию меновой стоимости, сводить качество к количеству. Только ни один философ не предложил альтернативного варианта организации общественного производства и обмена в развитых экономиках. Тема обезличивающего влияния денег на культуру стала очень популярной среди социальных философов. Начало исследований отчуждающей дисфункции денег положил К. Маркс. В последующем Г. Зиммель и М. Вебер продолжили исследования социальной природы денег в более широком социокультурном контексте. В принципе, любое общество, любая культура, любая идеология в той или иной форме выражает свое отношение к деньгам и денежным практикам. И это отношение колебалось от полного отрицания денег до денежного фетишизма. Как уже отмечалось, традиционные религии долго сопротивлялись развитию кредитно-денежных отношений. Осуждению подвергались не столько деньги как таковые, сколько использование денег для обогащения. Но так как без кредита и ссудного процента обойтись было невозможно, ростовщичество

часто оказывалось в руках этнических меньшинств, приобретавших соответствующее экономическое, а в последующем и политическое влияние. В этом, в частности, заключается одна из причин устойчивого антисемитизма. Между тем логика финансового поведения не имеет никакого отношения к этническому или социальному происхождению «хозяев денег». Если бы монополию на мировые деньги установили марсиане, они действовали бы точно так же, как современные финансовые олигархи.

Деньги и денежные системы развивались вместе с исторической эволюцией общества. Деньги рабовладельческого общества отличались от средневековых денег и тем более от современных. При этом они сохраняли основные инвариантные свойства, например деньги всегда были связаны с собственностью. Понимая эту фундаментальную связь, ортодоксальные марксисты приходили к логически неизбежному выводу о необходимости ликвидации товарно-денежных отношений и даже предприняли попытку введения прямого продуктообмена (политика военного коммунизма). Подобная радикальная практика была, скорее всего, вызвана ситуацией гражданской войны и после ее окончания была отменена. Однако правоверные марксисты постоянно ссылались на недвусмысленные указания классиков о невозможности сохранения денег в коммунистическом обществе. Лидерам большевиков приходилось постоянно оправдывать возвращение к практике товарно-денежных отношений особенностями переходного периода. Ежегодный выпуск денег в СССР часто достигал 60–70 % от ВВП. Но делалось это как-то стыдливо. Выпуск денег скрывался не только от общественности, но даже и от части руководства СССР. И скрывался не случайно. Ведь у К. Маркса есть и такие высказывания: «Следовательно, вопрос состоит не в том, откуда происходит прибавочная стоимость, а в том, откуда берутся деньги, в которые превращается прибавочная стоимость» [13, с. 370]. Этот вопрос в СССР так никогда и не был поставлен. Поэтому денежная эмиссия оказалась вне общественного контроля и стала экономической базой номенклатурного перерождения советского общества. Тем не менее советское общество впервые в истории, по крайней мере в таких масштабах, принципиально понизило социальный статус денег как терминальной ценности и предложило реальную альтернативу в виде ценности осмысленного творческого труда, ориентации на творческое и общественное содержание труда. В те времена это называлось коммунистическим отношением к труду. Результаты этого в полном смысле великого социального эксперимента представлены в классическом советском социологическом исследовании «Человек и его работа», опубликованном в 1967 г.

Социологические исследования влияния культуры на денежные отношения в последние десятилетия стали весьма популярны, так как появились конкретные заказчики: банки, страховые общества, маркетинговые

и рекламные агентства. Но не меньший интерес представляют исследования влияния денежных отношений на культуру. Влияние денег на общество и культуру исторически менялось и достигло максимума в современном капиталистическом обществе. Первым классическим исследованием в этой области стала работа Г. Зиммеля «Философия денег», опубликованная в 1900 г. Это исследование, как и другие работы Г. Зиммеля, в последующем были надолго забыты. Интерес к ним возродился в 60-е гг. прошлого столетия, когда Г. Зиммель был включен в почетный список классиков социологии. Культурологическая концепция денег Г. Зиммеля в значительной степени определялась его спекулятивной философией жизни. В своем анализе денег Г. Зиммель активно пользуется категориями отчуждения и реификации. При этом он верит в возможность самосохранения свободной субъективности и эмансипацию личности. Естественная энергия жизни, в принципе, конфликтна по отношению к объективным культурным формам, но в «версии Зиммеля субъективный дух сохраняет решительное превосходство над объективным духом, культура субъекта — над объективной культурой» [14, 4]. Решающую роль в этом историческом процессе взаимодействия жизни и культуры играют, по мнению Г. Зиммеля, интеллект и товарно-денежные отношения. Интеллект и денежные отношения не только порождают отчуждающие объективации (соответствующие социальные институты), приводят к овеществлению и рационализации человеческих отношений, но и расширяют пространство свободы и индивидуализации членов общества. Ю. Хабермас высоко оценил философию культуры Г. Зиммеля, хотя и считает, что ему не удалось решить проблемы диалектики структуры и действия, факта и смысла. Важно также помнить, что Г. Зиммель в конце карьеры был близок к неоромантическому движению, выступавшему с позиций антирационализма против всех «благ цивилизации». Как и всякие романтики, он сожалел об уходящем духе традиционной культуры до урбанизированного общества и был склонен к восприятию культурной эволюции в трагических тонах.

В итоге творческой эволюции вслед за другими представителями философии жизни (А. Шопенгауэром, Ф. Ницше, А. Бергсоном, В. Дильтеем) Г. Зиммель полагал, что «жизненная энергия» в конечном счете обходит и сокрушает любые застывшие культурные формы, как стремительный поток обходит препятствия на своем пути. Художественное творчество, эстетическое отношение к действительности оказываются в центре его социальной философии. Культурные формы, по мнению Г. Зиммеля, никогда полностью не овладевают «субъективным духом», естественными витальными, эстетическими проявлениями жизни. Культурная форма возникает из потребности, но впоследствии приобретает собственные импульсы, собственное существование (наука для науки, искусство для искусства и т. п.).

Центральная тема социальной философии Г. Зиммеля — взаимоотношения индивидуума и общества. Основными факторами, определяющими динамику в системе «индивид — общество», являются интеллект и деньги, денежное хозяйство. В логике формальной социологии Г. Зиммеля рост численности группы является фундаментальным фактором, порождающим сложные социальные связи. Ориентация и успешная адаптация в таких сложных социальных системах требует развитого интеллекта и рационального мышления. Но именно разделение труда и товарно-денежные отношения создают новое пространство социальных связей. История представляется как процесс сопутствующего развития рационализации и денежных отношений. Интеллектуализм и денежное хозяйство в концепции Г. Зиммеля — основные культурные формы обобществления (формы социации). Интеллектуализм лежит в основе индивидуализации общества, а денежные отношения порождают овеществление (реификацию) и рационализацию социальных отношений. Денежная экономика принуждает людей к повседневным счетным операциям, вычислению стоимости, к точному мышлению. Необходимость постоянной калькуляции, постоянного учета возможных прибылей и убытков входит в противоречие с такими естественными проявлениями жизни, как чувственное, эмоциональное, эстетическое отношение к природе, к самому себе и другим людям, становится источником социального отчуждения. Отчуждение и свобода, с точки зрения Г. Зиммеля, неотделимы друг от друга.

Проникновение денег в повседневную культуру, в мир человеческих отношений, по его мнению, приводит ко всеобщему «проституированию», все имеет стоимость, все может быть выставлено на продажу, вопрос только в цене. Человек уже не принадлежит себе, он может выгодно продать свою «душу» или вообще быть проданным. Кстати, именно поэтому Л. Н. Толстой называл деньги худшей формой рабства. «Безразличие, — пишет Зиммель, — с которым они (люди. — *А. Л.*) предаются всякому новому употреблению, легкость, с которой они покидают любого субъекта, ибо поистине не связаны ни с одним; исключаящая всякое сердечное движение, вещьность, свойственная им как чистым средствам, — все это заставляет провести роковую аналогию между деньгами и проституцией» [15, с. 414].

Деньги и интеллект в теоретических построениях Г. Зиммеля неизбежно проникают во все подсистемы общества: культуру, политику и властные отношения, религию, мораль, обеспечивая «стилевое» единство современной культуры. Г. Зиммель приписывает деньгам почти неограниченную власть над людьми, власть, далеко выходящую за пределы экономических отношений. Философия денег Г. Зиммеля, по мнению С. Московичи, основана на принципиальной позиции: «...деньги — это нечто большее, чем историческая сущность, такая, как капитал, большее, чем экономическое

средство. Они представляют собой нить Ариадны, с помощью которой можно исследовать движение нашего общества и, таким образом, человеческую субъективность вообще» [5, с. 371]. Деньги, по Зиммелю, это особая онтологическая реальность, «находящаяся по ту сторону субъективности и объективности». Применяя современные термины, это социальный конструкт, результат обмена как базисного социального взаимодействия, приобретающий свое собственное существование не только в качестве капитала, но и в качестве ценности и института. «Я не один раз заставлял себя на мысли, — пишет С. Московичи, — что Дюркгейм был прав, когда писал по поводу “философии денег”, что связи между рассматриваемыми вопросами слабы и эти вопросы не соотнесены между собой посредством целостной теории. Но идеи Зиммеля никак не назовешь шлаком. Вкратце их можно свести к следующему:

1. Обмен — это форма *suī generis* общества, в которой стоимости объективно существуют.

2. Обмен с самого начала становится экономическим благодаря жертве, на которую идут индивиды.

3. Деньги представляют стоимости и реифицируют их, что позволяет поставить их в отношения друг с другом и сравнивать.

4. Переход от закрытой экономики к открытой совершается путем кортикализации денег, их субстанция стусевывается перед их функцией¹.

5. Кортикализуясь, деньги увеличивают свою способность объективации, то есть дистанцирования благ от людей.

6. В ходе эволюции, направляемой принципом наименьших усилий, деньги обеспечивают превосходство средств обмена и коммуникации стоимостей над целями. Таким образом, они превращаются из средства в цель и в самоцель.

7. Деньги осуществляют жизненную тенденцию объединения различного, сводя качество к количеству, тенденцию, которая становится принципом нашего овладения обществом и природой.

8. По мере того как осуществляется этот процесс, деньги превращаются в чистый символ и денежный код обменов вообще.

9. Распространение монетарной экономики ведет к автономизации мира обмена и придает ему абстрактный и универсальный характер.

10. Господство денег ориентирует нашу культуру на превосходство интеллекта над аффектами, а рациональных операций — над эмпирическими самоделками.

¹ Кортикализация функций — постепенное перемещение контроля над поведенческими и психологическими процессами от подкорки в кору головного мозга. С. Московичи имеет в виду процесс унификации денег, переход от «осязаемых» денег к символическим и далее к семиотическим деньгам.

Вот декалог, очерчивающий феномен денег. Из него можно извлечь изобилие гипотез и догадок. А также немало предсказаний, большая часть которых заранее обречена на то, что их никогда нельзя будет проверить [5, с. 432–433].

В своих последних книгах и статьях Г. Зиммель нарисовал мрачную картину гибели культуры под лавиной капиталистической цивилизации. Хотя он и подчеркивал эмансипирующую роль денег, в итоге деньги представляются им как некий Мефистофель, оптом скупающий человеческие души, освобождая их от самих себя. Другой оценки от видного представителя философии жизни нельзя было и ожидать. Жизнь, субъективный дух все равно возьмет свое, объективирует новые содержания жизни в новые культурные формы, но на то, что происходит в современной «денежной цивилизации», Г. Зиммель смотрит как на трагедию культуры. Оставаясь в жестких рамках своей методологии, Г. Зиммель вообще приходит к выводу, что никакая культура не в состоянии дать адекватную форму выражения жизни и поэтому всякая культурная форма, в принципе, обречена на гибель. Кризис культуры капиталистического общества он понял как гибель культуры. «Философия денег» Г. Зиммеля положила начало целому ряду исследований культуры капиталистического общества (В. Зомбард, М. Вебер, О. Шпенглер и др.) и, к сожалению, способствовала распространению моды на философские спекуляции по поводу денег. Между тем важно помнить, что Г. Зиммель выступал обычно как философ-эссеист, его тексты, несмотря на всю их творческую привлекательность и пронизательные наблюдения, часто не соответствуют строгим нормам эмпирического научного исследования. Сформулированные им идеи, как, например, утверждение о всеобщем опрошении в сфере индивидуальной культуры под влиянием распространения денежных практик и рационализации, не более чем гипотезы.

При всем своем влиянии на современную культуру деньги не всемогущи. Они не стали частью генотипа человека, не изменили его естественной и экзистенциальной природы. В современном мире люди наслаждаются и страдают, любят и ненавидят, проявляют верность и предают, жаждут, переживают, восхищаются красотой и испытывают отвращение от столкновения с безобразным точно так же, как и в старые добрые времена. Нет никаких научных данных, подтверждающих, например, рост массы эгоизма, аморальности, насилия, примитивизации личности современного человека по сравнению с традиционным обществом. В основе концепции культуры и философии денег Г. Зиммеля лежит чисто спекулятивная гипотеза о том, что жизнь естественным образом стремится к внутреннему совершенству, причем это стремление может быть реализовано только через отчуждение в культурные формы. В его концепции парадокс культуры состоит в том, что субъективная жизнь как непрерывный поток не в состоянии достичь

внутреннего совершенства сама по себе и иначе чем в отчужденных формах культуры, то есть институтов, приобретающих самостоятельный онтологический статус. Культура, по мнению Г. Зиммеля, возникает в результате встречи двух субстанций: субъективного духа и социальных объективаций (институтов). Деньги и являются одной из таких кристаллизовавшихся культурных форм, рожденных потребностью в обмене и обретших собственную логику существования и господства над личностью и обществом. Вообще идеализация культуры традиционных обществ с неразвитыми товарно-денежными отношениями вошла в моду еще со времен немецких романтиков, а в социологии после Ф. Тенниса и его знаменитой работы «Община и общество».

Исследования Г. Зиммеля положили начало одному из самых актуальных дискурсов о роли денег в обществе и современной культуре, исследований о «духе капитализма». Часто этот дискурс поднимался до уровня выяснения отношений между культурой и цивилизацией. Стали почти общим местом утверждения о вытеснении духовной культуры под давлением рациональной денежной цивилизации. Многие факты действительно выглядят очень тревожно. Например, коммерциализация детства, превращение культуры в одну из отраслей бизнеса, рационализация межличностных и семейных отношений, денежный фетишизм и др. Э. Фромм сформулировал новую дилемму в названии своей знаменитой книги «Иметь или быть». Проблема в том, что «денежная цивилизация» действительно предъявляет претензии на создание собственной утилитаристской культуры. В этой связи приобретает особую актуальность вопрос о пределах денежной рациональности, о возможных дисфункциях института денег и практикуемых денежных систем, о латентных, неявных социальных функциях денег.

Современное общество живет в постоянном чувстве тревоги, ожидании надвигающейся глобальной финансовой катастрофы. Алармистские настроения проникают даже в среду авторитетных экономистов. Философы предчувствуют надвигающуюся «эпоху перемен». Глобальный финансовый кризис со всей очевидностью продемонстрировал масштабы нравственной деградации финансового истеблишмента. Все говорит о том, что пришло время моральной переоценки практикуемых денежных и кредитных систем, политики финансовых властей и даже требований нравственного очищения денежных отношений. Размышления о деньгах в категориях морали вечная тема в истории общественной мысли. Деньги это добро или зло? А может быть, деньги это нечто находящееся «по ту сторону добра и зла»? Вновь в центре общественного внимания оказываются «проклятые» вопросы о ссудном проценте на денежный капитал, об общественном контроле над производством денег, о корпоративной морали в среде финансового сообщества, о ростовщическом поведении

вроде бы уважаемых финансовых учреждений и растущем влиянии финансовых монополий на политические институты. Неконтролируемое обществом присвоение ссудного процента и частная монополия на денежную эмиссию на протяжении всей истории являются главным источником дисфункции денег. К. Маркс не случайно задавал вопрос: откуда берутся деньги? Денежная эмиссия постоянно используется в целях незаконного перераспределения собственности, то есть откровенного грабежа в масштабах, по сравнению с которыми даже коррупция в высших эшелонах власти выглядит не столь уж опасной практикой. В свою очередь, процентные деньги постоянно стимулируют рост масштабов социального неравенства и, что не менее опасно, подрывают общественную мораль. Анализ нравственного содержания «денежной цивилизации» важен еще и потому, что господство финансового капитала опасно нарушает основные институциональные балансы капиталистического общества, в том числе духовно-нравственные основы общественной жизни. Профессор В. В. Катасонов оценивает сложившуюся ситуацию как приближение Божьего суда: «Нынешний экономический кризис является... «сигналом», а по сути — судом, так как кризис в переводе с греческого означает «суд». Поэтому ссудный процент смело можно назвать подсудным: он неизбежно порождает кризис, причем не только в экономике, но также в политике, социальных отношениях, духовной жизни. Это суд не над отдельным человеком, а над обществом, в котором место Бога заняли деньги, а «хозяином жизни» стал ростовщик, который теперь называется «приличным» словом «банкир»» [16, с. 7].

К сожалению, многим критикам социальной природы ссудного процента действительно остается надеяться разве что на добрую волю Спасителя. Проблема в том, что гуманизм и справедливость слишком часто оказывались экономически неэффективными и проигрывали историческое соревнование агрессивному и алчному капиталу. В. И. Ленин как в воду глядел, когда заявлял, что в конечном счете все решит производительность труда. Сейчас мало кто интересуется историей становления марксизма, а в ней есть много поучительного. Переехав в Лондон в 1849 г., К. Маркс обнаружил процветающее кооперативное движение и увидел в нем прообраз будущего. Но кооперативное движение не выдерживало конкуренции со стороны быстрорастущего промышленного капитала и производства, основанного на принуждении к труду. Не выдержала экономической конкуренции и советская система, как и многочисленные опыты по созданию предприятий на основе трудовой формы собственности в развитых капиталистических странах. Они обычно не выходили за рамки малых и средних предприятий. По-видимому, победа над ссудным процентом если и возможна, то, по К. Марксу, в рамках всемирно-исторического масштаба, то есть когда ресурсы планеты

подойдут к концу. Ссудный процент на денежный капитал является одним из системообразующих факторов капиталистического способа производства. Но рыночная экономика, товарно-денежное хозяйство сами по себе не ставят принципиальных ограничений на эффективное и справедливое общественное управление распределением дохода на денежный капитал. Барьером здесь являются естественный эгоизм и алчность человека, а лучше сказать, классовые эгоистические интересы и отсутствие политической воли. После катастрофы Великой депрессии западному обществу удалось на время укротить аппетиты финансового капитала. Но уже в 1970-е гг. это стало тормозом экономического роста. Политическая власть под давлением банковской олигархии отпустила финансовые вожжи, и карету капитализма понесло так, что она вот-вот развалится. Ни деньги, ни денежные системы, ни ссудный процент не являются изобретением сатаны. Нынешний кризис будет преодолен, но только при условии глубокого реформирования кредитно-денежных систем и финансовой политики. Это будут уже не те деньги, с которыми мы имеем дело сейчас, не тот ссудный процент и не та политическая власть. Исторически назревшие перемены будут болезненными и возможно революционными.

На суде истории процентным деньгам будет трудно оправдаться. Но не меньше исторических грехов и на институтах власти, религии, права и даже морали, которая также часто использовалась для подавления личности и господства. Действие любого социального института основано на балансе насилия и доверия, и этот баланс почти всегда смещался в сторону насилия. В то же время институту кредитных денег есть что записать в свой актив. Без преувеличения можно сказать, что кредит под процент создал современную цивилизацию. Человечество предпринимало множество попыток избавиться от «греховных» процентных денег. Деньги без процента и инфляции всегда были величайшей мечтой человечества. Тем не менее ни один из самых авторитетных экономистов, включая К. Маркса, не считал возможной реализацию этой утопии, по крайней мере, без ликвидации частной собственности на средства производства. Разработкой проекта «беспроцентных денег» занимались главным образом энтузиасты, не входившие в профессиональное академическое сообщество. В 1993 г. вышла в свет книга Маргрит Кеннеди «Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому», ставшая бестселлером в среде критически настроенных по отношению к буржуазному обществу интеллектуалов. Что побудило архитектора, специалиста в области экологии городской среды с докторской степенью, написать книгу о деньгах? Сама М. Кеннеди так определяет свои мотивы: «Однако один из фронтов борьбы, вероятно самый важный, оставался скрытым для меня до 1983 г., а именно: деньготворческая мощь денег или тот факт,

что любое экологическое мероприятие должно измеряться процентами, которые можно получить за свои деньги на рынке капиталов. После того как я поняла еще и различные модели роста в природе и денежном обращении и причины патологического принудительного экономического роста, меня охватила ярость. Я поняла, что 40 лет своей жизни я прожила, не понимая основной предпосылки своего повседневного существования: функцию денег. Я начала больше читать по этой проблеме, дискутировать об этом, а затем и писать, так как почти всегда сталкивалась в кругу друзей, знакомых, коллег и специалистов с одинаковым непониманием. Страх перед тем, что мы или самое позднее наши дети станем свидетелями самой страшной экономической или экологической катастрофы новейшей истории, не покидал меня. До сегодняшнего дня я не могу понять, почему экономисты не наберутся мужества, чтобы сказать нам правду о нашей денежной системе» [17, с. 31].

Защищая экологические проекты, М. Кеннеди столкнулась с непробиваемой стеной эгоистического мира финансов и на собственном опыте пришла к неутешительному выводу: практикуемые ныне денежные системы не способны решить самые острые из глобальных проблем, стоящих перед человечеством, что процентные деньги, в принципе, аморальны. В предисловии к своей книге М. Кеннеди пишет: «Вопрос денег и нашего отношения к ним касается всех. Мир, построенный на жадности и ростовщичестве, недолговечен. Сотрудничество, а не конкуренция должно быть девизом человечества, если человечество хочет выжить» [17, с. 2].

М. Кеннеди бесстрашно вызвала на интеллектуальный поединок оптом всех рыцарей ордена «Святого процента», окопавшегося на Уолл-стрит. Для выявления изъянов в конструкции современной денежной системы, по мнению М. Кеннеди, необходимо избавиться, по крайней мере, от четырех основных заблуждений относительно функции денег. В о п е р ы х, процентные деньги чисто математически порождают экспотенциальный рост, который неизбежно приводит к гибели социальной системы. Продолжительный экспотенциальный рост противоестественен, его нет в живой природе. «За счет взимания процентов и сложных процентов денежные состояния удваиваются через регулярные промежутки времени, то есть они имеют экспоненциальную динамику роста, что и объясняет, почему в прошлом через регулярные промежутки времени возникали сложности с системой денежного обращения, почему возникают они и сейчас. Фактически проценты на кредиты — это рак нашей социальной структуры» [17, с. 4]. М. Кеннеди приводит популярный среди критиков процентных денег пример, демонстрирующий невозможность экспоненциального роста: если бы кто-нибудь в год Рождества Христова вложил капитал в размере 1 пенни под 4 % годовых, то в 1750 г. он смог бы купить золотой шар весом с Землю.

При 5 % годовых он смог бы купить на вырученные деньги такой шар еще в 1403 г., а в 1990 г. его состояние было бы равно стоимости 2200 млрд шаров из золота весом с Землю. Процентные деньги действительно приводят к концентрации капитала в одних руках и нехватки его в других, являются главным источником постоянных кризисов, междоусобиц, войн и революций. Но М. Кеннеди считает, что ссудные деньги порождают постоянный долг, который никогда не будет выплачен и будет висеть как домоклов меч над головой каждого жителя планеты. Решение проблемы М. Кеннеди видит в создании «такой денежной системы, которая соответствовала бы кривой динамики качественного роста». Это, по ее мнению, потребует замены «процентов другим механизмом обеспечения денежного обращения».

Второе заблуждение, по мнению М. Кеннеди, состоит в нашем убеждении, что мы платим проценты только тогда, когда берем деньги в кредит. М. Кеннеди приводит данные официальной статистики, свидетельствующей о том, что выплаты процентов на капитал присутствуют во всех наших расходах, даже если речь идет о самых простых услугах, например плата за пользование питьевой водой. Так, по расчетам Федерального статистического ведомства Германии за 1979 г. 77 % выплат от стоимости аренды квартиры социального жилищного фонда составляли проценты на капитал. «Если бы мы устранили проценты и заменили их на более совершенный механизм, то теоретически большинство из нас стало бы как минимум вдвое богаче или же нам нужно было бы работать для поддержания нашего теперешнего уровня жизни только половину рабочего времени» [17, с. 5].

Третье заблуждение – уверенность в том, что современная денежная система в равной степени служит интересам всех граждан и социальных групп. Однако статистика свидетельствует об обратном. В Германии, например, 80 % населения платят по процентам больше, чем получают, 10 % получают несколько больше, чем платят, а последние 10 % получают в два раза больше, чем платят по процентным долгам. «Это другая, значительно более хитрая и эффективная форма эксплуатации, чем та, которую пытался устранить Маркс. Он был, безусловно, прав, указывая на наличие в сфере производства источника “прибавочной стоимости”». Распределение “прибавочной стоимости”, однако, происходит в значительной доле – в сфере циркуляции денег. Сегодня, в конце длительного периода экономического роста и отделения денег от золотого стандарта, это видится значительно более ясно, чем во времена Маркса. Конец будет характеризоваться тем, что все большие суммы денег будут концентрироваться в руках все меньшего числа индивидуумов и фирм» [17, с. 6]. Хищная рука капитала действительно уже давно вышла за пределы «предприятия». В обществе массового потребления отношения эксплуатации распространяются на все жизненное пространство,

«ростовщик» проник в каждый дом, в каждую семью. Даже советские деньги обслуживали довольно странную систему эксплуатации труда живущих поколений, обещая щедрое вознаграждение будущим поколениям. В современных западных обществах сложилась не менее странная система кредитного стимулирования текущего потребительского спроса за счет долгов, выплата по которым перекладывается на будущие поколения.

Наконец, четвертое заблуждение связано с привычным представлением, будто инфляция является «неотъемлемой частью любой свободной рыночной экономики». Большинство обычных граждан и в самом деле считают инфляцию чем-то естественным, существовавшим всегда и везде. Между тем инфляция является мощным инструментом манипуляции экономикой, например инфляционного списания государственных долгов перед населением за счет денежной эмиссии. Инфляция — еще один способ повышения налогов и самый коварный способ перераспределения общественного богатства. Отчасти поэтому правительства всех ведущих стран мира выбрали инфляционный сценарий борьбы с современным глобальным финансовым и долговым кризисом. Конечно, причины инфляции могут быть разными и даже неэкономическими, но процентные деньги создают долги, из которых проще всего выйти за счет их инфляционного обесценения.

М. Кеннеди предлагает возвратиться к обсуждению проекта «свободных денег» С. Гезелля, предлагавшего сделать деньги государственной услугой, за которую люди отчисляют плату за пользование. «Если сегодня проценты являются выражением частной прибыли, то плата за пользование деньгами стала бы выражением прибыли общественной. Плату следовало бы снова пускать в денежный оборот для поддержания равновесия между объемом денежного обращения и объемом экономической активности. Она стала бы источником общественного дохода, предназначенного для покрытия затрат эмиссионного банка и расходов при обмене денег. Излишки поступали бы, как это происходит и сегодня, в Федеральное казначейство и могли бы направляться на целевое погашение долгов. Такое изменение, каким бы простым оно ни показалось, является решением многих социальных проблем, вызванных в прошлом и настоящем действием процентов и сложных процентов» [17, с. 8].

В 1930-е гг. во время Великой депрессии в различных странах (Австрии, Франции, Германии, Испании, Швейцарии, США) проводились многочисленные и успешные эксперименты по использованию беспроцентных денег для решения местных экономических проблем. Сторонники беспроцентных денег обычно ссылаются на то, что эти успешные денежные практики были остановлены финансовыми властями. Когда более 300 общин в Австрии заинтересовались успешными экспериментами с внедрением местных беспроцентных денег в общине г. Вёргль, Национальный банк Австрии

запретил эту практику. Широкое распространение местных беспроцентных денег действительно угрожало стабильности национальной денежной системы. Движение за деньги с демереджем могло поставить под сомнение основы денежной системы государства. При этом последствия были совершенно не ясными. Поэтому в послевоенные годы это движение сошло на нет. Современные сторонники свободных денег предлагают вводить беспроцентные деньги постепенно, вначале в качестве местных денег, обслуживающих местный рынок. Они рассчитывают, что внедрение таких денег стимулирует прогрессивную земельную и налоговую реформы и что со временем свободные деньги будут вытеснять обычные либо существовать с ними параллельно.

Но современная история уже знает, по крайней мере, две масштабные попытки обуздания «нравственных пороков» ссудных денег: советские деньги и исламский банкинг. Проекты денежной реформы обычно включают два основных пункта: обобществление ссудного процента и плату за хранение денег, то есть за изъятие денег из оборота. Чем дольше вы держите деньги в кошельке и не пускаете их в оборот, тем больше вы теряете (налог за хранение денег).

В СССР ссудный процент был обобществлен, частное кредитование объявлено вне закона. К чему это привело? Процент по государственным кредитам сохранили для стимулирования бережного отношения к заёмным средствам. Процент по кредиту должен был заставлять предприятия действовать эффективно. Тем не менее долгострой стали хронической болезнью советской экономики. Сохранилась также возможность для частных лиц зарабатывать с помощью ссудного процента: существовали сберкнижки (сберкассы), где вкладчик по депозиту получал процентный доход. Существовало потребительское и жилищное кредитование. Вместе с тем государство активно пользовалось монополией на ссудный процент, поскольку конкурентного денежного капитала попросту не было. Хотя государственные займы были добровольными, подписка на них фактически была обязательной. Выплаты по таким займам достигали в среднем от 2 до 3 зарплат в год. Что отличало советскую кредитную систему, так это довольно эффективный государственный контроль над расходованием выделенных кредитных денег и то, что доходы от ссудного процента шли в казну государства, а оттуда, как официально декларировалось, на повышение благосостояния общества. Важно также отметить, что кредитная система в СССР не знает примеров массового кредитного закабаления домохозяйств, как это произошло во время кризиса ипотечных кредитов в 2007–2008 гг. в США, а невозвратные долги предприятий обычно списывались. Правда, в итоге на плаву оставались неконкурентоспособные производства, что и привело в конечном счете всю советскую экономическую систему

к краху. В СССР эмиссию денег, в том числе кредитных, осуществляло государство. Оно же являлось собственником предприятий. И как это уже не раз случалось в истории, государственное монопольное управление финансами не уберегло экономику от тяжелого финансового кризиса. Таким образом, обобществление ссудного процента в СССР не решило ни «нравственных», ни экономических проблем ссудных денег. Если сохраняется ссудный процент, сохраняется и возможность злоупотреблений процентными деньгами независимо от того, кто является заимодавцем (государство или частный капитал). Вообще экономический и социологический анализ практики советской денежной системы еще только предстоит обобщить. Вся экономическая и социальная система СССР представляет огромный интерес для современной науки и, конечно, со временем будет переосмыслена. Предварительно можно отметить, что идеология советских денег была непоследовательной и противоречивой, государство само с себя брало ссудный процент. Это как если бы вы одалживали деньги самому себе. Правда, это не помогло в конечном счете так распорядиться общественным капиталом, чтобы избежать кризиса советской экономики.

Гораздо более последовательной и обоснованной, по крайней мере с точки зрения моральных принципов, является практика исламского банкинга. Исламская религиозная традиция предприняла попытку придать этическим категориям экономическое содержание, требуя от приверженцев ислама экономического поведения, соответствующего моральным нормам шариата. Шариат решительно осуждает ссудный процент, спекулятивный доход и обман в деловых и торговых сделках, то есть любое сокрытие информации от партнера. Знатоки ислама весьма своеобразно критикуют западную банковскую практику, ссылаясь на то, что кредитор, устанавливая фиксированную ставку процента, пытается предугадать волю Аллаха. Концепция исламского банкинга строится на простой экономической идее: кредитор и заемщик — партнеры, совместно разделяющие риски. Банк выступает в качестве инвестора, а заемщик вместо выплаты традиционного процента делит полученную прибыль с банком, а тот, в свою очередь, с вкладчиками. Ссудный процент в этом случае не нужен, поскольку кредитор и предприниматель как бы создают совместное предприятие. При этом размер прибыли заранее неизвестен, известна лишь пропорция разделения возможной прибыли между участниками сделки. Если инвестиционный проект себя не окупит, то банк и его вкладчики разделяют убытки должника. Исламский банкинг, таким образом, принципиально ориентирован на инвестиционную деятельность. Он не торгует деньгами под процент. Кредитные риски не исчезают, но главным становится разделяемый партнерами инвестиционный риск. Конечно, верующим мусульманам не

запрещается пользоваться традиционными банковскими услугами, однако многие из них добровольно отдают предпочтение исламским финансовым институтам. Пропагандисты исламского банкинга любят напоминать о 1,2 млрд мусульман как потенциальных клиентах исламских банков. Деньги с точки зрения этой оригинальной идеологии должны не разделять участников хозяйственной жизни, а объединять их по принципу «деньги как участие в совместном проекте». Относительную устойчивость исламской банковской системы часто объясняют высокой моралью участников сделок, их желанием следовать нормам религиозной этики не только в жизни, но и в деловых отношениях. Мусульманские финансисты разработали и внедрили в практику множество финансовых операций, не противоречащих нормам шариата. За соблюдением норм шариата в банковских операциях следят специальные советы, которые определяют, является ли конкретная сделка «халал» или «хараам» (допустимая или запретная).

Опасаясь обвинений в религиозном фундаментализме, активисты исламского банкинга действовали вначале очень осторожно. Первый исламский банк, действующий по принципу участия в прибылях, был основан в 1963 году в Египте в полусекретной обстановке. В 1970-е гг. был создан Исламский фондовый дом с руководящим центром в г. Женева, аккумулировавший значительную часть резко возросших доходов ряда мусульманских стран от продажи нефти. Постепенно стала создаваться глобальная сеть беспроцентных банковских услуг. Новые банки получали прибыль путем участия в совместных с заемщиками бизнес-проектах как сберегательно-инвестиционные институты. В настоящее время в мире насчитывается около 150 исламских банков и множество других исламских небанковских финансовых учреждений. Деньги в системе исламского банкинга, конечно, не являются бесплатными. Исламский банк в значительно большей степени разделяет с заемщиком инвестиционный риск, чем традиционные банки, а потому может рассчитывать на свою долю прибыли. Поэтому исламские банки часто идут на финансирование проектов и выдачу беспроцентных кредитов даже без обеспечения, хотя косвенным обеспечением всегда является прогнозируемый спрос. Этим они существенно отличаются от традиционных банков. Но, что особенно важно, жесткая регламентация управления денежными фондами исключает неограниченное производство кредитных денег на основе частичного резервирования, не позволяя делать деньги из воздуха. Конечно, монетарные возможности таких банков по сравнению с традиционными банками существенно ограничены, но и риски банкротства значительно меньше. Вместе с тем исламская система консервативна, деньги обычно выделяются под проверенный бизнес, исламские банки не склонны к инновациям.

Спрос на финансовые продукты исламских банков постоянно растет. Совокупные активы исламских банков в 2011 г. достигли 1086 млрд долл. Это примерно 2 % от мировой финансовой системы, но, по прогнозам, уже к 2015 г. объем активов исламских банков вырастет до 2,5 трлн долл. Так в чем же отличие исламских банков от их западных коллег? Ведь и на Западе существует множество инвестиционных финансовых учреждений. Большинство западных банков в предкризисные годы вообще совмещали коммерческую и инвестиционную деятельность. Это совмещение, кстати, и стало одной из основных причин глобального финансового кризиса. По мнению известного российского экономиста и социолога Олега Григорьева, западные и исламские банки «настолько разные, что не поддаются прямому сравнению». Главное отличие исламских финансовых институтов в том, что «вся денежная система на Востоке ориентирована на сохранение социальной структуры общества. Тот, кто дает деньги, — по своему социальному и финансовому статусу всегда выше того, кто берет деньги. В исламской системе не может быть такого, чтобы ты взял у меня деньги, хорошо их вложил и в результате — стал богаче меня! Система работает иначе: я даю тебе кредит и не беру за это проценты — но при этом вхожу в твой бизнес и получаю свою долю прибыли. Наша связка в целом становится богаче, да и ты тоже богатеешь — но дистанция, отношения между нами остаются прежними: я, как и раньше, буду богаче тебя, а ты — беднее меня» [18].

Хотя исламские банки и руководствуются законами шариата, они тем не менее никогда не забывают о финансовых интересах владельцев денег. Кредитор и заемщик вступают в особые иерархические отношения, которые не заканчиваются в связи с завершением сделки. Кредитор берет на себя ответственность за заемщика, приобретает над ним власть, в случае неудачи может по тем или иным причинам наказать, простить или поддержать, дать отсрочку по выплате кредита. Причем, даже расплатившись, заемщик остается обязанным кредитору. Особенности исламского банкинга позволяют лучше понять социальную историю денег и вообще историю частных и общинных финансов: «В восточном мире деньги всегда были и остаются привязанными к иерархии, а власть — всегда переплетается с собственностью. Я дал тебе деньги — значит получил над тобой власть. А деньги у меня есть, потому что я обладаю властью» [18]. В X—XI вв., по оценке О. В. Григорьева, купеческое сословие начало процесс «приватизации» денег, освобождая их от тесной связи с социальной иерархией. Добавим, что с этого времени начинается великое соперничество «злата» и «булата», частных и государственных финансов. Одновременно разошлись финансовые системы Запада и Востока.

Сегодня исламским финансам приписывают прямо чудесные экономические и социальные свойства. Ведущие западные банки открывают у себя

исламские подразделения. Но в действительности практика исламского банкинга не решает ни одной из фундаментальных социальных и экономических проблем денег. Она сохраняет иерархические социальные зависимости и неравенство, не защищает от инфляции, связанной с государственной денежной эмиссией или внешними факторами, не стимулирует к рискам, не представляют исламские банки и тихой финансовой гавани. Адепты исламского банкинга часто ссылаются на высокие моральные принципы этой финансовой системы, но забывают о том, что речь идет о средневековой религиозной морали, не имеющей отношения к современному светскому пониманию социальной справедливости. Клиенты исламских банков платят за беспроцентный кредит своей не только экономической, но и социальной зависимостью от кредитора.

Таким образом, ни советские деньги, ни исламская финансовая система не продемонстрировали каких-либо мотивационных преимуществ и стимулов к инновационной деятельности по сравнению с традиционными ссудными деньгами. Но в обоих случаях была создана целая идеологическая надстройка для легитимации денежной системы. В исламском банкинге это, например, запрет на «игры со временем» вроде спекулятивных фьючерсных сделок, разделение денег на нечистые и чистые «халяльные» деньги, заработанные благочестивыми путями (в советской версии — трудовые деньги). Естественно, открытым остался и вопрос о социальной природе процентных или ссудных денег.

Интернет переполнен проклятиями в адрес ссудных денег. Большой популярностью пользуются документальные и псевдодокументальные фильмы типа «Хозяева денег», «Пирамида долгов». Серьезная и обоснованная критика социальных последствий практики процентных денег представлена во многих научных публикациях, например в последней книге профессора В. Ю. Катасонова «Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» (М., 2013). Практически все критики процентных денег исходят из одной аксиомы: процентные деньги — это всегда долговое рабство. Обычно утверждается, что в системе нет других денег, кроме долговых денег. Поскольку все государства и финансовые учреждения в конечном счете выкупают деньги у центральных банков под процент, то и вся мировая финансовая система — это глобальная пирамида долгов, вечное долговое рабство. На этом тезисе основана вся логическая конструкция: если все деньги в системе выдаются под процент, то откуда взяться деньгам на оплату процентов. При этом не учитываются все другие платежные средства, их эмиссия, оборот, вообще использование ценных бумаг как одной из разновидностей средств платежа в современной экономике. Ссудные деньги, несмотря на всю их «безнравственность», являются неотъемлемой частью рыночной эконо-

мики. В ситуации экономического роста процентные деньги приносят доход не только кредитору, но и заемщику. Более того, кредит является важнейшим фактором экономического роста, а следовательно, общественным благом. Если бы кредит по процентам во всех случаях приносил заемщику убытки, мировая экономика давно бы рухнула и человечество вернулось бы в пещеры. Предъявлять моральные требования к финансовому инструменту вообще некорректно. Финансовый инструмент не может быть ни абсолютным злом, ни абсолютным добром. Никто из экономистов и социологов не отрицает многочисленные негативные эффекты практики ссудных денег, их отрицательного влияния на общественную мораль, социальное неравенство, эксплуатацию, несправедливое распределение общественного богатства. Однако ссудный процент на капитал — системная характеристика товарно-денежного хозяйства. Никакая другая денежная система не создает таких эффективных стимулов к труду и предпринимательской активности, в чем собственно и состоит главная социальная функция денег.

Деньги с демереджем сохраняют возможность накоплений только в натуральной форме, они хороши в периоды финансовых и экономических кризисов, стимулируют потребление, вытягивают деньги из банковских подвалов в открытый оборот. Но в обычной ситуации деньги с отрицательным процентом могут полностью законсервировать движение капитала. «К слову, сейчас в мире как раз такой период, поэтому население предпочитает прятать сбережения под матрацем вместо того, чтобы вкладывать их в покупку товаров. Компании по всему миру также накопили на своих счетах огромное количество кэша, который никак не используется. Если бы в ходу были гезеллевские деньги (деньги с отрицательным процентом. — *А. Л.*) — покупатели и компании были бы вынуждены тратить деньги, и, по крайней мере, кризис ликвидности относительно быстро завершился. Но вслед за этим мы бы обнаружили, что гезеллевские деньги никак не способствуют научно-техническому прогрессу, поскольку прогресс всегда базируется на сбережениях и накоплениях». Возможно, «в современных национальных финансовых системах могли бы параллельно сосуществовать и деньги с демереджем, и обычные деньги. При этом в периоды кризиса на первый план могут выходить деньги с демереджем, а в периоды экономического роста — традиционные деньги» [18].

Беспроцентные деньги подрывают фундаментальные мотивы экономической деятельности, поскольку любая прибыль в рыночной экономике — всегда процент на капитал. Такая денежная система не способна стимулировать технический, а следовательно, и экономический прогресс. Обобществление ссудного процента по советской модели денежной сис-

темы создает неприемлемые риски для эффективного управления и распоряжения экономическими ресурсами. Советская экономика развалилась именно в результате накопления критической массы неэффективных инвестиций. Моральная критика современной денежной системы, как правило, вполне справедлива, опирается на неопровержимые факты массовых финансовых преступлений и негативные нравственные последствия денежного фетишизма. Однако важно помнить, что социальные функции и дисфункции денег взаимосвязаны, нельзя избавиться только от «плохих» денег и оставить только «хорошие» деньги. Нравственная реакция на денежные практики совершенно необходима, поскольку является частью общественного контроля над денежными и финансовыми институтами. Работа денег основана на доверии, а доверие — на общественном контроле. Любой социальный институт — это учреждение, в котором уполномоченные люди должны действовать от имени общества и для блага общества. Но как только общество снижает или вообще утрачивает возможность контроля над деятельностью институтов, последние превращаются в организации, обслуживающие эгоистические интересы чиновников. Именно в таком состоянии оказались современные финансовые институты.

Вместе с тем моральная оппозиция ссудным деньгам не может отменить того простого факта, что никакой другой реальной альтернативы денежной системе, основанной на ссудном проценте, нет ни в прошлом, ни в настоящем. Перефразируя слова У. Черчилля, можно сказать, что ссудные деньги — наихудшая форма денежной системы, за исключением всех остальных, которые пробовались время от времени. Идеальных денежных систем вообще никогда не существовало, все они были следствием противоречивых компромиссов между классовыми интересами и объективными требованиями экономической системы. Современный глобальный финансовый и экономический кризис, возможно, является симптомом назревающей глубокой реформы денежных и финансовых институтов. По сути, реформы денежной и кредитной системы никогда не прекращались. Многие представители политического класса в западных странах вполне осознают необходимость реформирования кредитно-денежной системы. После сложных политических интриг президент Б. Обама 21.07.2010 подписал закон Додда — Франка, предусматривающий самую серьезную реформу Уолл-стрит (финансовой отрасли) после Великой депрессии 1929 г. Закон вступил в силу 15 июля 2011 г. и предполагает целый ряд мер по защите потребителей финансовых услуг от недобросовестной практики банков. Однако 848 страниц основного текста закона и 8843 страницы пояснений и инструкций по его применению оставляют мало надежд на нравственное оздоровление финансовых институтов. Критики закона подозревают, что схема конфискации частных вкладов,

примененная на Кипре, уже предусмотрена этим законом. Борьба против банковских монополий, конечно, будет продолжена. В мае 2013 г. сенатор-демократ от штата Айова Томас Харкин внес в Сенат США законопроект № 985 о восстановлении закона Гласса – Стиголла, принятие и последующая отмена которого оказали в свое время исключительное влияние на развитие финансовой и банковской системы не только США, но и всего мира.

Библиографические ссылки

1. *Щепанский Ян*. Элементарные понятия социологии. М., 1969.
2. *Зарубина Н. Н.* Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности. URL : http://ecsocman.hse.ru/data/247/924/1219/002_zarubina.pdf. Дата обращения: 29.07.2013.
3. *Зарубина Н. Н.* Влияние денег на социальное конструирование пространства // Ист. психология и социология истории. 2012. Т. 5. № 1.
4. *Веселов Ю. В., Мацукова Т. К., Петров А. В.* Основы экономической социологии. СПб., 1998.
5. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 1998.
6. Банки мира. Афера на триллионы долларов 2012. // <http://www.tvernedra.ru/BankimiraAfera.pdf>. Дата обращения: 20.07.2013.
7. *Зарубина Н. Н.* Деньги в социальной коммуникации. http://ecsocman.hse.ru/data/395/973/1219/001_Zarubina.pdf. Дата обращения: 19.08.2013.
8. *Хазин М.* Символизация денег. URL : http://aftershock_3.pdf. Дата обращения: 28.01.2013.
9. *Мохаммед Эль Эриан*. Рынки живут в мире научной фантастики. URL : <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=3403776>. Дата обращения: 12.07.2013.
10. *Катасонов В. Ю.* Отрицательный процент: смертельный симптом капитализма. URL : http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_finansy/otricatelnyy_procent_smertelnyy_simptom_kapitalizma_18062013/. Дата обращения: 29.08.2013.
11. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
12. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Социология. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
13. *Маркс К.* Капитал, М., 1988. Т. 2. Кн. 2.
14. *Хабермас Ю.* Зиммель как диагност времени. URL : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000381/index.shtml>. Дата обращения: 17.08.2013.
15. *Simmel G.* Philosophic des Geldes. 6. Aufl. 1958.
16. *Катасонов В. Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М., 2013.
17. *Кеннеди М.* Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому. 2011.
18. Секреты исламских финансов. URL : http://ideas4future.info/2012/07/01/sekrety_islamskih_finansov/. Дата обращения: 20.07.2013.

2.3. МИКРОСОЦИОЛОГИЯ ДЕНЕГ

Термин «микросоциология» обычно употребляют для обозначения поведенческого подхода к анализу социальных явлений в отличие от институционального подхода, характерного для макросоциологии. На протяжении долгого времени в западной социологии доминировал макросоциологический подход к формированию проблемного поля научных исследований. Становление микросоциологии как самостоятельного направления было стимулировано развитием эмпирических исследований как позитивистского, так и антипозитивистского толка. Кризис масштабных социологических теорий, часто спекулятивных, ориентировал «новую социологию» на исследование процессов первичного социального взаимодействия. Традиционная, в основном позитивистская, социология категорически выступала против любых форм психологического редукционизма и субъективизма. Реформаторы, напротив, настаивали на необходимости исследования субъективных смыслов социальных взаимодействий, рассматривая традиционные макросоциологические категории как эмпирически необоснованные абстракции. Новое содержание микросоциологии придало развитие, начиная с 60-х гг. прошлого века, социологии повседневных практик (символический интеракционизм, этнометодология, феноменологическая социология и др.).

Социология повседневности стала наиболее активно развивающейся областью микросоциологии. Исследования А. Шюца, Г. Гарфинкеля, Ю. Хабермаса и других социологов убедительно свидетельствовали, что полноценный анализ социальных институтов невозможен без выявления смыслов и значений, которые люди придают данным явлениям в межличностных взаимодействиях и повседневных практиках. Смещение научного интереса от анализа социальных фактов к анализу социальных смыслов, от исследования структур к исследованию социальных действий существенно повлияло на формирование предметной области социологии денег. В 1970–90-е гг. были опубликованы эталонные микросоциологические исследования В. Зелизера, посвященные анализу повседневных денежных практик и концептуализации «теории множественных денег». Уже в первой книге «Мораль и рынки: Развитие страхования жизни в США» (1979) В. Зелизер, рассматривая отношение населения США в 30-е гг. XIX в. к страхованию жизни, обратила внимание на социокультурную обусловленность повседневных денежных отношений. Позитивному изменению установок по отношению к страхованию жизни, в частности, способствовали изменения в ценностных ориентациях, прагматизация внутрисемейных отношений и отношений в локальных сообществах. Как замечает по этому поводу В. В. Радаев, происходили «глубокие изменения на ценностном уровне, в том числе фундаментальная трансформация того, что считается “достойной смертью”». Когда-то таковой считалась героическая смерть на поле

брани. Впоследствии все чаще представление о достойной смерти рисовало тихий уход из жизни – в своей постели, в окружении родных, в присутствии священника, отпускающего грехи. Но что более важно, подобные идиллические картины включали и важные элементы финансового свойства. Новая концепция достойной смерти заключалась не только в том, чтобы надлежащим образом прожить свою жизнь. Уйдя из жизни, надо было оставить своим родным приличное содержание... Таким образом, денежные отношения становятся ареной борьбы разных ценностных ориентаций, которые, изменяясь, тянут за собой сугубо финансовые последствия, изменяют содержание денежных отношений, придают им новые символические значения» [1, с. 107].

В своей следующей книге «Оценивая бесценного ребенка» (1985) В. Зелизер представила впечатляющую картину изменений денежных отношений, связанных с положением детей в семье в период с 1830 по 1930 г. В. Зелизер подробно описывает процесс перехода от утилитарного отношения к детям в семье к восприятию их как «дорогое удовольствие». В конечном счете этот процесс, как показали последующие события, привел к крайне опасному социальному явлению – массовой коммерциализации детства, то есть нездоровому вовлечению детства в сферу коммерческих и денежных отношений. Авторы известного документального фильма «Дети-Потребители» оценивают этот процесс как безжалостную эксплуатацию детства изощренными методами детского маркетинга, превратившего детей Америки в один из самых прибыльных потребительских рынков. Оказалось, что эмансипация детства, ликвидация эксплуатации детского труда вовсе не освободили детей от влияния рынка и денежных отношений.

Но наибольший интерес социологической общественности вызвала публикация книги В. Зелизер «Социальное значение денег», вышедшей в 1994 г. Впервые после Г. Зиммеля социология предъявила свои собственные претензии на самостоятельное исследование денег как социального феномена. «Главный тезис книги... состоит в обосновании явления множественности денег, которое противопоставляется более конвенциональному представлению о деньгах как о чем-то однородном и универсальном (причем речь идет не о примитивных, но о современных деньгах – рассматривается период конца XIX – начала XX столетия)» [1, с. 109]. Концепция «множественных денег» В. Зелизер скорее оригинальная гипотеза, чем завершенная социологическая теория денег. Все формы «множественных денег», которые автор выделяет в повседневных денежных практиках, в конечном счете обязаны своим существованием основным экономическим функциям денег и денежных институтов. Но если не придавать этой концепции статуса универсальной социологической теории, то она вполне может претендовать на оригинальную концепцию микросоциологии денег, позволяющую описать многие метаморфозы денежных отношений

в повседневных практиках социального взаимодействия. Представленный В. Зелизер анализ особенно полезен с точки зрения прикладных исследований в области потребительского поведения, маркетинга и рекламы. Кроме того, исследования В. Зелизера способствовали более глубокому пониманию «работы денег» на уровне повседневных ситуаций. В данном случае мы можем говорить о вполне завершенной и оригинальной концепции в рамках микросоциологии денег.

Особое внимание В. Зелизер уделяет анализу «семейных денег». Этой проблеме автор посвящает специальную главу: «Домашнее производство денег». Анализ начинается с «вечного» вопроса — кто и как должен распоряжаться деньгами в семье? Сейчас этот сакраментальный вопрос прозвучал бы как: имеет ли право муж выдавать деньги жене по своему усмотрению или должен выдавать ей зарплату по договору найма? В. Зелизер приводит цитату из популярной пьесы «Мелочевка» («Зарплата для жен»), в которой дочь обращается к отцу: «Ты никогда не был справедлив к матери в денежных вопросах. У тебя было все — твой покер, твои сигары, твоя рыбалка на выходные!.. И именно поэтому я прошу, чтобы ты платил ей определенное жалованье, чтобы она не ходила к тебе как попрошайка за каждым пенни» [2, с. 73]. Затем героиня обращается к своему жениху: «Дэнни, как бы тебе понравилось, если бы босс вызвал тебя и сказал: “Послушай, Дэнни, я не стану платить тебе регулярное жалованье. Я буду лишь делать тебе подарки, когда мне того захочется. Так я буду сознавать, какой же я внимательный и щедрый, и мне будет приятно, что ты благодаришь меня за это. А если тебе что-то понадобится, просто скажи мне, а я уж подумаю, нужно ли тебе это”. Какой мужчина стерпел бы такое?» — спрашивает невеста. У пьесы счастливый конец: мужчины капитулируют, отец обещает дочери платить зарплату ее матери, даже если она пустит эти деньги по ветру, жених понимает, что ждет его в будущем.

Борьба за семейный кошелек не была лишь забавным эпизодом в очередной театральной комедии на Бродвее. В реальной жизни эта драма разыгрывалась за окнами и стенами бесчисленных домохозяйств западного мира. Этот конфликт интересов как раз тот случай, когда масса случайных событий на микроуровне общественных отношений в конечном счете привела к глобальным изменениям всего социума, к оптовому разводу двух половин человечества — мужчин и женщин. Борьба за собственный кошелек это не просто семейные ссоры и конфликты. По сути, речь идет об экзистенциальной проблеме, о массовом бегстве от «других», об атомизации общества, о превращении общественной жизни в броуновское движение индивидов-атомов. Страна одиноких сердец — так называют современную Германию. Только 45 % немецких домохозяйств состоят из полных семей. Каждое пятое домохозяйство в Германии — на плечах матерей-одиночек, постоянно растет и число мужских одиноких «гнездышек». В свое время

Г. Зиммель справедливо заметил, что деньги являются великим эмансипатором. В этом плане ценность личных денег трудно заменить какой-либо другой ценностью. Семейный кошелек постепенно уступает позиции личному кошельку. Как ни велико влияние социокультурных факторов на развитие института семьи, в основе семейных отношений лежат, может быть, к сожалению, материальные и, следовательно, денежные интересы. Но именно о семейных денежных делах мы знаем меньше всего, меньше, чем о насилии в семье или даже о сексе.

Денежные разногласия в домохозяйствах обострялись вместе с ростом индустриализации, женской занятости и постепенно выходили в публичное пространство. «Домашняя “финансовая проблема” стала одной из главных тем журналов и газет, колких писем в редакцию и колонок с советами, предметом собраний в женских клубах и даже проповедей. По наблюдению одного автора, в 1928 г. большая часть ссор между мужьями и женами начиналась с упоминания о деньгах, а не из-за певичек, белокурых официанток, напомаженных танцоров или попутчиков» [2, с. 74]. Появились новые юридические, судебные и процессуальные проблемы. «Считать ли жену вором, если она “стащила” деньги у мужа из брюк? Обладает ли жена правом на содержание? Если она сэкономила деньги на ведении хозяйства, то становились ли эти деньги ее собственными? Могла ли жена открывать кредит в магазине на имя своего мужа?» и др. Причем в денежных спорах суды, как правило, становились на сторону мужей. Конечно, внутрисемейные конфликты из-за денег имели место и раньше. Но в начале XX в. начался слом традиционной внутрисемейной стратификации. До этого времени домашними деньгами в семьях среднего и высшего классов распоряжались в основном мужчины: «настоящая» викторианская женщина должна разбираться в чувствах, а не в финансах. Стремительный рост внутрисемейных денежных конфликтов сделал эту проблему особенно актуальной, публичной, общественно значимой. С ростом доходов домохозяйств обострялся и вопрос о том, как правильно тратить семейные деньги. Появился спрос на информацию по домашней экономике, соответствующие журналы, пособия, учебники. В США в 1920-е гг. началась «великая игра» в семейные целевые деньги. Газеты были забиты рекомендациями о том, как правильно планировать семейный бюджет или как легко и быстро разбогатеть. Миллионы американцев за вечерним семейным ужином с энтузиазмом обсуждали проблемы семейных бюджетов. В. Зелизер называет этот процесс производством множественных денег (деньги на газ, деньги на бакалею, на поезд, на подарки, на церковь, на арендную плату и т. п.). «В большинстве случаев это было не просто накоплением однородного капитала, а дифференцированными сбережениями, что наиболее ярко проявляется в случае “денег на летний отпуск” или “денег на Ро-

ждество», депонированных в популярных рождественских или отпускных клубах, которые играли роль коллективных «свинок-копилок» [2, с. 77].

Эксперты призывали к обезличиванию семейной бухгалтерии подобно бухгалтерии предприятия. Однако такое «нейтральное» планирование семейных денег, естественно, натолкнулось на конфликты внутрисемейных интересов. От обобществления семейных денег в первую очередь «страдали» мужа-кормильцы. Новая семейная демократия порождала конкуренцию за семейные деньги, ставила новые денежные вопросы. В какой степени зарплата мужа становилась общей собственностью, кто имел право распоряжаться этими деньгами, когда они поступали в домашнее хозяйство, должны ли мужа передавать весь свой заработок женам? Сколько мужа могут оставить денег себе? Сколько денег должна получать жена и на какие расходы? Считать ли эти деньги подарком от мужа или жена имеет право на особую долю дохода, как быть с детьми, давать ли им деньги на карманные расходы или же они должны заработать их, выполняя работу по дому, как детям следует тратить свои деньги и др.?

По мере того как росли и дифференцировались расходы на ведение домохозяйства, обострялся и вопрос о деньгах домохозяйки, поскольку жены брали на себя большую часть семейных покупок. Рост потребительской экономики изменил характер и содержание домашнего труда домохозяйки, наполнил социальную роль домохозяйки новыми обязанностями и правами. Конечно, умелая хозяйка ценилась всегда и во всех обществах, но в XX в. «хранительница очага из века девятнадцатого... должна была превратиться в агента по закупкам и специалиста по бюджету домашнего хозяйства». Выражаясь казенным научным языком, мужское общество переформатировало свои базовые экспектации к социальной роли жены-домохозяйки: важнейшая из обязанностей добродетельной жены теперь стала обязанность «разумной покупки». Новые «миссис Потребитель» охотно брали на себя эти обязанности, поскольку, по их мнению, мужчины вообще не способны разумно тратить деньги и не разбираются в домашних делах. Изменилось и социальное содержание семейных денег. В традиционном обществе деньги мужа были, по существу, подарком жене, а не ее законной долей семейного дохода (деньги на булавки, карманные расходы, деньги-подарки и др.) и являлись открытой формой экономического насилия в семье. «Прогресс», однако, требовал перехода семейных денег под контроль тех, кто тратил их большую часть, то есть под контроль домохозяйки. «Успех движения за домашнюю экономику, которое советовало женщинам воспринимать домашнее хозяйство как бизнес, еще более усилил противоречия в хозяйственной жизни женщин. Уловки женщин по получению хоть каких-то денег от своих толстокожих мужей были предметом шуток и занимали центральное место в водевилях» [2, с. 80].

Хотя приключения семейных денег в наше время, когда женщины во многих странах по большей части стали экономически независимы, выглядят несколько странными, в первой половине XX в. борьба по поводу домашних бюджетов развернулась нешуточная и потребовала переоценки статуса денег, расходовемых женщинами на ведение домашнего хозяйства. Предстояло сделать выбор из трех возможных способов передачи домашних денег: оплата мужем домашнего труда жен (прямой обмен), наделение правом (право жен на долю домашних денег) и подарок (добровольный дар денег мужа жене). Каждый способ передачи денег имел очевидные недостатки. Оплата домашнего труда женщин превращала семейные отношения в разновидность трудового найма, право на долю денег мужа-кормильца создавало почву для правовых конфликтов в семье, дарение денег ставило жен в полную зависимость от произвола мужа. Вплоть до массового вовлечения женщин на рынок труда и преодоления явной дискриминации женского труда женское движение на Западе вынуждено было бороться за справедливую долю женщины в семейных доходах.

В 1930-е гг. в США проблема «женских денег» стала предметом широких общественных дискуссий. Распространенная в то время практика доплат семейным работникам-мужчинам лишь укрепляла зависимость женщины от заработка ее мужа. Жены были вынуждены пускаться на всякие ухищрения, чтобы получить в свое распоряжение какую-то наличность, овладевать искусством выпрашивания денег вплоть до сексуального шантажа, часто шли на риск быть пойманными и наказанными мужьями. Сохранялось и такое странное явление, как относительная бедность богатых замужних женщин, так как мужья лишали их доступа к наличным деньгам. В. Зелизер приводит пример прямо-таки анекдотического случая: в 1905 г. в городе Буффало миссис Шульц доставила своего мужа Джозефа Шульца в полицейский участок. Мистеру Шульцу надоели ночные чистки мелочи в его карманах, и он поставил в кармане маленькую мышеловку. Мышеловка сработала, и муж предстал перед судом. Судья подтвердил право мужа на защиту своих мелких карманных денег. Иногда ввиду нелепости ситуаций судьи отказывались считать домашнюю кражу настоящим воровством. Мелкие кражи денег мужа женами было весьма распространенным явлением как в семьях бедняков, так и в состоятельных семьях. Мужья, естественно, не видели ничего унижительного для жен в необходимости постоянного попрошайничества денег и не желали раскрывать свои финансовые дела. В. Зелизер приводит меткое замечание одного из журналистов тех лет — «мужчины готовы верить жене свою честь, свое здоровье, свое имя, своих детей, но не доверяют ей деньги». Мужья часто были щедрыми, но доверяли женам минимальное количество наличных денег.

В 20–30-е гг. XX в. велись острые дискуссии о том, каким должен быть достойный денежный доход жены. Многие жены из средних и высших клас-

сов предпочитали систему содержания (регулярные выплаты). Для семей из низших классов проблема решалась иначе — жены получали практически все из тех немногих денег, которые зарабатывали их мужья, хотя и в этом случае мужья жестко контролировали расходование денег в семье. Невесты все чаще требовали от будущих мужей гарантий выплачивания им содержания. Идею гарантированного содержания широко пропагандировала «женская» пресса. По результатам общенационального опроса на тему «Что американские женщины думают о деньгах?», проведенного в 1938 г., 88 % респонденток ответили утвердительно на вопрос: «Должна ли жена иметь постоянное содержание на ведение хозяйства?» [2, с. 90]. Большинство мужчин, естественно, были против обязательных выплат, оправдывая свою позицию обвинениями женщин в финансовой некомпетентности. Многие критики системы содержания, в том числе и женщины, считали такую форму распределения семейных денег несправедливой, оскорбительной и вообще пережитком прошлого. Большинство участников общественных дискуссий 1930-х гг. постепенно склонялось к поддержке демократического совместного контроля над денежными средствами семьи по принципу «современный «хороший муж» — это мужчина «пятьдесят на пятьдесят».

«В новой, улучшенной системе домашние деньги должны были быть общими, призванными свести к минимуму гендерное и возрастное неравенство. Семьям настоятельно рекомендовали периодически проводить совет за круглым столом, открыто и с уважением друг к другу обсуждая то, каким образом и какой именно вклад — будь то труд, деньги, участие — может внести каждый член семьи... в общее семейное дело». Отец и мать выступали бы в качестве семейного совета директоров, распределявшего деньги в соответствии с различными потребностями семьи. Новая финансовая система также предполагала выделение определенной суммы на личные расходы каждому члену семьи, считавшейся статьей бюджета, а не подарком» [2, с. 93]. Семейные деньги должны были стать чем-то вроде «партнерского фонда». Новую систему распределения домашних денег (общий счет в банке или общий денежный фонд) часто называли «феминистским» финансовым порядком. Новые денежные отношения в семье пробивали дорогу в жизнь с большим трудом. В середине XX в. в США в малых городах и пригородах большинство жен по-прежнему не имели представления, сколько зарабатывают их мужья. В рабочих семьях жены получали определенную, хотя и ограниченную, экономическую власть. Тем более что распоряжение скудным бюджетом было скорее не привилегией жены, а тяжелым бременем. Денежные отношения в семье зависели от классовой принадлежности. Так, жены рабочих контролировали наличность и семейный бюджет, а содержание в виде карманных денег обычно выделялось мужу и детям. Карманные деньги на личные расходы были для рабочих скорее привилегией, в то время как жены из сред-

него и высшего класса полностью зависели от милости мужа. Тем не менее и мужья-рабочие прятали скромную «зачапку», преуменьшали размер своего заработка, а при появлении дополнительного дохода обычно брали реванш, и сомнительная власть жен отступала. Каких-либо общепринятых правил распределения денег в семьях рабочих также не было, денежные вопросы решались путем сложных переговоров, в которых последнее слово обычно оставалось за мужем. В общественном сознании денежные отношения в семьях рабочих часто идеализировались, а мужья, представлявшие средний и высший класс, называли рабочих «подкаблучниками». Работающие дети также стремились припрятать от родителей часть заработанных денег. Так что и в семьях рабочих постоянно шли свои маневры и соперничество по поводу целевого распределения денег. Поскольку обычно все деньги уходили на ведение хозяйства, то у жен практически не оставалось денег на личный досуг. Женские деньги, таким образом, по преимуществу были коллективными, а деньги мужчин оставались личными. С ростом доходов рабочих в их семьях также стала распространяться система содержания, выдаваемого женам на ведение домашнего хозяйства.

Рост трудовой занятости замужних женщин открывал возможности для появления у них собственных денег. Однако общество долго сопротивлялось превращению денег жены в ее собственность. В семейных конфликтах по поводу денег суды чаще становились на сторону мужей. Приработок замужних женщин долго воспринимался как «не настоящие деньги», «деньги на булавки». «Трудно было бы понять изменение их значения, способы распределения и использования в США в 1870–1930 гг., не зная нового культурного «кода» и сопровождавших его социальных перемен. Деньги замужних женщин обычно отделялись от серьезных денег сложной совокупностью представлений о семейной жизни, изменением властной структуры в семье и социальным классом. Традиционные предположения о том, что семья – это особая, не коммерциализированная сфера, превращали любую открытую попытку вторжения рынка в семейные отношения не просто в неприятный факт, но и в непосредственную угрозу сплоченности семьи. Таким образом, независимо от их источников, как только деньги поступали в домохозяйство, их распределение, подсчет и использование подчинялись своду домашних правил, отличных от правил рынка. Семейные деньги не были абсолютно заменяемыми; социальные барьеры не позволяли превратить их в обычную заработную плату... деньги жены не были тем же самым, что деньги ее мужа» [2, с. 104]. На денежные отношения в семье открыто влияла гендерная дискриминация. Деньги были и, к сожалению, остаются основным инструментом мужского экономического насилия в семье. «Законные» карманные деньги, например, для жен не предусматривались, все заработанное женой шло на ведение домашнего хозяйства.

Эволюция института семьи под влиянием развития экономических отношений, переход от традиционной семьи к современной эгалитарной существенно образом изменяли и типовые денежные отношения в семье. Стали распространяться совместные формы распределения семейных денег (общие банковские счета и др.). Хотя гендерное денежное неравенство в семье сохраняется. Заработанные женские деньги еще долго оставались менее значимой частью семейного бюджета и в большей степени обобществлялись. В целом, однако, рыночные отношения все более и более проникали в семью, домашнее хозяйство постепенно рационализировалось. Как шутили по этому поводу юмористы: «с мамой и папой — парой кассовых аппаратов и детишками — маленькими счетными машинками». В этом сложном процессе, по мнению В. Зелизер, изменялись и сами деньги, они становились «частью структуры социальных отношений и смыслов семьи». Целевое распределение денег в домохозяйствах, по ее мнению, также сохраняется. И даже изменение соотношения доходов в семейных парах в пользу жен не особенно влияет на распределение власти в семье. Более высокие заработки жен в большинстве случаев не меняли и характер домашнего разделения труда. Мужчина в общественном сознании и в семье по-прежнему воспринимался «добытчиком» и «кормильцем семьи».

Мужья, менее загруженные на работе и зарабатывающие меньше жен, тем не менее в большинстве случаев ухитряются делить домашние обязанности в свою пользу. Деньги жен также чаще тратятся на общие нужды семьи. Система учета и распределения домашних денег сегодня, как и ранее, находится под влиянием доминирующих в обществе представлений о социальных ролях, о справедливом балансе ролевых отношений в семье и распространенных гендерных стереотипов. Психологи обратили внимание на то, что жены, зарабатывающие значительно больше, чем мужья, и получающие как бы дополнительную «скрытую власть», часто стремятся компенсировать это «неловкое» положение более активным участием в делах домашнего хозяйства и воспитании детей. Однако почва для денежных конфликтов сохраняется и часто приводит к раздельному учету домашних денег. В целом, однако, рост доли женских денег в семейных бюджетах все чаще приводит к ситуации, когда традиционная идентичность мужа-кормильца меняется на «справедливое партнерство» в эгалитарных парах, в том числе в денежных делах. «Сам по себе размер дохода не определяет того, как деньги будут использованы, как ими распорядятся; распределение домашних денег всегда зависит от сложных, тонких представлений об отношениях между членами семьи» [2, с. 112].

В начале XXI в. денежные отношения в семье существенно изменились. Рост числа разводов и неполных семей, новых форм брачных и партнерских союзов, практически сплошная трудовая занятость женщин в развитых странах оказывают значительное влияние на повседневные денежные

практики. Тем не менее многие традиционные формы денежных отношений между мужчинами и женщинами, схемы распределения денег в семье, укорененные в иерархичности социальных структур, в психологии человека, сохраняются (гендерное денежное неравенство, денежное насилие в семье и др.). «Сложная культурная и социальная “жизнь” домашних денег, таким образом, демонстрирует ограниченность совершенно инструментальной, рационализированной модели рыночных денег, которая умалчивает о качественных различиях между видами денег в современном мире. Домашние деньги – это особые трансферты; а не просто санитированный, безличный экономический обмен. Это наполненные собственным смыслом, социально сконструированные денежные единицы, сформированные под воздействием домашней сферы, в которой они циркулируют, а также гендером и социальным классом пользователей домашних денег» [2, с. 107].

В наше время, как и прежде, ведутся жаркие споры о том, кто и как должен распоряжаться семейными деньгами. Как и раньше, практикуются различные формы распределения домашних денег. Вот, к примеру, как откровенничают по данному вопросу женщины на одном из российских женских сайтов [7]:

– У нас все общее, и этим общим распоряжаюсь я, если это будет делать он, то мы без штанов останемся.

– У нас общая касса, но иногда хочется купить что-то дорогое, тогда выкручиваюсь, говорю, что купила одно, а на самом деле потратила на себя.

– У нас как-то все поровну, распоряжаемся вместе, сейчас я не работаю, так что пока тратим только его деньги.

– Мой лапочка все денюжки мне отдает, и я ими распоряжаюсь!

– Я не работаю, но деньгами распоряжаюсь я. Всю зарплату он отдает мне, все левые деньги, так сказать, идут ему на расход. У нас так повелось с первого дня брака. Потом как-то я захотела и туда запустить руку, но не получилось.

– Конечно же, финансами заведу я, муж сказал: «Мое дело зарабатывать, твое дело тратить», поэтому у меня болит голова об оплаченных счетах, о расходах на квартирки-машинки, о питании и т. д. И естественно, имею заначку, о которой муж не знает, заначку я могу потратить на себя без зазрения совести. У мужа тоже есть заначка, но я о ней знаю (да он и не скрывает).

– У нас касса общая. Распоряжаемся вместе. Но мой всегда откладывает деньги на очень крупные покупки или на отдых.

– У нас никто не распоряжается. Моя зарплата – мне, а зарплата мужа – на оплату квартиры, покупок и прочих расходов. А уж что купить и куда потратить, как-то решается само по себе.

– Необходимости «черной кассы» нет, у меня всегда достаточно денег на текущие расходы, муж не ограничивает, ну а крупные покупки оплачивает он, в том числе и мои. Основные деньги лежат в банке.

– У нас в семье априори такого не может быть, потому что общака нет.

– У нас есть местечко, куда складываем все деньги, каждый берет оттуда кому сколько надо, если суммы большие, согласовываем возможность этих покупок.

– В основном финансовые вопросы решаю я со своего счета, но самые крупные покупки – мебель, путешествия, машины, брюлики – оплачивает муж после нашего общего обсуждения.

– У нас все зарплаты у меня, и распоряжаюсь я. А заначки не имею.

– Нет, никаких сбережений от мужа у меня нет, у нас все общее, и мы друг другу полностью доверяем. Финансами в семье распоряжаемся мы вместе по согласованию друг с другом, в общем семейный совет распоряжается. Это что касается каких-то непостоянных покупок (дорогая одежда и обувь, бытовая техника, мебель и т. д.) и больших трат (страхование, бассейн, отдых), конечно, а регулярные траты без обсуждений, но поделена сфера ответственности, я отвечаю за коммунальные платежи и текущие мелкие покупки, муж – за большие закупки и откладывание в накопление.

– У нас в семье кошелки разные... есть мой кошелек, на мои нужды, и есть его кошелек, из которого мне выделяется ежемесячная сумма на продукты, квартиру, ребенка, на крупные покупки.

– Я плачу за квартиру, иногда покупаю продукты. Шмотки покупает мне любимый. Я не работаю.

– У нас всегда все деньги у меня, и заначки делать нет смысла.

– Да, «черная касса» у меня имеется. А вообще финансами заведует мой муж. Я не работаю, так что в моем случае черная касса – это сэкономленные на чем-то деньги, сныканые в заначку. А так вообще муж на все дает.

Как видно, несмотря на все «реформации», многое в денежных отношениях в семье, в распределении домашних денег остается прежним. Хоть и не в такой степени, как в традиционной семье, деньги остаются самым распространенным и коварным инструментом экономического насилия в семье. К сожалению, как зарубежные, так и отечественные социологи уделяют этой чрезвычайно актуальной проблеме недостаточно внимания. Но некоторые данные время от времени публикуются. В одном из таких исследований (Россия) экономическое насилие определялось «как необходимость просьб о деньгах и отчетов о том, как они потрачены; отсутствие у женщины денег, которые она может потратить на себя и по своему усмотрению, в то время как у мужа такие деньги были». Опрос 1076 женщин дал следующую картину (в %):

1. Постоянные просьбы денег у мужа – 10,4.
2. Просьбы денег «время от времени» – 20,0.
3. Обязательный отчет обо всех расходах – 6,5.
4. Обязательный отчет о большей части расходов – 7,4.
5. Разница в доле жен и мужей, не имеющих «своих» денег – 2,6.

Выяснилось, что в семьях, где мужья практикуют различные виды экономического давления на жен, резко возрастает число женщин, лишенных денег на свои личные расходы, денег «для себя». «Доля женщин, которые должны просить у мужа деньги и отчитываться перед ним в расходах, практически одинакова в семьях с разным материальным положением. Только в самых бедных семьях женщинам несколько реже приходится давать отчет мужу о деньгах. Вероятность для женщины подвергнуться экономическому насилию определяется разницей в уровне дохода мужа и жены в большей степени, чем материальным положением семьи в целом... Женщины, чьи доходы ниже, чем у мужа, чаще становятся жертвами экономического насилия, но и женщины, которые зарабатывают значительно больше мужей, не свободны полностью от экономического насилия» [8].

Исследование еще раз подтвердило известную тенденцию: «женские деньги» более альтруистичны, они часто целиком тратятся на общие нужды. В результате даже зарабатывающие несколько больше, чем мужья, жены часто остаются без денег на личные расходы. В наиболее трудном положении оказываются женщины, не имеющие собственных доходов и полностью зависящих от мужа. Почти половина из них вынуждена постоянно выпрашивать деньги у мужа. Авторы исследования делают вывод о связи способа распределения денег внутри семьи с вероятностью оказаться под экономическим давлением. Хотя ни один из способов распределения денег в семье не гарантирует от экономического насилия. «Наиболее благоприятны для женщин два вида семейного бюджета: когда доходы обоих супругов складываются вместе и каждый из них может тратить деньги по своему усмотрению и когда бюджетом семьи целиком распоряжается жена. Очень опасной для женщины может оказаться ситуация, когда муж выдает ей часть своих доходов на “необходимые расходы”, то есть берет на содержание, как это было принято в традиционных семьях. Раздельный бюджет, как показало исследование, также создает свои проблемы: с одной стороны, женщина чувствует себя более независимой, с другой – чаще, чем муж, остается без денег на свои личные потребности и “среди них больше всего тех, кто вынужден регулярно выпрашивать у мужа деньги (71%)”» [8].

Распространенность экономического насилия в семьях с разным способом внутрисемейного распределения денег (в %) см. в табл. 2.

Таблица 2

Виды экономического давления	Способ построения бюджета			
	Совместные деньги, N = 373	Деньги у жены, N = 415	Муж выдает часть денег, N = 170	У каждого свои деньги, N = 70
Разница в доле жен и мужей, не имеющих «своих» денег	1,1	1,3	10,1	11,5
Жена отчитывается перед мужем обо всех или о большей части расходов	13,4	10,0	25,3	4,3
Жена должна просить у мужа деньги постоянно или время от времени	25,0	19,6	66,5	71,5

Примечательно, что совместное распоряжение семейным бюджетом, как и передача его в распоряжение супруги, не дает какого-либо преимущества супружеским парам в присвоении денег на личные нужды. Но когда мужа получают возможность полностью контролировать собственные доходы, денежная дискриминация женщин в семье возрастает. «Мужские» модели управления (когда муж регламентирует “необходимую” часть на расходы ведущей домашнее хозяйство жене или не дает ей денег вообще) в конечном счете приводят к материальной дискриминации жены» [8].

Исследование денежных отношений в семьях всегда сталкивалось со значительными трудностями получения информации. Люди предпочитают не говорить с посторонними о семейных деньгах, но есть основания полагать, что «распределение денег между членами семьи нередко бывает столь же перекошенным и произвольным, как и распределение национального дохода между семьями» (М. Янг). Отсутствие формальных норм распределения денег в семье и специфические текущие потребности членов домохозяйств компенсируются удивительной изобретательностью в домашних денежных практиках. Члены семьи и домохозяйств в денежных отношениях выстраивают собственные приоритеты в расходовании денег. Причем эти приоритеты зависят от социального статуса, семейных и общекультурных традиций. Люди как бы создают различные

виды денег. Многие из описанных в книге В. Зелизер «Социальное значение денег» денежных практик выходят за рамки чисто рыночных и обменных отношений, глубоко укоренены в патерны повседневных межличностных отношений, регулируются неформальными социальными нормами. Эти практики чрезвычайно устойчивы, передаются из поколения в поколение. Характерным примером является денежное неравенство в оплате труда или в несправедливом распределении денег в семьях и домохозяйствах. В начале XXI в. «зарплата женщин», например, отличается от «зарплаты мужчин», как и в начале XX в. Конечно, ситуация существенно изменилась. Работодатели и общественное мнение больше не считают, что зарплата мужа должна полностью обеспечивать содержание жены и детей, но гендерное неравенство в оплате труда сохраняется. Женская зарплата в семьях больше не воспринимается как незначительный дополнительный доход, разновидность домашних «денег на булавки», но сохраняются многие привилегии мужчин в распоряжении бюджетами домохозяйств. В идеальной ситуации в современной эгалитарной семье планирование бюджета должно быть общесемейным делом. Общее планирование хозяйственных расходов сближает членов семьи. Муж и дети должны знать о текущих расходах, а жена не забывать об интересах мужа и пожеланиях детей. Но это в идеале. В реальности споры по поводу семейных денег сплошь и рядом становятся причиной внутрисемейных конфликтов. Причем в благополучных с финансовой точки зрения семьях такие конфликты не исчезают и даже, напротив, часто приобретают более острые формы, чем в менее состоятельных семьях.

В самом начале процесса массового привлечения женщин на рынок труда «женские деньги» в семье не играли значительной роли в формировании семейных бюджетов. Чаще всего это был дополнительный, а не основной заработок. Поэтому и «денежные» конфликты в семье были менее острыми. В Европе долгое время рост женских заработков сознательно сдерживался работодателями и общественным мнением. «...Определение размера заработной платы женщин зачастую было связано с трудностями морального свойства: например, высокая зарплата могла привести к излишней независимости женщины от семьи, тогда как чересчур низкая зарплата могла подтолкнуть молодых женщин к занятию проституцией» [2, с. 63].

Общественное мнение как бы предчувствовало, что рост экономической независимости женщин будет иметь самые серьезные последствия для института семьи. Вообще процесс роста «денежного вклада» женщин в семейные бюджеты переживался мужским сообществом довольно болезненно. Подрывалось традиционное представление о роли мужчины в семье в качестве «кормильца», принципиально менялись ролевые балансы

в семейных отношениях. Поскольку в любом современном обществе большинство людей работает для заработка, можно сказать, что «женские деньги» изменили институт семьи и, следовательно, все современное общество больше, чем какой-либо другой социальный фактор. Вообще несколько странно, что специалисты в области социологии семьи явно недооценивают роль денег в семейных отношениях. Между тем в современном обществе основной источник конфликтов в семейной жизни скрывается не столько в гендерных проблемах, сколько в противопоставлении семьи и работы, то есть противопоставлении семьи и денег. Демографическая катастрофа, угрожающая сейчас существованию западного общества, также является одним из следствий изменения «денежного статуса» мужчин и женщин в современном обществе. Среди прочего к традиционному мужскому эгоизму добавился женский эгоизм.

По данным нашего опроса, большинство респондентов в Беларуси, как мужчин, так и женщин, придерживаются мнения, что у родителей, кроме заботы о детях, должна быть и своя жизнь, которую вовсе не надо приносить никому в жертву (71 %). Эгалитаристские тенденции наблюдаются и в вопросе о денежном обеспечении семьи со стороны супругов. Больше половины (53 %) опрошенных респондентов считает, что для устойчивости семьи не важно, кто из супругов больше зарабатывает. Это мнение разделяют 52 % женщин, 54 % мужчин. Пока еще достаточно велика доля тех, кто придерживается «консервативного» мнения, что материальное обеспечение семьи должно сохраняться за мужчиной, так как это делает семью более устойчивой и стабильной (45 %). Что касается гендерных и возрастных различий по этому вопросу, то они весьма незначительны. Например, 47 % женщин и 43 % мужчин высказались за модель семьи, в которой мужчина исполняет роль «кормильца». Для современной эгалитарной семьи характерна двухкарьерная модель, предполагающая, что отец и мать работают и делят домашние заботы в определенных пропорциях. Такие семьи являются также и двухдоходными. Качество брака в двухкарьерной (двухдоходной) семье может страдать от «перегрузки» женщин, когда им приходится выполнять сразу три основные роли: супружескую, родительскую и профессиональную. Причем зачастую женщины более удовлетворены своей профессиональной деятельностью, чем супружеской и родительской. Кроме того, в отсутствие лидера часто усложняются денежные отношения в семье.

Как показывают социологические опросы, немногим более 50 % беларусов считают, что стабильность семейных отношений не зависит от того, кто из супругов больше зарабатывает.

Представления об оптимальном соотношении ролей в семье, 2005 г. (%) (табл. 3).

Таблица 3

Модели ролевого поведения	Ответы респондентов		
	всего	мужчин	женщин
Модель мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки	28,5	34,7	23,3
Модель двух равноправных кормильцев с равной ответственностью за семейный быт	29,4	22,3	35,3
Модель двух равноправных кормильцев с традиционной (повышенной) ответственностью женщины за благополучие семейного очага	25,4	26,6	24,4
Ситуационная модель ролевого распределения	16,7	16,4	17,0

Как видно, представления об оптимальном распределении семейных ролей в белорусском обществе весьма вариативны: 29 % респондентов предпочитают семейный образ жизни, при котором муж обеспечивает семью, а жена – домашняя хозяйка; 29 % – считают, что муж и жена должны в равной степени нести ответственность за материальное обеспечение семьи, выполнять обязанности по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей; для 25 % респондентов приемлем образ жизни, когда жена вносит равноценный вклад в бюджет семьи при традиционно повышенной нагрузке, связанной с работой по дому.

Под влиянием изменений в распределении ролей по добыванию средств жизнеобеспечения семьи меняются традиционные представления о роли «мужа» и роли «жены» в семье и ролевые балансы в семейных отношениях. В повседневных практиках эти представления супругов часто не совпадают, что проявляется, например, в несовпадении представлений обоих супругов по поводу распределения домашних обязанностей и их сочетания с деятельностью вне семьи.

Характерная для современных обществ необходимость для обоих супругов работать ради заработка влияет на внутренний микроклимат семьи, демографическое поведение, порождает так называемую проблему двойной идентичности, вызванную трудностями успешного сочетания семейной и профессиональной деятельности. Часто упускается из виду, что фундаментальный с точки зрения функционирования общества конфликт в системе «семья – работа» в действительности надо представлять как конфликт в системе «семья – деньги – работа». Ведь многие женщины отказываются от создания семьи и рождения детей не только по причине стремления сделать карьеру, самореализоваться, но и потому, что нужно будет в деньгах, а совмещать воспитание детей и работу часто просто физически невозможно. С другой стороны, привлекательность профессиональной

карьеры для многих женщин связана не только с самореализацией, но и объясняется стремлением к богатству, высокому социальному статусу, власти, личной независимости. Как показало международное исследование «Европейская семья», все больше женщин в европейских странах ориентированы в первую очередь на профессиональную карьеру, активную борьбу за сферы влияния в общественной жизни и даже в семье. Так, по данным вышеуказанного исследования, 29 % западных немцев согласны с тем, что положение домашней хозяйки не имеет никакого общественного признания, а 86 % — считают, что сейчас лучше живется без детей. В Беларуси, несмотря на длительный период эмансипации женщины в СССР, сегодняшние стереотипные представления женщин о семье и карьере пока еще не столь категоричны и революционны. Тем не менее сдвиги в направлении эгалитаризации требований, предъявляемых к каждому из супругов, налицо, а образы мужа и жены сейчас не столь четко определены как в системе традиционных представлений о семье.

При изучении проблем совмещения семейного образа жизни и профессиональной деятельности использование таких интегративных показателей, как семейный денежный бюджет и управление семейными финансами, отражает новую социально-экономическую и культурную реальность, которая возникла в постсоветских странах, показывает, какую роль стали играть «деньги семьи» в новом обществе. Так, в советский период истории господствующая идеология относилась к деньгам, денежным отношениям как неизбежному «злу» при товарно-денежных отношениях, затем как к вознаграждению за личный труд на благо всего общества. Фонды общественного потребления, бесплатное предоставление квартир, медицинского обслуживания, бесплатное образование снимали в большой мере проблемы формирования семейного бюджета, напряженность внутрисемейных отношений по поводу денег. В это время абсолютно доминировала модель семьи с двумя работающими супругами, в которой муж-работник предпочитал отдавать заработную плату жене, за исключением денег на личные нужды и «зачапки». Считалось, что «настоящему» мужчине не к лицу заниматься семейным бюджетом, вникать в нюансы ведения домашнего хозяйства. Мало кто знает, что и в дореволюционное время в Беларуси жены, особенно в крестьянских семьях, держали в своих руках деньги на бытовые расходы и довольно свободно ими распоряжались.

Сейчас семейные деньги в гораздо большей степени влияют на материальное и статусное положение семьи. Дают возможность улучшать свои жилищные условия, выбирать престижное место проживания, предоставляют возможность улучшить качество медицинского обслуживания, дать детям лучшее образование и т. д. Поэтому выбор того или иного типа управления семейными финансами во многом определяет гендерно-роле-

вую коммуникацию в семье, содействует или препятствует сплоченности и благополучию семьи.

Следует отметить, что изучение семейного образа жизни посредством семейных бюджетов достаточно давно используется демографами, экономистами и социологами. Но при анализе денежных бюджетов, как правило, ограничиваются либо выявлением властных отношений, ролевых взаимодействий, либо семейные деньги используются в качестве показателя материального уровня жизни и анализа потребительского поведения семей. Как уже отмечалось выше, в 80-е годы XX в. в западной социологии появился ряд научных работ (В. Зелизер, Ж. Пал, К. Воглер, С. Кларк), в которых стали активно рассматриваться проблемы семейных денег и распределения финансовой власти в семье. В результате были разработаны определенные классификации типов управления финансами (семейным бюджетом) в семье. Все эти типологии в целом отражали классификацию семей по признаку, кто в семье распоряжается доходами, несли информацию о доходах, получаемых членами семьи, о стилях потребительского поведения, уровне сплоченности и степени благополучия, образовательном и профессиональном статусе членов семьи и др. Обычно выделяются следующие типы ведения семейного бюджета и управления семейными финансами:

- всеми деньгами единолично распоряжается женщина, дает часть денег своему супругу, детям и т. д. (женское полное управление);

- всеми деньгами единолично распоряжается мужчина, дает часть денег своей супруге, детям и т. д. (мужское полное управление);

- муж передает жене фиксированную сумму на ведение домохозяйства, а остаток средств остается под его контролем, и он самостоятельно оплачивает другие расходы (фиксированный бюджет, контролируемый мужчиной);

- жена передает мужу фиксированную сумму на ведение домохозяйства, а остаток средств остается под ее контролем, и она самостоятельно оплачивает другие расходы (фиксированный бюджет, контролируемый женщиной);

- супруги складывают все деньги вместе, а потом каждый берет оттуда сколько нужно (общий пул);

- супруги складывают какую-то часть денег вместе, оставляя остальное на свои личные нужды, а потом каждый берет из общего источника, чтобы оплачивать общие траты (частичный пул);

- и муж, и жена распоряжаются своими деньгами самостоятельно, без объединения их в «общий котел» (независимое управление).

Чтобы упростить предложенную выше типологию, не изменяя ее содержания, для удобства интерпретации эмпирических данных часто используют следующую типологию управления семейными финансами:

- управление с доминированием женщины;

- управление с доминированием мужчины;
- общий или частичный пул;
- независимое управление [11, с. 18].

В СМИ и популярной литературе часто пишут о проблемах семейных финансов, предлагают множество советов по управлению семейными бюджетами, обозначая приведенные выше типологии как «жена-банк», «муж-банк», «общий котел» (долевое участие), «каждый сам за себя» (раздельный бюджет).

Таким образом, в семейной жизни очень тесно переплетаются такие ее компоненты, как внесемейная занятость, формирование и распределение денежного семейного бюджета, потребительское поведение и гендерные отношения. Наличие или отсутствие достаточного количества денег в семье напрямую влияет на ее микроклимат, благополучие и стабильность. Если в семье ощущается недостаток денежных средств, члены семьи часто вынуждены прибегать к вторичной занятости как дополнительному средству улучшению материального положения, что отрицательно влияет на баланс семейных и профессиональных ролей.

Изучение сложившихся в семьях денежных отношений позволяет понять, каким образом тип управления семейными финансами влияет на содержание принимаемых решений по поводу денег, то есть на решения о целях расходования средств. Тем самым мы получаем представление о потребительском и финансовом поведении в семье. К сожалению, в нашем обществе доминирует мнение, что проблемы «домашних денег» не стоит выносить на открытое обсуждение, о них не стоит говорить даже с близкими и друзьями. Как следствие, у большинства белорусских семей нет традиций диалога по поводу рационального планирования и расходования семейных денег, формирования навыков оптимизации семейных бюджетов.

Семейный бюджет – это финансовый план, который суммирует доходы и расходы семьи за определенный период времени. В социальной статистике при изучении домохозяйств в денежные семейные бюджеты обычно включают заработную плату, выплаты и льготы из общественных фондов, доходы от финансовых операций, личного подсобного и любительского хозяйств, от индивидуальной трудовой деятельности всех работающих и неработающих членов семьи.

Семейные доходы и расходы, их учет соответствующими государственными органами и учреждениями составляет базовую основу информации об уровне жизни населения в целом, и в частности, семьи, отдельного индивида. Если в советское время в статистике единицей наблюдения выступала семья, включая переписи населения, то начиная с 1999 г. основной единицей наблюдения стали домохозяйства. В настоящее время основными источниками информации о положении семьи в Республике Беларусь, ее доходах и расходах служат материалы переписи населения и ежегодные

выборочные обследования домохозяйств. Семейные бюджеты в этом случае включают в себя данные о структуре денежных доходов, потребительских расходах, потреблении основных продуктов питания, имущественной обеспеченности, а также о распределении населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов различных групп населения.

К сожалению, до настоящего времени в Республике Беларусь, как и в других странах бывшего СССР, не проводились систематические социологические исследования по проблемам денежных отношений в семье, изменений в планировании и управлении семейными бюджетами. Небольшим исключением является Россия, но и здесь исследования по данной проблематике находятся в самом начале всестороннего изучения семейных финансов, их роли в семейных отношениях (Д. Х. Ибрагимова и др.).

Результаты подобных исследований свидетельствуют о наличии в семейных денежных практиках всех известных типов управления семейными бюджетами и финансами: управление с доминированием женщины, управление с доминированием мужчины, общий или частичный пул, независимое управление. Но чаще всего встречается модель совместного управления финансами (хотя это не обязательно означает общее главенство в семье и общую ответственность за распоряжение деньгами) и модель в той или иной степени женского доминирования. Затем идет тип управления семейными деньгами с доминированием мужчины. Пока еще редко встречается тип независимого управления, когда каждый из супругов распоряжается своими деньгами самостоятельно. Основными факторами выбора типа семейного бюджета и управления семейными финансами являются: уровень среднедушевого дохода, профессиональная занятость, пол, семейный стаж супругов, образование жены, наличие того или иного типа управления семейными деньгами в семье родителя. При низком уровне среднедушевого дохода или при высоком образовательном статусе жены вероятность выбора финансового сценария «женщина-банк» значительно увеличивается.

Социологические исследования семейных бюджетов свидетельствуют о том, что денежные отношения в семье оказывают существенное влияние на рынок труда, структуру занятости, экономическую активность населения и мотивацию трудовой деятельности, межличностные отношения в семье. В связи с этим особое значение для нашего общества приобретает просветительская работа по пропаганде рационального планирования и распоряжения семейными деньгами и современной культуры отношения к деньгам. Необходимо предоставлять услуги населению по приобретению знаний о рациональном ведении семейного бюджета и эффективном использовании семейных доходов.

Влияние денег и денежных отношений на институт семьи невозможно преувеличить. Множество семей распались и распадаются на почве де-

нежных конфликтов или из-за непонимания важности умения планировать и справедливо распределять деньги в семье. К сожалению, социологи не уделяют достаточного внимания этой чрезвычайно актуальной проблеме. Между тем общественное мнение хорошо осознает значимость денежных отношений не только в семье, но и в других повседневных социальных отношениях. На многочисленных форумах в интернете, «женских» сайтах и других СМИ ведутся активные дискуссии о том, кто и как должен распоряжаться семейными деньгами, как правильно контролировать семейный бюджет, предлагаются многочисленные рекомендации по семейной денежной политике («дружба дружбой, а табачок врозь», «денежки любят счет» и т. п.). Люди часто не понимают всей важности разумного планирования семейного бюджета, особенно в случае, когда совокупный доход семейной пары невысок и тратить деньги нужно с умом. Но и высокие доходы не гарантируют отсутствие проблем с семейными деньгами. Супруги часто не могут понять, куда делись деньги, на что деньги потрачены, ссорятся по этому поводу, обвиняют друг друга в эгоизме, теряют доверие друг к другу. В СМИ обсуждаются преимущества и недостатки наиболее распространенных вариантов семейных бюджетов: «общий кошелек», совместно-раздельный вариант семейного бюджета, раздельный бюджет, система «конвертов» для конкретных семейных нужд и др.

«Важно понять, что много разводов и отчуждений между супругами часто происходят именно из-за нехватки денег в семейном бюджете, — пишет один из участников общественного дискурса по вопросу семейных денег. — Так как, по определению, невозможно жить и радоваться, когда на тебя давят непоплаченные счета, долги по кредитам и маленькая зарплата. Во время такой ситуации даже смешно становится, когда где-нибудь мельком проносится фраза, что “деньги счастья не приносят”. Приносят, еще как приносят. Во всяком случае, те семьи, у которых доходы превышают их расходы, живут намного счастливее, крепче и дружнее, чем те семьи, где вечная нехватка денег в семейном бюджете и долги. Оно и понятно, о каком счастье, радости, взаимном доверии и влечении можно говорить, если в такой семье жена недовольна мужем, что тот мало зарабатывает, не обеспечивает семью, а муж недоволен женой, что она его постоянно пилит или не умеет распоряжаться деньгами» [3].

Автор этого текста справедливо отмечает, что типичные ссылки женщин на то, что «мужики перевелись», не срабатывают, что корни проблемы уходят в семейное воспитание и культуру отношения к деньгам. Психологи, конечно, давно обратили внимание на то, что «денежная» социализация оказывает существенное влияние на формирование личности и типы денежного поведения, на то, что люди отличаются подходом к деньгам, к тому, как их зарабатывать и тратить. Нетрудно заметить, что отношение к деньгам определяется культурной традицией. Это касается, например, сбережений, структуры трат, отношения к богатству и бедности. В восточных обществах принято щедрое, часто разорительное гостеприимство. В протестантских общест-

вах отношение к деньгам более рационально, каждый платит «сам за себя». Конечно, реальные экономические отношения рано или поздно воздействуют на традиционные социокультурные особенности в восприятии денег. Однако культурные традиции весьма инертны. Ни одна страна, например, не могла бы позволить себе государственный долг в размере свыше 200 % от ВВП, но в Японии это возможно, поскольку большая часть долга это внутренний долг, обеспеченный традиционной склонностью японцев к сбережениям. К накоплению денег склонны многие народы, в то время как другие в силу исторических причин не склонны к сбережениям, так как по тем или иным историческим обстоятельствам слишком часто теряли свои сбережения. На основе культурной традиции, между прочим часто архаичной, формируется отношение к деньгам и в семье. Но не в меньшей степени отношение к деньгам зависит от психологических особенностей личности, от свойств характера и темперамента.

Психоанализ связывает влечение к деньгам с подсознательными процессами, складывающимися еще в раннем детстве. Вообще финансовое поведение, по мнению сторонников психоаналитической школы, обусловлено подсознательными импульсами и влечениями. Бихевиористская психология рассматривает деньги в качестве одного из важнейших факторов подкрепления и научения социального поведения. С этой точки зрения достаточно мощный денежный стимул может перекрыть действие любого другого фактора поведения, даже чувства самосохранения. Б. Скиннер обращал внимание на особую роль денег как инструмента удовлетворения фундаментальной потребности личности в безопасности. Психологи разработали ряд денежных типологий личности в зависимости от действия факторов культуры, воспитания, психологических и социальных характеристик личности. Одним из первых такую типологию предложил Н. Форман (1987) [4, с. 4].

Денежные типы личности:

Скряга: Увлекательно само по себе накопление денег. Присущ страх потери, недоверия к окружающим. С помощью денег обретает чувство защищенности, безопасности.

Транжир: Бесконтрольно расходует деньги, особенно в периоды депрессии, появляется ощущение своей незначительности, отверженности. Такое поведение — часто неосознаваемая отдушина. Деньги имеют терапевтический смысл, являются символом защиты, безопасности. Они делают человека более здоровым и счастливым. Часто это люди с низкой самооценкой, уверенные в том, что деньги ее повышают. Однако удовольствие от владения деньгами носит временный характер.

Денежный мешок: Захвачен деньгами, которые рассматривает как лучший способ добиться высокого статуса и одобрения окружающих. Деньги для него — источник силы, обеспечивающий власть.

Торгаш: Испытывает ощущение превосходства над другими, когда удается купить вещи за меньшие суммы. Раздражается, если приходится платить запрашиваемую цену.

Игрок: Бодр и оптимистичен, когда принимает вызов, получает выигрыш или проигрыш от игры. Деньги для него – символ свободы.

Коллекционер: Деньги представляют ценность как предмет искусства. Хорошо понимает их стоимость в этом смысле. По типу деятельности ближе всего к «торгашу». По профессии может быть кем угодно, нередко коллекционирование становится основным занятием.

Абстракционист: Безразличен к деньгам, накоплению, покупкам. Охотно поручает распоряжаться заработанными деньгами близким людям, высвобождая время для работы. Часто встречается среди работников творческого труда.

Конкретик: Человек, для которого деньги представляют вполне осознанную и определенную ценность. Недостаток денег воспринимает трагически. Придерживается этики вещизма и накопительства.

Завистник: Завистлив и неприязнен к преуспевающим людям, не способен взять на себя ответственность за свои неудачи. В случае денежной удачи кичлив к тем, кто имеет меньше денег.

Паразит: Готов жить на подачки, не несет ответственности ни за кого и ни за что. Представитель социальных низов.

Фальшивомонетчик: Ярко выраженная склонность получения выгоды путем обмана. Не обязательно богатый человек.

В той или иной степени наше денежное поведение всегда соответствует определенному психологическому типу или комбинации признаков денежных типов личности. В целом, несмотря на преобладающее влияние культурных, экономических и социальных факторов на денежное поведение, денежные типы личности удивительным образом воспроизводятся в самых различных обществах и культурах. «Скряга», «транжира», «игрок» и т. п. типичные литературные образы, начиная с древних времен. Денежные отношения в семье оказывают глубокое влияние на формирование личности. Сформированные еще в детстве установки по отношению к деньгам могут прямо влиять не только на экономическое поведение, но и на жизненные планы человека, профессиональные ориентации, отношение к другим людям, к обществу, и даже на мировоззрение, представления о смысле жизни. Исследования психологов, как и социологические исследования денежных практик, ориентированы на анализ более широкого спектра денежного поведения и денежных отношений, чем это принято в экономической науке. Поэтому такие исследования представляют большой интерес для социологии денег. «Наиболее распространенный взгляд на деньги сводит их к простому средству обмена – абсолютно безличному и обыденному. Однако если проанализировать часто не вполне

логичное поведение коллекционеров, дарителей подарков и жертвователей в пользу благотворительных организаций, становится понятным, что деньги несут в себе не только обидный, но и сакральный смысл и могут олицетворять собой как добро, так и зло. Этот тайный смысл денег оказывает огромное влияние на экономические установки» [5, с. 50].

Психологическая детерминация денежного поведения проявляется на всех уровнях социального взаимодействия. Массовая паника, страх, азарт, алчность, стадное иррациональное поведение не один раз обрушивали фондовые рынки. Многие экономические аналитики не без основания считают, что фондовые рынки это вообще «сплошная психология». Но особенно ярко действие психологических факторов денежного поведения проявляется в повседневных мотивированных или неосознанных социальных взаимодействиях. С позиций психоанализа, например: «Для kleптоманов или женщин, разоряющих мужчин, деньги символизируют утраченные интроектированные объекты; они стремятся к деньгам, чтобы тут же от них избавиться. Люди с депрессивным характером, которые страдают от эмоционального голода, рассматривают деньги как потенциальную пищу. Для одних деньги символизируют их сексуальную состоятельность, и они воспринимают потерю денег как кастрацию. Другие в минуту опасности начинают жертвовать крупные суммы денег в целях «профилактической самокастрации». Третьи тратят деньги совершенно импульсивно, без всякого учета их реальной стоимости. Почти каждый из нас действует в ущерб своим интересам, когда речь идет о “бесценных” объектах... Всеобщая эквивалентность денег — это иллюзия: на “кровавые деньги” покупают совсем не то, что на честно заработанные, а деньги, полученные в дар от короля, — это не то же самое, что выигрыш в лотерею» [6, с. 13–14].

Психологи, конечно, не занимаются проблемой социального конструирования множественных денег в повседневных практиках, но фиксируют многие социальные особенности денежных отношений. Замечено, например, что для женщин характерно более утилитарное отношение к деньгам, в то время как мужчины чаще связывают деньги с властными отношениями. При том, что женщины чаще используют деньги как орудие в борьбе за власть. Во многих культурах бесплатная работа на благо общества пользуется особым почетом, а умение зарабатывать деньги считается сомнительным. Для большинства мужчин плата жене за ведение домашнего хозяйства и уход за детьми неприемлема, хотя, отдавая зарплату женам, мужья фактически оплачивают их услуги, а жены считают вполне естественным потратить часть общих семейных денег на свои собственные «удовольствия». Подарок теряет свою ценность, если обе стороны слишком озабочены его ценой, вообще есть вещи не для продажи и деньги не для трат. Психологи выявили склонность к скрытности в вопросе о деньгах. Большинство

людей предпочитают не обсуждать свои денежные дела даже с близкими родственниками, мужчины более доверчивы в финансовых вопросах, чем женщины, реже, чем женщины, переживают негативные эмоции по поводу денег. В целом исследования выявили связь психологических установок по отношению к деньгам с демографическими и социальными факторами (пол, возраст, социальный класс и др.).

В 1990-е гг. в западных странах был проведен ряд исследований в области «денежной этики», разработаны специальные опросники для измерения установок по отношению к деньгам — шкала денежной этики (Money Ethic Scale, MES). В одном из кросскультурных исследований «сравнивалась денежная этика рабочих Америки, Великобритании и Тайваня. Американские рабочие набрали наивысшие баллы по самоорганизации, самооценке и внутреннему удовлетворению от работы. Китайские рабочие показали самый высокий уровень «протестантской трудовой этики», «уважения» к деньгам и самый низкий уровень внутреннего удовлетворения от работы. Британские рабочие склонны считать, что «деньги означают власть», и при этом имеют самый низкий уровень внешней удовлетворенности работой» [5, с. 54].

Исследования денежных отношений на уровне повседневных ситуаций социального взаимодействия убедительно показали, что деньги не являются универсальным инструментом обмена, что в повседневных практиках они подвергаются существенным социальным трансформациям в зависимости от контекста социальных отношений. К тому же проникновение денег в некоторые сферы общественной жизни порождает сложные проблемы и даже должно ограничиваться. В других случаях различные социальные группы вынуждены проходить сложный период адаптации к новой роли денег в повседневных социальных отношениях. Хотя классики подчеркивали эмансипирующую роль денег, освобождающих человека от многих традиционных личных связей и открывающих перспективу свободных социальных контактов в рамках более широких общностей, это не совсем так. Конечно, если не идет речь о случаях добровольной или вынужденной социальной изоляции. В большинстве случаев «нормальный», психически здоровый человек, открывая новые возможности, которые предоставляют деньги, стремится сохранить если не прежнюю идентичность, то хотя бы старые семейные, родственные или дружеские связи. При этом, конечно, возникают новые сложные моральные проблемы. Помогать, например, старому другу-неудачнику или прервать отношения, оказывать финансовую поддержку лентяям-родственникам или бросить их на произвол судьбы. «Большие деньги» ставят перед личностью и большие нравственные и социальные проблемы. Но они не могут поголовно убить «человеческое» в человеке, естественную потребность в принадлежности к группам, основанную на психических кон-

тактах, личной привязанности, эмпатии. Литературные образы, рисующие богатых людей как монстров, лишенных обыкновенных человеческих потребностей, сильно преувеличивают деморализующую роль денег. Тем не менее проникновение денег в сферу личных, часто интимных, отношений создает множество проблемных ситуаций. Жизнь в денежном обществе вовсе не состоит только из расчетливых деловых контактов и отношений. Известное выражение Г. Зиммеля о том, что «деньги — это родина безродных», означает лишь то, что обладание деньгами позволяет проникнуть в новую, ранее недоступную социальную среду, не обязательно при этом порывая традиционные социальные связи. Характерным примером является история знаменитых финансовых семейных кланов, сохранявших, несмотря на внешнее давление, почти кастовую солидарность.

В денежном поведении многое зависит от субкультуры референтной социальной группы. Проповедники протестантских общин призывали свою паству много работать и мало тратить, жертвовать на благотворительность, быть скромными и аскетичными. Многие привлекательные черты этого раннего буржуазного этоса сохранились и в наши дни. Денежное поведение, таким образом, детерминировано как психологическими характеристиками личности, так и влиянием господствующей культуры и субкультурами социальных общностей. Денежное поведение многих постсоветских нуворишей, например, вызывает вполне справедливое возмущение «прогрессивной общественности» и молчаливый протест населения. Но в данном случае необходимо учитывать, что речь идет о новых постсоветских социальных группах, о будущем господствующем классе (буржуазной аристократии), о новом среднем классе, субкультура которых находится в стадии становления. Прогрессивная либеральная интеллигенция часто забывает об уникальности исторических процессов в послереволюционной России и СССР, о том, что мы имели и имеем дело с «пролетарской» революцией в аграрной крестьянской стране и «буржуазной» революцией в стране без буржуазии. Новым социальным классам еще только предстоит выработать основы собственной денежной субкультуры, стандарты повседневного денежного поведения. И этот процесс будет трудным, займет период, охватывающий жизнь нескольких поколений.

Деньги являются мощным социальным лифтом. Перемещаясь из одной социальной группы в другую, личность приспосабливается к стандартам денежного поведения, принятым в данной группе. На денежное поведение оказывают влияние не столько деньги как таковые, сколько субкультура группы или общности. В свою очередь, «денежный статус» группы оказывает прямое воздействие на формирование личностного образца члена группы. Так, «финансовые» меньшинства сами приобретают свойства, присущие деньгам, — безразличие к культурным и социальным особенностям

среды и высокую мобильность: «изгнанные, преследуемые и обездоленные приговорены к постоянной миграции и готовы сменить место жительства в любой момент — циркулировать. Эта навязываемая им мобильность усиливает некоторое сходство между ними и мобильными деньгами. Первые перемещают вторые, вовлеченные в водоворот обмена, при котором легче избежать вмешательства и контроля» [9, с. 415].

Вторгаясь в повседневную реальность, деньги сталкиваются с отношениями между людьми, основанными не на рациональном обмене, а на укорененных культурных архетипах, на других типах обменных отношений или вообще на принципиально необменных взаимодействиях (межличностные отношения, отношения, основанные на принуждении или убеждении, нравственном долге, даре и др.). Это как столкновение двух социальных континентов. Как отмечает Н. Зарубина: «Самые глубокие основания жизни общества зиждятся именно на неоплаченных дарах, начиная с даров природы, которые цивилизация потребляет на протяжении всего своего существования, ничего не отдавая взамен. Продолжение человеческого рода и трансляция опыта поколений основывается на бесплатном даре родительской любви, которая всегда выше, чем простое ожидание ответной любви и заботы от детей. Культура творится не расчетливыми ремесленниками, получающими вознаграждение за труды, а гениями, имеющими талант как дар и отдающими его в своих произведениях людям столь же безвозмездно — известно, что гении редко получают при жизни признание и плату, чаще они уходят в безвестности и бедности. Этим даром питается наука, искусство, образование, так же как государственность питается подвигами и самоотверженностью национальных героев» [10, с. 20].

В этом столкновении денежных интересов и ценностей, обусловленных фундаментальными необменными отношениями, формируется сложная, противоречивая сеть повседневных социальных практик, возникают многочисленные ситуации сложного морального выбора вплоть до самопожертвования ради долга, чести, идеи или личного чувства. Многие социологи, в частности представители феноменологической социологии, придают особое значение именно этой сфере повседневных социальных отношений, в границах которой деньги часто теряют свою, казалось бы, безграничную власть или приобретают новые смыслы. Яркой иллюстрацией того, как повседневные практики переформируют денежные отношения, преодолевают экономическую универсальность денег, являются исследования процесса воспроизводства множественных денег В. Зелизер. Между прочим, эти исследования опровергают распространенные представления о том, что рыночные и денежные отношения неизбежно поглощают всю сферу социокультурных отношений между людьми, подчиняя их, по выражению М. Вебера, принципам бухгалтерского учета. История

общества никогда не сводилась и не может быть сведена к простому утилитаризму. «Это удивительно, но многие социологи классического и современного периодов в своих оценках сущности и роли денег оказались во многом едины с экономистами. Принципиально критикуя утилитаризм, они оказались захвачены утилитаристской моделью, придерживаясь представления о деньгах как абсолютно заменяемом, качественно нейтральном, бесконечно делимом и совершенно однородном средстве рыночного обмена. А сами рынки рассматривались, вслед за экономистами, как довольно абстрактные и самодовлеющие экономические механизмы» [1, с. 109].

Как показали современные исследования, множественность проявлений универсальных в своих первичных экономических функциях денег является естественным следствием системного взаимодействия институциональных форм организации общества и инициативного конструирования социальной реальности в процессах повседневного взаимодействия, воспроизводства «жизненного мира». Многообразие денежных практик общее явление, а не присуще только так называемым примитивным обществам. В современных обществах помимо официальных денежных единиц (государственных денег) производится множество разного рода «денежных клонов»: облигаций, товарных векселей, чеков, платежных поручений, вплоть до использования в качестве средства обращения разных предметов, выполняющих функции «денежного эквивалента» в процессах бартерного обмена. В России в 1990-е гг. наиболее ликвидные товары почти наполовину заменили обычные деньги в качестве «товарных денег». «Все эти финансовые инструменты настолько многочисленны и разнообразны, что учет и контроль за совокупной денежной массой в современном хозяйстве, да и само определение того, что следует относить к “деньгам”, представляются весьма затруднительными. Зелизер блестяще показывает, как государство и корпоративные организации одной рукой пытаются стандартизовать деньги, а другой рукой сами плодят различия между денежными единицами» [1, с. 110]. Целевые модификации универсальных «экономических денег» упрямо сохраняются просто потому, что они не могут полностью исчерпать всего разнообразия повседневных денежных отношений: «вопреки многим предсказаниям целевые деньги в современном обществе никуда не исчезли. Сплошь и рядом государством, общественными и коммерческими организациями выдаются “связанные” деньги, предназначенные на строго определенные цели (гранты на исследования, потребительские и ипотечные кредиты, социальные пособия)» [1, с. 111].

В. Зелизер приводит многочисленные примеры попыток общественного регулирования расходов таких целевых денег, особенно семейных бюджетов, и использования денег, предназначенных на социальную помощь и благотворительные цели, споров и конфликтов, которые возни-

кали между спонсорами, распределителями и получателями этой помощи, например, по поводу того, что считать необходимыми, а что необязательными тратами.

Анализ повседневных денежных практик убедительно показал, что функционирование денежных институтов претерпевает существенные модификации под влиянием разнообразия интересов участников социального взаимодействия в малых группах и локальных сообществах, что люди не являются пассивными участниками денежных обменов, а придают официальным платежным единицам дополнительные свойства в зависимости от источников получения и целевого использования денег. Это «социальное производство» денег находит выражение в многочисленных привычных обозначениях типа «трудовые деньги», «грязные деньги», «мужские и женские деньги», «шалые деньги» и др. Социологические исследования повседневных денежных отношений, обыденной денежной культуры позволили глубже понять взаимозависимости между денежными отношениями на микроуровне социального взаимодействия и функционированием денежных систем и финансовых институтов. Склонность населения к сбережениям, например, может быть серьезным препятствием для развития внутреннего рынка, а «жизнь на все средства» может создавать дефицит ликвидности для инвестиций в будущий экономический рост.

Предметная область микросоциологических исследований денежных отношений весьма разнообразна. Но уже сформировался ряд направлений, в рамках которых ведутся систематические исследования (повседневная денежная культура и финансовая грамотность населения, экономическая и денежная социализация, социальные установки по отношению к деньгам, исследование денежных типов личности, потребительское и финансовое поведение и др.). Главным образом это исследования, имеющие непосредственное прикладное значение. В современном потребительском обществе в денежные отношения вовлекаются не только традиционные группы покупателей, но и социальные категории и группы, которые раньше не располагали личными денежными средствами. Вместе с ростом благосостояния меняются источники доходов и способы распределения денежных средств в семье, коммерциализируется досуг, дети и подростки все чаще сталкиваются с «денежными вопросами». В современной экономике товар легче произвести, чем продать. В связи с этим общественный запрос на социологические исследования повседневных денежных отношений будет только возрастать. Результаты таких исследований широко применяются при разработке обучающих программ, тренингов, направленных на формирование финансовой культуры населения, освоение практических навыков управления денежными средствами.

Библиографические ссылки

1. Радаев В. В. «Доллар доллару рознь»: культурно-исторический подход к денежным отношениям // Экономич. социология. 2004. Т. 5. № 1.
2. Зелизер В. Социальное значение денег. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ. 2004.
3. Гай А. Семейный бюджет влияет на семейное счастье. URL : <http://www.sun-hands.ru/6bydgetsemeinii.html>. Дата обращения: 04.10.2013.
4. Андреева И. В. Экономическая психология. М., 2000.
5. Фенько А. Б. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях // Психол. журн. 2000. № 1.
6. Wiseman T. The Money Motive. London: Hodder & Stoughton, 1974. Цитируется по Фенько А. Б. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях // Психол. журн. 2000. № 1.
7. Финансовый вопрос в семье. Кто распоряжается деньгами? <http://www.galya.ru/>. Дата обращения: 20.07.2013.
8. «Мужские» и «женские» деньги. Демоскоп Weekly. 2005/ № 225–226. С. 5–18. URL : <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2013/07/the-masculine-mystique/309401/>. Дата обращения: 20.07.2013.
9. Московичи С. Деньги как страсть и как представление / Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.
10. Зарубина Н. Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социол. исслед. 2005. № 7.
11. Ибрагимова Д. Х. Кто управляет деньгами в российских семьях? // Экономич. социология. 2012. Т. 13. № 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деньги и денежные отношения являются одним из самых сложных социальных феноменов, представляющим вызов для социальных наук. Деньги присутствуют во всех сферах общественной жизни и тем не менее традиционно не рассматривались как социологическая категория. Положение стало меняться лишь в последние десятилетия. Социологи все чаще обращаются к исследованию денег как социального феномена, без учета которого невозможен полноценный социологический анализ не только современного общества, но и научная интерпретация важнейших событий мировой истории. Цивилизация и деньги развивались параллельно. Все известные денежные системы и соответствующая финансовая политика переживали периоды успеха и тяжелых поражений. И хотя поиски идеальных денег упорно продолжаются, надежды на решение этой проблемы маловероятны. Более того, может оказаться, что «идеальная» с точки зрения общественных интересов денежная система тоже окажется цикличной и неидеальной. Идеальных денежных и финансовых систем, несмотря на отдельные успешные практики, в историческом опыте не обнаружено и, по-видимому, не существует в принципе, поскольку такая система всегда есть компромисс конфликтных интересов различных социальных сил, сложившихся в конкретных условиях данной эпохи. Социолога интересует прежде всего социальная история денег, их вовлеченность во многие социальные процессы, революции, войны, морально не приемлемое социальное неравенство и эксплуатация, а также вопросы обратного влияния социальных, классовых интересов и ценностей на денежные и финансовые институты.

Деньги не являются изобретением наподобие колеса, они не привнесены в социальную систему извне, они — естественное следствие развития общественного разделения труда и обмена. Деньги объективны, так как это один из важнейших институтов любого общества, основанного на товарно-денежных отношениях. Социальную историю денег можно представить как череду событий, состоящих из различных альянсов, конфликтов и компромиссов, открытых войн между властвующими и финансовыми

элитами, между классами и внутриклассовыми группами. Это особенно хорошо видно на примере финансового кризиса 2007–2008 гг., вызвавшего бурные теоретические споры среди самых авторитетных экономистов, социологов и политологов. Часто на страницах одного академического издания или на площадке научной конференции можно ознакомиться с прямо противоположными объяснениями причин кризиса и предложениями о путях выхода из затянувшейся экономической рецессии. Общественный дискурс по вопросу о причинах мирового финансового и долгового кризиса часто выхолащивается идеологическими спорами. СМИ и даже научная публицистика заполнены материалами, обличающими жадных банкиров и продажных политиков. Но особенно популярны различные «теории мирового заговора» и «управляемого кризиса».

Алчность и паразитизм финансовых кланов вызывают вполне справедливое моральное возмущение. Однако денежные и финансовые системы никогда не формировались только под монопольным давлением и на потребу лишь ростовщиков. Они всегда были следствием классовых компромиссов. Причем денежные и финансовые инновации, за редкими исключениями, не были волонтаристскими проектами. Денежная и финансовая политика определялась логикой развития социальной и экономической системы обществ в конкретных исторических условиях. Не важно, какие клановые группы участвовали в игре, важна потребность социальной системы, логика ее развития, объективные интересы классовых групп. Деньги в своем основном социальном качестве являются капиталом и, соответственно, подчиняются объективной логике капитала. Исторически проектирование денежных и валютных систем, как и управление финансами, всегда было в той или иной степени экспериментально, но приспособивалось к объективным историческим обстоятельствам.

Предметное самоопределение социологии денег как отраслевой социологической дисциплины продолжалось весь XX в. Были опубликованы первые специальные исследования, в рамках которых постепенно формируется предметная область новой дисциплины «социология денег». С начала 1950-х гг. представление о деньгах как социальных отношениях стало преобладающим. Социальные отношения стали признаваться исходной категорией при анализе денег как социального феномена. Но деньги интересны для социолога прежде всего тем, что это одновременно социальные отношения посредством денег и по поводу денег, в качестве одного из самых привлекательных активов, то есть в качестве капитала. Поэтому научный анализ денежных систем и финансовых отношений должен исходить из методологических установок принципа историзма. Многочисленные сторонники нравственной оппозиции ссудным деньгам и сторонники теории «управляемого кризиса», за исключением

последовательных марксистов, не предлагают убедительную альтернативу и крайне упрощают вопрос о бенефициарах денежной системы. Бенефициаром денег всегда выступал господствующий класс в целом, а не только финансовые кланы. Не следует преувеличивать и роль внутриклассовых конфликтов в системе денежных и финансовых отношений. Исторически возрастающая роль финансовых внутриклассовых групп в экономической и социальной системе является не только следствием их упорной и часто аморальной борьбы за свои групповые интересы, но прежде всего следствием постоянного усложнения экономической системы общества, следствием объективного роста значимости финансового сектора. Коренные интересы внутриклассовых групп крупной буржуазии тесно переплетены и принципиально не противоречат друг другу. В этой классовой среде нет принципиально антагонистических отношений. Социальные конфликты по поводу денег всегда завершались, пусть и несправедливыми, вынужденными, но компромиссами, то есть признанными основными участниками «денежной игры» общими правилами в области денежных и финансовых отношений. Когда практикуемая денежная и валютная система перестает отвечать экономическим и социальным требованиям времени и хотя бы в минимально необходимой степени соответствовать интересам основных участников денежных отношений, а у оппонентов действующей системы накапливается ресурс сопротивления, происходит перестройка национальных или международных денежных систем и финансовых институтов. Любая денежная и финансовая система рано или поздно изживает себя. Возможно, мировое сообщество находится накануне такого исторического события.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, С. Б.* Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы / С. Б. Абрамова // Социол. исслед. 2000. № 7.
- Абрамова, С. Б.* Социологический подход к исследованию денег: основания и перспективы / С. Б. Абрамова // Изв. Урал. гос. ун-та. 2009. № 4.
- Аглиетта, М.* Деньги между насилием и доверием / М. Аглиетта, А. Орлеан. М. : ГУ ВШЭ, 2006.
- Бауман, З.* Глобализация: последствия для человека и общества / З. Бауман. М. : Весь мир, 2004.
- Базулин, Ю. В.* Происхождение и природа денег / Ю. В. Базулин. СПб., 2008.
- Бауман, З.* Глобализация: последствия для человека и общества / З. Бауман. М. : Весь мир, 2004.
- Бодрийяр, Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. М., 2000.
- Бродель, Ф.* Динамика капитализма / Ф. Бродель. Смоленск : Полиграмма, 1993.
- Бурдьё, П.* Формы капитала / П. Бурдьё // Западная экономическая социология: 11. Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев ; пер. М. С. Добряковой [и др.]. М. : РОССПЭН, 2004.
- Васильчук, Ю. А.* Социальные функции денег / Ю. А. Васильчук. // Мировая экономика и междунар. отношения. 1995. № 2.
- Васильчук, Ю. А.* Социальное развитие человека в XX веке. Фактор денег / Ю. А. Васильчук // Обществ. науки и современность. 2001. № 4.
- Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // *Вебер М.* Избр. произведения. М. : Прогресс, 1990.
- Верховин, В. И.* Структура и функции монетарного поведения / В. И. Верховин // Социол. исслед. 1993. № 10.
- Воронов, Ю. П.* Страницы истории денег / Ю. П. Воронов. Новосибирск : Наука, 1986.
- Гальчинский, А. С. К.* Маркс об историзме денежных отношений / А. С. Гальчинский. М. : Мысль, 1985.
- Гуревич, А. Я.* Избранные труды / А. Я. Гуревич. Средневековый мир. СПб., 2007.
- Глузман, С. А.* Деньги в мифологическом сознании человека: вчера и сегодня / С. А. Глузман. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007.
- Дейнека, О.* Экономическая психология / О. Дейнека. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999.
- Зарубина, Н. Н.* Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности / Н. Н. Зарубина // Социол. исслед. 2005. № 7.

Зарубина, Н. Н. Влияние денег на социальное конструирование времени. Динамика нелинейности / Н. Н. Зарубина // Социол. исслед. 2007. № 10.

Зарубина, Н. Н. Влияние денег на социальное конструирование пространства / Н. Н. Зарубина // Ист. психология и социология истории. 2012. Т. 5. № 1.

Зелизер, В. Создание множественных денег / В. Зелизер // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004.

Зиммель, Г. Философия денег / Г. Зиммель // Теория общества. М. : КАНОН-Пресс, 1999.

Зомбарт, Б. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Б. Зомбарт. М. : Наука, 1968.

Ибрагимова, Д. Х. Кто управляет деньгами в российских семьях? / Д. Х. Ибрагимова // Экономич. социология. 2012. № 13 (3).

Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества / В. Л. Иноземцев. М. : Academia: Наука, 1998.

Ионин, Л. Г. Георг Зиммель – социолог / Л. Г. Ионин. М. : Наука, 1981.

Катасонов, В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В. Ю. Катасонов. М., 2013.

Лиетар, Б. Душа денег / Бернар Лиетар. М. : АСТ: Астрель: Олимп, 2007.

Лиетар, Б. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру / Б. Лиетар. М. : АСТ: Астрель: Олимп, 2007.

Маданес, К. Тайное значение денег / К. Маданес. М., 1998.

Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Социология. М., 2000.

Московичи, С. Деньги как страсть и как представление / С. Московичи // Машина, творящая богов. М., 1998.

Панарин, А. С. Дарение и бытие / А. С. Панарин // Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

Пашкус, Ю. В. Деньги: прошлое и современность / Ю. В. Пашкус. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

Полянй, К. Великая трансформация / К. Полянй. СПб., 2002.

Полянй, К. Семантика использования денег / К. Полянй // Историко-экономический альманах. М. : Академ. проект, 2004. Вып. 1.

Политическое измерение мировых финансовых кризисов. М., 2012.

Радаев, В. В. Экономическая социология : курс лекций / В. В. Радаев. М. : Аспект Пресс, 1997.

Радаев, В. В. «Доллар доллару рознь»: культурно-исторический подход к денежным отношениям / В. В. Радаев // Экономич. социология. 2004. Т. 5. № 1.

Теннис, Ф. Общность и общество / Ф. Теннис. М., 2002.

Фенько, А. Б. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях / А. Б. Фенько // Психол. журн. 2000. № 1.

Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. М., 1986.

Хейне, П. Экономический образ мышления / П. Хейне. М. : Дело, 1992.

Шептун, А. А. Философия денег / А. А. Шептун // Вопр. философии. 1999. № 7.

Aglietta, M. La Violence de la monnaie / M. Aglietta, A. Orléan. Paris : PUF, 1982.

Simmel, G. The Philosophy of Money / G. Simmel. L., 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДЕНЕГ	
1.1. Развитие денежных и финансовых институтов.....	6
1.2. Великая депрессия и формирование международной денежной и валютной системы.....	35
1.3. Неоконсервативная революция и монетарная политика	47
1.4. Социальные факторы современного долгового и финансового кризиса	70
2. ДЕНЬГИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
2.1. Социальные теории денег	91
2.2. Деньги и общество, деньги и культура.....	136
2.3. Микросоциология денег	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
ЛИТЕРАТУРА	206

Научное издание
Лимаренко Александр Петрович
СОЦИОЛОГИЯ ДЕНЕГ

Ответственный за выпуск
Е. А. Логвинович

Художник обложки
Т. Ю. Таран
Технический редактор
Т. К. Раманович
Компьютерная верстка
Г. И. Василевской
Корректор *Л. С. Мануленко*

Подписано в печать 16.05.2014.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 12,09.
Уч.-изд. л. 15,7. Тираж 100 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной
регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
Свидетельство о государственной
регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.